

ЮНОСТЬ

1976

П. МАЛИНОВСКИЙ
(Москва).
Девушки Трехгорки.

**Из произведений
молодых художников.**
См. в этом номере очерк «Сенеж-75»

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЮНОСТЬ

*Активное участие
в выполнении десятой пятилетки
является важнейшим делом
Ленинского комсомола,
всей нашей молодежи.*

Из Проекта ЦК КПСС к XXV съезду
«Основные направления
развития народного хозяйства СССР
на 1976—1980 годы».

Журнал
основан
в
1955
году

1 (248)
ЯНВАРЬ
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ТВОЯ

Слетели первые листки с календаря нового, 1976 года, и еще не стихла музыка новогодних балов, и елки зеленеют в каждом доме, а в разноголосье праздника все настойчивее влетают деловые ноты: начался отсчет трудовым будням очередной, десятой пятилетки. По радио — о пятилетке. В школе, в каждом классе — о пятилетке. На заводе, в институте, в колхозе, на стройке — серьезно, озабоченно — о новой пятилетке, о приближающемся XXV съезде партии.

Приято изучать цифры, определяющие развитие народного хозяйства на предстоящее пятилетие. Там все в миллиардах, миллионах, сотнях тысяч — таков размах! Приятно узнавать, что через два-три года по соседству с тобой отстроится жилой район, что скоро выпустят новую марку автомобиля, а родители высвободятся от домашних хлопот — количество магазинов-кулиний, химчисток и прачечных значительно увеличится за пятилетку. Однако план сообщает нам не просто о некоем механическом прибавлении благ. В нем обозначена деловая перспектива для всех советских людей на ближайшие пять лет, заложено задание для каждого из нас — твоя пятилетка.

В самом деле, ученый найдет для себя в плане наметки давно интересующей его научной проблемы, которая потребует разрешения в десятой пятилетке; строитель — адреса новых городов и строек, где ему придется работать; молодой рабочий — программу технического перевооружения своего родного завода; колхозник — меры, стимулирующие дальнейший рост сельскохозяйственного производства.

Каждая пятилетка имеет свое лицо, свой неповторимый облик. Десятая станет пятилеткой эффективности и качества.

Вот что записано в проекте ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»: «Главная задача десятой пятилетки состоит в последовательном осуществлении курса Коммунистической партии на подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства и повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства». Это вовсе не значит, что все предыдущие пятилетки нас мало заботили эти проблемы и только теперь мы решили основательно взяться за них. Сегоднешний курс на эффективность и качество говорит о том, что изменились — возросли, стали разнообразнее — наши потребности, изменился и вырос советский человек. И все это не на пустом месте. Все это результат долгой и кропотливой работы твоих дедов, отцов и старших братьев.

В двадцатые годы Михаил Иванович Калинин говорил: «Нужно снять последний пиджак и построить Волховстрой». В этой фразе отражалась вся суть тогдашней экономической ситуации. Полуголодная, полураздетая страна, доставшаяся нам в наследство от недавнего прошлого, должна была в кратчайшие сроки стать крупнейшей индустриальной державой мира. И не самоцели ради. Мыслимо ли было думать об успехах социализма без тяжелой индустрии? Возможно ли самое незначительное достижение в сельском хозяйстве или в производстве товаров первой необходимости без современных станков, машин и механизмов? Тогда мы сознательно шли на ограничение развития некоторых отраслей — лишали себя «пиджака» и, собираясь с силами, строили, строили, создавая в самую первую очередь мощный индустриальный задел — ради успехов дня сегодняшнего.

Каких трудов это стоило, сколько героизма и пролетарской отваги было проявлено на хозяйственном фронте, ты знаешь и по учебникам истории и из рассказов современников — очевидцев и участников событий тех лет. И наверняка тебе запомнились кадры кинохроники, снятые на Магнитке. На огромном пространстве до самого горизонта — людской муравейник. Люди с лопатами, носилками, тачками. Идут земляные работы. Там, где вполне мог бы справиться современный многокубовый экскаватор, работает тысяча человек: успех дела достигался не умением (с помощью машин, которыми управляют высококвалифицированные работники), а в основном пока еще числом — физическими усилиями массы людей, вооруженных лопатой или киркой.

Лозунгом последних лет стали те же слова, но записанные в обратном порядке: «Не числом, а умением». Нехитрая, казалось бы, перестановка отражает громадный социально-экономический сдвиг, масштабы которого тебе помогут оценить такие, например, факты:

— за девятую пятилетку объем промышленного производства увеличился на 43 процента;

— абсолютный прирост национального дохода составил 46 миллиардов рублей; около четырех пятых этого прироста получено за счет повышения производительности общественного труда;

ПЯТИЛЕТКА

— только сельское хозяйство получило в девятой пятилетке 1,7 миллиона тракторов и 1,1 миллиона грузовых автомобилей, в 15,8 миллиарда рублей сельскохозяйственных машин, почти 300 миллионов тонн минеральных удобрений.

Видишь, каких высот мы сумели достичь всего за пятьдесят с лишним лет.

Теперь перед нами, перед тобой новые, еще более сложные задачи, и одна из главных — делать свое дело отлично.

«...Все наши усилия не дадут желаемого результата,— говорил Леонид Ильич Брежнев на XVII съезде комсомола,— если мы серьезно не поднимем качество работы во всех звеньях нашего хозяйства, на каждом рабочем месте. Качество работы — понятие очень емкое. Оно складывается из многих производственно-экономических факторов и вместе с тем охватывает широкий круг моральных проблем».

В этих словах — высокая требовательность к тебе и твоим товарищам, ко всем, кто будет творить десятую пятилетку. Требовательность к вашим гражданам, моральным и профессиональным качествам. Ты знаешь, что на современном предприятии, стройке сегодня уже мало знать «от сих до сих». Каждый день происходят большие или малые перемены в технологии, в оснащении, приемах и методах работы. И если ты не обновляешь знаний, если не расширяешь своего профессионального кругозора, рано или поздно отстанешь от хода жизни, и как работнику тебе будет грош цена.

Знаешь ты и о том, как по-разному можно относиться, скажем, к производственной норме. Для одного норма — предел, «потолок» — нечего выше и прыгать. Для другого норма — вызов, толчок к поиску рациональных решений, к проявлению творческой инициативы, когда обнаруживается не только человек пытливого ума, но и настоящий гражданин, для которого успех общего дела превыше всего.

Выступая перед делегатами XVII съезда комсомола, Л. И. Брежнев раскрыл, насколько широко и многозначно понятие качества работы: «Это и четкая организация производства, строгий ритм трудового процесса, неукоснительное соблюдение технологии. Это экономное расходование материалов, бережное, хозяйское, я бы сказал, любовное отношение к технике и, конечно же, сознательная, товарищеская дисциплина, обстановка взаимной требовательности и взаимопомощи в труде. С борьбой за качество несовместимы небрежность, расхлябанность, нерадивое отношение к делу».

Итак, судьба качества в десятой пятилетке во многом будет зависеть и от твоих индивидуальных качеств. Как, впрочем, и наоборот. Ведь за очередную пятилетку мы не просто стоем старше на пять лет. И не просто выплавим столько-то тонн стали или добудем столько-то тонн угля.

В этом номере «Юности», который по традиции является номером молодых, почти целиком составленным из произведений начинающих литераторов и художников, ты прочтешь повесть и рассказы прославленного строителя Алексея Марчука и будущего инженера Валерия Дашевского, стихи шофера Николая Пономарева, очерк молодого журналиста, в недавнем прошлом каменщика, Валерия Шария и других. Люди труда, они своим творчеством демонстрируют еще одну характерную особенность нашего времени — постепенное стирание граней между умственным и физическим трудом, качественный рост советской интеллигенции, корнями своими связанной с народом.

В процессе дела, в борьбе с отживающим — за новое, передовое, в упорной работе у станка, в поле, в лаборатории, за кульманом мы приобретаем и оттачиваем мастерство, набираемся сноровки, знаний, опыта. И, преображая мир, деля его еще лучше, преобразуемся, делаемся лучше сами — ведь так растет новый человек.

В десятой пятилетке он будет расти, борясь за высоты качества. Он — это я, ты и еще миллионы и десятки миллионов людей. Уже опытных, сотворивших не одну пятилетку, и совсем юных, твоих ровесников, для которых десятая будет первой.

«Доверять молодым, опираться на свойственные молодежи энтузиазм и благородное стремление трудиться на общую пользу и вместе с тем помогать правильно ориентироваться в жизни, вооружать молодежь знаниями и опытом старших поколений — всегда было в традициях коммунистов. Партия будет и впредь укреплять эти традиции, развивать активность молодежи, еще шире привлекать ее к участию в управлении делами социалистического общества». Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС, прозвучавшие с трибуны XVII съезда ВЛКСМ, с удовлетворением восприняла вся советская молодежь.

Вместе со всем народом тебе предстоит решать грандиозные задачи десятой пятилетки. Дело твоей чести — оправдать доверие партии.

Алексей МАРЧУК

Родился в Омске в 1935 году. После окончания Московского инженерно-строительного института работал на строительстве Братской, затем Усть-Илимской ГЭС. Об этом — его первая повесть.

ПРИСНИЛСЯ МНЕ ГОРОД...

Страницы истории Братской ГЭС

До свидания, Братск!

Вот и настал этот день — последний день в Братске. Гулко ухают мои шаги в пустой квартире, шелестит за окнами дождь, никак не укладываются в рюкзак какие-то нелепые, случайно оставшиеся вещи. Я бросаю их и смотрю в окно. Осень уже тронула желтизной лиственницы, сделала прозрачной тайгу. Катятся с веток тяжелые капли. На балконе мокнет черный якорь, подаренный яхт-клубом.

Нечаянно, негадано
пришла пора дороги дальней.
Давай, дружок, отчаливай,
канат отвязывая причальный...

В кармане билет, в паспорте штамп: «Выписан из Братска». Это как приговор. Выписан из молодости, выписан из Усть-Илима.

Я уезжал оттуда ранним утром, попросил шофера завернуть в котлован. А солнце, как нарочно, выкатилось тогда такое щедрое, что разлились вокруг невиданные краски. Плавали в голубом небе серебристые двухконсольники, распахнув над блоками свои крылья. Метнулась красной стрелой эстакада с берега на берег, и по ее могучим плечам двигался бесконечный разноцветный мазовский конвейер. Опалубка золотилась под солнцем, ветер доносил ее

крепкий стружечно-сосновый запах. Внизу, в переплаханном взрывами и экскаваторами темно-синем дыбе¹, пробивался белый бетонный цветок гидростанции. Привычно шумела Ангара, вырываясь из пролетов плотины. Тяжелыми шагами выходила ночная смена, тянулась из холодных теней котлована к теплему солнцу. Я зашел попрощаться с диспетчерами. Виктор Подгайный проводил меня к машине. Стоим, смотрим друг на друга, на реку, на плотину, на солнце и не знаем, что говорить. Тронuli друг друга за плечи:

— Ну, бывай, Виктор.

— Бывай, Алексей.

Ванула машина, полетела за стеклами тайга, лесовозы, железобетон...

Усть-Илим, две зеленых звезды в небесах...

...Сколько можно стоять у окна? Надо что-то делать. Осталось двадцать часов до самолета. Протрубить бы в трубу, собрать бы всех друзей, устроить прощальный пир. Да не соберешь всех, как ни труби. Рольдэг Годасе на Зее. Пашка Комаров на кладбище. Ося Вильковский — в провинции Камугуэй. Фред Юсфин увез юных «варягов» — воспитанников детского морского лагеря — на крейсер «Варяг». Михайлов в командировке, Букреев сражается со своей болезнью где-то в кумысных степях под Саратовом. Но разве может такое случиться в Братске, чтобы перевелись друзья, чтобы с кем-было разделить радость или печаль?

Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы напали на него все страны Вселенной. Мне снилось, что это был город Друзей, который еще никогда не бывало...

Это, как мне кажется, именно о Братске писал Уитмен за сто лет до его появления.

Ребята, помогите мне сегодня. Связисте всех наверх! Я бегу от окна к телефону, вызываю тревогу оставшимся друзьям. Скорей к морю! Созданное нашими руками, оно всегда спасало нас от печалей, тревог и сомнений. Добрые спички волн принимали нас на кораблях и на веслах, под парусами и на водных лыжах, зимой в голубых прорубях. Пусть не хватало эти волны тепла, что же поделал, его мало в Сибири, но им всегда хватало силы, широты и глубины для того, чтобы успокоить наши волнения, вернуть человека к достойным его масштабам жизненных измерений.

И всего через час с короткой сиреной отваливает от высокого основного берега старый адмиралский катер «Бравый». Перекрашенный множество раз, он еще не сдается, задирает нос над волнами, ведет в кильватере белокрылую яхту «Диана». Крепкий ветер рвет кобылку, вышибает из глаз слезу, мешаят принимать парад берегов и команды моего Последнего Рейса.

Когда светит луна над Маренъярве,
Уснуть не могут даже рыбки в море...

Это поет Саша Гуревич. Любое общение с природой вызывает у него желание петь. Больше всего я люблю Гуревича за необыкновенный дар извлекать из привычности дней и окружающего мира радость жизни. Сколько было у меня будней, когда хотелось выть от неудач и неправды своих поступков. Все валилось из рук, но появлялся Гуревич, как сказочный джинн, уводил к морю или в тайгу, показывая по дороге засыпавшие в бетоне

славные дела нашей молодости, прекрасных девушек, голубое небо или мерцающие звезды Кассиопеи. Мы садились на берег и смотрели вдаль. Душа повторяла движения моря, уплывали тревоги вместе с мхурими туманами, прибыл тихо перебирал камешки у наших ног.

— Брось, не тужи. Прощумят века, сядут на это место два человека из иных столетий. Они будут глядеть адаль и завидовать нам, изваявшим эту плотину и воздвигшим море. Да здравствуем мы, Мастера Сегодня, чей труд вызовет удивление в раскритых глазах летящих навстречу столетий!

...С Сашей мы встретились в пятьдесят седьмом на комсомольском воскреснике у спортзала.

— Еще... раз-два! На ход! — разбирая тяжелые заделенные брусья, нутужно орал мы.

Рядом пыхтел незнакомый парень в пижонском пальто цвета д'артяньовой лошади! Черное лицо блестело от пота и от белой улыбки. Тяжело было. Впитавшие в себя сырость мартовского снега брусья были как чугунные. Несмотря на зажигательные речи секретаря комитета комсомола Виктора Подгайного, на шуточки девчат, хотелось полечь на снег, унять противную дрожь в руках и коленях. Одно бревно нас доканало. Его конец уходил куда-то в снег, в лед, к черту, к дылову. Даже самые отчаянные крикуньи прекратили свои «раз-два», мы дергали бревно в изнеможении, вразнобой, молча и испуганно. Первым прекратил эти безнадежные конвульсии незнакомец. Он распрямылся, сбросил бежевое пальто. Под синим спортивным костюмом тяжело бугрились мышцы.

— Саша, Саша, иди к нам, помоги! — сразу закричали наши неверные девчата.

Саша послал им широченное воздушное объятие, шумно, со свистом дохнул и зашел: «Эй ухнем!» Ребята с удивлением подняли головы, потом десятком осипших крепких глоток подхватили припев, сливая усилия в могучем ритме песни. На словах «сама пойдете» мы дали такого рывка, что бревно пуглив вылетело из своего ледяного гнезда.

— Кто таков? — спросил я у Виктора Подгайного.

— Новый инструктор горкома. В Основное нашли. Кончил университет, а работал, чудак, путеукладчиком. Штангист.

В горкоме комсомола Саша работал недолго, ушел в котлован бурьшником². И там, в пыли и грохоте перфораторов², умел он открывать товарищам по бригаде романтику их тяжелого ежедневного труда. Даже на железного бригадира Иннокентия Перетолчина действовало. Однажды в ночную смену, когда ярко светили звезды, бадьи, освещенные луной, как ракеты, взлетали в небо и ночь вздрагивала от взрывов перетолчинских шпуров, бригадир Кеша жарко задышал Гуревичу в ухо:

— Сань, я чо придумал... Давай книгу напишем про нашу работу, как мы тут вкалываем. У меня уже и начало есть: «Была ночь. Трещал мороз, а мы стояли на дне котлована и бурили крепчайший диабаз».

Не написал Перетолчин книгу. Увел свою бригаду через тайгу и торосы, поставил на Толстом мысе флаг, сруб поставил, начал Усть-Илим. А Саша ушел в газету «Огни Ангары». Журналист все-таки.

— О, выйдй поскорее, Каролина! — допевал в это время фортиссимо Гуревич, теперь уже сборок АГП, и делал на корме ласточку, подчеркивая силу своих чувств.

¹ Дибаз — вид крепкой горной породы.

² Перфоратор — механизм для бурения сквад,

«Бравый» обогнул бакен на мысе Пурсей и взял курс на обсерваторию. По берегу у крошки прибора ходил человек, перепоясанный ремнями фотоаппаратов, и махал нам рукой. «Бравый» ткнулся носом в песок и принял на борт Николая Ивановича Перка. «Великий хранитель времени», начальник фотослужбы Братскгэстроя, освободился от своих аппаратов, уютно расположился в кубрике в ожидании солнца и сюжетов.

Первый раз я попал в объектив Перка на Заверьянке семнадцать лет назад. С тех пор Николай Иванович нисколько не изменился. Летописец Братска не поддается времени.

Мерно гудит двигатель, пенится за кормой расплаханное море, лежит на дне под нашим килем навеки умолкнувший порог Падун, поселок Зеленый — место нашего первого свидания с Братском. Только Перк может показать вам, как это было. В тихом доме, окруженном соснами и морем, в альбомах, пакетах и коробочках лежат у него давно отшумевшие дни. Наводнение в Зеленом и перекрытие Ангары, почерневшая от веков деревня Падун и первый двенадцатизатный дом, ястные пороги и парад яхт, переводчики производства, короли и принцессы, Фидель Кастро, Герман Титов — все под своим номером навеки впечатано в историю Братска Николаем Ивановичем Перком.

Неизвестно, что ему это стоило. Всегда приветливый, доброжелательный, Николай Иванович двадцать лет живет в Братске в готовности номер один. Пешком, на мотоцикле по ушам в грязь, за рулем автомобиля любых марок, альпинистом по эстадам, на пыльных приемах, в собачий мороз и под пляжным солнцем.

Незаметно и неумоимо щелкают, лязгают и трещат затворы его аппаратов. В присутствии Перка люди вдруг становятся лучше — исчезают перекурыв, распрямляются сутулые спины, появляются орлиные взгляды. Люди хотят войти в будущее красивыми. Так они и попадают у Николая Ивановича.

— Эй, на «Бравом»!

Это Бардашов и Тараканов, стоя на носу «Дианы», вздымают стаканы к небу.

— Полный вперед! — ответил Гуревич, выхватив из кармана бутылку.

Экипаж «Дианы» отсалютовал в нашу сторону, выпил и дружно крикнул. Ух и громко трещит двигатель на «Бравом», тут уж мы его перекричали.

А двигу? А что двигун —
он молотит понемногу.
Нам тепло, и слава богу,
пусть на палубе колотун!

Заливается бардашовская мандолина, как в лучшие дни ансамбля «Гитурист». Было нас в те дни десять человек, а сейчас на борту трое.

Семь лет назад на одном из туристских слетов собрались к общему костру все гитарно-туристские лидеры Братскгэстроя. Попробовали петь вместе. Не скажу, чтобы получилось очень здорово с точки зрения вокала, но возможность снова спеть первые песни Братска, пообщаться вопреки различающему каледоскопу производственных напряжений понравилась всем ужасно. Пели мы для души, до хрипоты, до утра и не знали тогда, что фортуна готовит нам необыкновенный взлет.

Наступил 1967-й, юбилейный для нашей страны год, и директор клуба предложил нам выступить на городском слете самодельности. Ребята согласились из чувства юмора. Репетировать, конечно, бы-

ло некогда. Готовились к сдаче Государственной комиссии Братская ГЭС. Братск готовился к приему Энергетической комиссии СЭВ. Бардашов тренировал горнолыжников, водолажников, уезжал в горы. Женя Грап мыкал свой охотничий сезон где-то в глухой тайге. У всех были вечерние работы, общественные дела, жены, дети. С трудом собирались для того, чтобы придумать себе название — все-таки выходил на сцену. Вопрос был решен быстро и дружно: ансамбль туристских гитаристов и не может иначе называться, как «Гитурист». Под этим флагом и началось наше восхождение на Олимп самодельности: Иркутск, Ангарск, Новосибирск, Москва. В Москве мы с позором провалились на просмотре к праздничному концерту во Дворце съездов. На этом сцену мы забросили, но петь не перестали.

Наш катер на малом ходу проходит параллельно напорному фронту бетонной плотины. Капитан знает, что делает. Я смотрю на плотину и вспоминаю слова архитектора Карташова: «Почему художники рисуют ее серой? Она же белая». Длинные зеленые волны трутся щеками о белую стену, о черную сталь тяжелых затворов, словно просятся вниз, на волю, в синие хвойные усть-илимские доли. Вот где-то здесь, у желтого откоса земляной плотины, стоит и моя напряженная секция. Стальные тужи с усилием в две тысячи тонн прижимают ее к скальному основанию. Первая в стране плотина с напряженной анкерровкой. Не было бы ее, если бы не друзья. Иосиф Савицкий, знакомый еще по строительству мостов для перекрытия, помог разбурить скажины. Мастер Эмма Шапалова иногда со слезами отставала интереса опытного участка. Тоненькая, как тростинчика, инженер Вала Адамова помогла расшить узкие скажины. Философ, лектор горючка партии Володя Долгий до почернения варил в бетонных швах стальные тужи. Рыжий, как жарок, Валёк Адаев с шуточками-прибауточками возился с докматами, будто и не отработал уже свою смену. Поэтому и стоит восемьдесят пятая секция, намертво прижатая к скале. Десять лет прошло, а напряжение в тросах не падает. До свидания, может быть, когда-нибудь и вспомнят о тебе.

«Бравый» лег на правый борт и пошел к дальним корабельным носам, в Зыбский залив. Надо было прибавлять ходу, поэтому мы оставили на «Диане» только капитана Тараканова и воссоединились на корме флагмана. Ровно гудел двигатель на полных оборотах, ветер бросал в лицо голубой дым соларки и брызги с гребней волн, подхвачивая слова старой морской песни:

Наша шхуна крепка, и суров капитан,
З-гей, Гюи!
Вернется к вам с песней из северных стран
Наш привет из Гюи-Гранд...

Нет еще такого двигателя, шум которого не перепел бы Бардашов. «Любое дело надо делать изо всех сил» — такой девиз я бы написал на щите главного специалиста проектной конторы Братскгэстроя Бардашова. Взявшись лишь в студенчестве за мандолину, он играл на Всесоюзном смотре в Большом театре. Мы все водными лыжами только развлекались, а он стал кандидатом в мастера в сорок лет. Начал тренировать братских школьников на водных и горных лыжах и сделал из них первозрядников. Поручили ему проектировать первую санную трассу в стране, он сделал ее олимпийской, одной из лучших в мире, следил за строительством, работал на стройке сам. Познакомился со всеми саночниками страны, со специалистами из ГДР, съездил на Олимпиаду в Мюнхен. А уж если надо петь

До самолета я успел зайти попрощаться с начальником строительства Иваном Ивановичем Наймушиным. Впервые за свою Братскую службу пришел в приемную начальника Братскгэстроя в ковбойке и джинсах. Его секретарша Тоня, строгая и прекрасная, как флаг Управления, как символ неувядающей красоты Братскгэстроя, улыбалась мне со своего трона. Она знала, зачем я пришел, и отворила мне арты руководства. Иван Иванович расправлялся с какими-то бумагами. Пиджак с депутатским флажком висел на спинке стула.

— Привет тебе, ответственный работник! — сказал он.

Иван Иванович всегда относился ко мне с некоторой дружеской иронией.

Сдвинул бумаги, усталым жестом поправил волосы.

— Не смог я, Алексей, вчера к тебе прийти, по колхозам мотался. Да и вам, наверное, без меня веселее было.

— Мы собирались не для веселья.

— Ну что ж, каждому овощу... Я, наверное, вас всех здесь пересичу.

Я знал, что Иван Иванович не любит длинных разговоров, быстро сказал какие-то прощальные слова и собрался уходить.

— Да ты погоди, не торопись. Я побольше тебя пожил, поработал, может, чего полезное скажу.

Иван Иванович — это живая легенда. Американцы довольно точно прозвали его «гидромедевед». Одиннадцать гидроэлектростанций построено им в «медвежьих углах» — в брянских лесах, на северной реке Ниве, на Каме, на таежной Ангаре — Братская и Усть-Илимская ГЭС. Вся его фигура с крепко посаженной среди могучих плеч головой дышала решимостью проламываться сквозь любые преграды. Жизнь никогда не ласкала этого человека. Беспризорики, он вспоминал свое детство, как непрерывную тяжелую работу: непослушная тачка на Беломорканале, треск спины под грузами в артели «Гуж», тяжелая крепь в шахтах Алтая. Прямо из шахты навалопотбойщик Наймушин пробился на рабфак Московского горного института. Без школьной подготовки, на одном упорстве учился так, что падал иногда в обморок от напряжения и недоедания. Он пришел на работу с первым десантом строителей в декабре 1954 года, вытаскивая плечами автобус и прорубая путь по таежной кожной дороге.

Сибиряки уважительно зовут медведей «хозяина тайги». Теперь хозяин тайги — Наймушин. Один миллион рублей строительно-монтажных работ в день — вот масштабы его власти.

Мы проговорили дольше, чем за все семнадцать предыдущих лет. Не знал я тогда, что через три дня этого человека не станет. Погиб он в авиационной катастрофе в усть-илимской тайге.

— До свидания, Иван Иванович, — сказал я ему, прощаясь. — Два часа до самолета. Спасибо за школу.

— Ну, давай лети. Репоме у тебя хорошее — Братскгэстрой. Не пропадешь.

Все. Теперь в аэропорт. Быстрей бы преодолеть эти последние мучительные минуты. Снова рядом друзья: Саша Гуревич, Лилия Данилова, Саша Тараканов, Витя Залетаев. Примчался на своем «уазике» Перк, привез каких-то чудом сделанные фотографии нашего прощального плавания. Приехал Алексей Гоголицыч, мой преемник по комбинату «Братск-железобетон» и президент яхтклуба. Приехала Анна

Владимировна, добрая секретарша, привезла комбинатовские сувениры.

Саша Гуревич взялся за оформление билетов и исчес в помещении с табличкой «Вход воспрещен». Аэрофлотские девушки, как, впрочем, и большинство девушек, встречали его улыбкой.

А меня вдруг охватил ужас. Неужели это все в последний раз? Этот аэропорт, где меня все знают, эти ребята, к которым я уже не вернусь, прямая как стрела, дорога, раскакающая тайгу: поплалом: Братская ГЭС — налелво, Усть-Илимская ГЭС — направо. И уже нет ключа от дома. Это у меня-то нет в Братске дома? Я что-то говорил ребятам, улыбался, надписывал на память фотографии, а сам весь деревенел от мыслей. Деревянные ноги, деревянный язык, деревянная улыбка. Как же это? Что делать-то буду без Братска?

Из пассажирских толп возник Гуревич с комсомог аэропорта.

— Девушки дарят тебе еще четыре часа в Братске. Решили задержать самолет, чтоб ты еще подышал родным воздухом.

Гуревич умеет опозитизировать даже вовсе прозаические события. И двинули мы все через площадь в тайгу, и встали в кружок, и расчехлили гитару. Кругом была осень, стелилась под ногами похужлая трава, желтели пушистые листенники, ветер дышал грибами и грустью.

Осень, машет косинкой малиновой,
Тихой грустью полны вечера.
Не вернулась любимая,
И любовь моя с нею ушла...

Чего-то главного я не сделал, чего-то главного не сказал ребятам... А уже трап.

Распределение

Пятикурсники МИСИ волновались. Собирались кулками, усиленно курили под табличками «Не курить», тасовали, как колоду карт, названия гидротехнических строек: Куйбышев, Сталинград, Каховка, Иркутск. Козырным тузом ходило по кругу слово «Братск». Тузами шествовали по коридорам мои друзья-туристы. Все ялты мест в Братск выбыл для своих туристов Женя Елизаров. Я заводил ребятам. Им задолго до распределения все было ясно: Братск — и все тут. А мои карты пугали два обстоятельства: 1) профессор Гришин сделал мне предложение остаться в аспирантуре, 2) а я еще не сделал предложения Наташе.

Наташа не входила в нашу шапку и вообще никаким туризмом-альпинизмом не занималась. Однако нас связывало нечто, из-за чего на меня косо поспатривали друзья (и подруги). По законам туристского племени нельзя искать привязанностей у чужих вигамов.

Первое обстоятельство я отбросил довольно быстро: стоило только открыть учебник для подготовки к экзамену в аспирантуру, я сразу понял, что не могу. Не могу больше ни учить, ни сдавать — прямо торможение в мозгах.

Захлопнул я книгу, пошел в деканат и сделал твердое заявление: не хочу в аспирантуру, хочу в Братск. Заместитель декана сначала уговаривал меня подумать, а потом (он был секретарем партбюро факультета) усмотрел в этом патристическое движение моей души, пожал руку и обещал место в Братске.

Теперь предстояло разрешить более сложную ситуацию с Наташей. Решительность нашла на меня в

автобусе номер 111, в котором я провожал Наташу домой накануне Великого Дня Распределения.

— Нат,— зашептал я ей в ухо,— я отказался от аспирантуры...! И заглянул в лицо, чтобы полюбоваться произведенным эффектом.

Эффекта не было.

— Угу,— кивнула Натка.

— Я решил ехать в Братск...

— Угу.

— И в этом плане мне хотелось бы увязать некоторые детали...

— Ты имеешь в виду меня! — с интересом спросила Натка, распахнув зеленые глаза.

Я задохнулся от нежности и смущения.

— Ну, что ты? То есть, конечно... Я почему-то свои планы связываю с тобой.

Она улыбалась и ничего не отвечала. Все было тревожно и неясно.

И настал Великий День.

Первой за черную дверь, где происходило таинство распределения, ступила Наташа, потому что группа наша была первой, а первой в списке группы была ее фамилия, начинавшаяся с буквы А. Я по пояс влез в замочную скважину.

К первой жертве комиссии проявила живой интерес, все были полны сил и желания послать нашего брата куда-нибудь подальше.

— Здравствуйте,— сказала Наташа, и лицо ее покрылось пятнами.

— Здравствуйте,— нестройно, но многозначительно ответила комиссия.

Секретарь доложила комиссии «данные».

— Товарищ Андреева, мы хотели бы перед распределением учесть ваше желание,— гуманно заявил седовласый председатель.

— Я хочу в Братск,— сказала Наташа и поставила комиссию в тупик.

А я услышал далекую музыку Мендельсона.

— Но позвольте...— Председатель комиссии близорно смотрел в какую-то бумажку и нащаривал очки,— по предварительным данным, вы хотели остаться в Москве, в институте Гидропроект...

— Нет, я решила ехать в Братск.

— Ваше желание похвально... но там еще не развернуты работы, люди живут в палатках... холодно, знаете ли, мошка...

— Я хочу в Братск,— упорствовала Наташа по непонятным причинам и улыбалась комиссии.

Комиссия переглянулась, пожала плечами и распределила ее в Братск.

Ах, Наталья! Как же возросло надо мной твоё сияние? На первом занятии первого курса в группе ГС-1 МИСИ впервые встретились семнадцатилетние и восемь девушек. Рассмотрел я всю великолепную восьмерку и не нашел ничего интересного. Все прекрасные девушки остались в десятом классе тихой и милой Апрельской школы, что стоит под старыми липами, как сказочный теремок. Нету здесь моей девушки, решил я твердо и ударился в учебу да в комсомольскую работу. А Наталья Андреева мешала мне ужасно. То лекцию прогуляет, то двойку по математике получит, то вовсе группу с занятий в кино уведет на «Тарзана». Злился я на нее, на бюро вызывал, все бесполезно.

А тут Верочка Шаблова, единственная на четвертом курсе замужняя, вдруг говорит:

— Лешка, приходи сегодня на вечер к нам в Дом коммун. С Наташкой, да?

Невероятность предложения ошеломила меня, однако любопытство взяло верх. И хороший получился вечер, даже проводил я эту великолепную Наташу без удовольствия. Но крупные противоречия оставались, борьба продолжалась. На каникулы я уходил

с Елизарычем в поход, а она уезжала в какие-нибудь глубоко презираемые мною места — на юг, на Рижское взморье. Я ходил на экзамены первым, она — последней. Я любил Сибирь, а она — старые московские переулки. Я играл в волейбол, она проставляла ногами за билетами в Большой театр. Она великолепно разбиралась в музыке, живописи и литературе, а я в этом тонком мире чувствовал себя колючим.

Недолгая, но настоятельная борьба привела нас в Первомайский загс города Москвы. А через день мы грузились в вагон — в Сибирь, в Братск, в неизвестность. Перед нашим вагоном на перроне стояла толпа: папы, мамы, тети, друзья и подруги разных степеней и просто любопытные. Огромные рюкзаки и штурмовки выдавали некую общность группы, в остальном царил хаос — цветы, чемоданы, гитары, свертки, которые куда-то деть, бутылки, выглядывающие из карманов, хохот друзей, слезы на глазах у мам. Головы гудят от вчерашней садыбы. Гудят паровоз. Мы шестером повисаем на подножке. Мы с Елизарычем и четыре девушки. Одна из них — моя жена Наташа.

От Москвы до Братска семь суток. На семь суток продлевается наша студенческая жизнь. Сначала мы ехали весело: вагон вздрагивал от нашей игры в «гоп-доп», но нам все прощали из-за вечерних песен. Люди приходили из соседних вагонов, слушали непривычные наши песни, изумлялись: «Во студенты даются! За Тайшетом в окна стала заглядывать лесная дождя и пожарами черная, поломанная тайга. В болотной мшистой глубине ее белели, как скелеты, остатки каких-то построек. Поезд шел трудно и медленно, с вагонов стекали центрифугальные дожди. Наши гитары молча лежали на верхних полках.

Вот и Братск. В вагон бурей врывается Ольга Попкова — крепкая, волевая девушка из МИСИ, которая уже год проработала в Братске мастером. Она закупорила собой выход, объяла радостную Верочку Чаусовскую, а потом села на боковое сиденье, обмякла, стала меньше и горько-горько заплакала. Мы беспомощно топтались около нее, не зная, что сказать, трогали за вздрагивающие плечи:

— Оль, не надо...

А под ноги нам неудержимо катились крупные слезы.

— Братск — это вам не мед и не сало,— мрачно сказал Женька Елизаров и рванул на спину тлеющий рюкзак.

Мы вывалились из вагона на «кинапы» Иркутской кинохроники, на засыпанный семечками перрон, в деревянное царство тайги, щитовых домиков и усталых, потрепанных вагонов.

«Братск-первый»,— торжественно прочитала Наташа.

КОНЧИКИ

Воротами Братска, воротами нового мира стало для нас Падунское сужение. Оно открылось неожиданно из-за грохота порога синими скалами, подпирающими небо. Какие же чудовищные силы природы бушевали здесь на глазах у Вечности! Исторгла Земля раскаленную лаву, ветры остудили ее в могучий темно-серый трапповый хребет, о который ломают зубы алмазные коронки. Но Ангара в союзе с морозом и временем раздробила хребет пополам и улеглась между неприступными стенами, как стальной клинок. Рычит зверем Падунский порог, скалит черные зубы камней.

Перед этими громадами мы стояли маленькие и подавленные, как зеленые кузнечики, в своих штор-

мовках и говорили какие-то невразумительные слова:

— Вот это да...

— Дурово...

В голове была чехарда. Да как же это возможно, чтоб здесь встала плотина? Наше подавленное профессиональное воображение никак не могло прочертить в этом диком ущелье разумные геометрические линии будущих сооружений.

— Ну ко, прудить будете? — раздался сзади ехидный голос.

Откуда-то незаметно подошел мужичок с темным выдубленным лицом, как и его из неведомых шкур одежде. Он любовался нашим удивлением, сосал трубочку, хитро шурился.

— Только так, а как же иначе? — храбро ответил Елизарыч.

— Ишь ты, откуда такие шустрые приехали?

— Из Москвы. А вы здесь давно живете? — любопытствовали наши девушки.

— С природы. Однако не падунский я. Падунский не люблю — орут шибко... У нас в Дубыньне речка есть — переплывать можно. Мы ее каждый год всем миром прудим, и какову вёсну это прудево сносит. А это чо — Ангаре ведь... как забуровит, что там ваша тэц! — Мужичок махнул рукой и крепко сплюнул.

Мы не стали вступать в полемику, побрели искать отдел кадров. А вы причала на черном гладком камне дибазовой стены белела спокойная надпись: «Здесь будет построена Братская ГЭС». И внизу указующая стрелка летела в Падуновское сужение.

Отделы кадров не любят женатых. Мы с Натальей неудобно выделялись из состава дружной группы молодых специалистов МИСИ своим желанием жить вдвоем. По мнению отдела кадров, это было неприлично. Но штапы Первомайского загса стучались в сердца. Елизарыч повел группу новых мастеров на правый берег, а мы с Натальей пошли к главному инженеру строительства Арону Марковичу Гиндину с отчаянной решимостью отстаивать свое супружество. «Муж обещал грушу», — дразнила меня Наташа. При чем тут груши?

К Гиндину мы попали довольно просто. Большой сегодоговый человек с быстрой, исчезающей улыбкой поспал наши бумаги.

— Нам нужны инженеры в проектную контору, — решительно сказал Арон Маркович и улыбнулся, заметив, как покорежилось меня при слове «контора».

— Я хотел мастером на производство...

— Это правильно. Но производство, на котором вы так страстно желаете работать, должно быть хорошо подготовлено. Мы вторгаемся в совершенно новые условия, в неизвестность. Нужны хорошие мозги, нужные идеи. Поработайте сначала там, где вы нужнее, а потом там, где вам хочется. Верно ведь?

— А можно нам вместе? — робко спросила Наташа.

— Можно. С жильем, правда, будет очень трудно. Но я постараюсь помочь. Езжайте на Заверьянку. Желая успеха.

Там, где выходит дорога из тайги и, спустившись к Ангаре, делает последний поворот к старому селу Братску, прилепила к подножию невысокой сопки свои нехитрые дома и бараки Заверьянка. Был здесь когда-то лагерь военнопленных японцев, а в 1955 году расположился временно штаб строительства: управление, проектная контора Братского управления, московского Гидроэнергопроекта. Это было за сорок километров по пыльной таежной

дороге от знаменитого Падуна, но и сюда простиралась мощная поддержка главного инженера. Нам дали комнату какой-то бывшей комендантши Таски в бараке под названием «Метро, наполовину вросшем в землю. Семь квадратных метров, одно окно на уровне земли и печь в два квадратных метра. Это было счастье. Мы поставили в середине комнаты два наших чемодана и поцеловались.

Ночью нас разбудил стук в дверь и просящий шепот:

— Тась, Тасья... открой, эт я!

Мы с Натальей посовещались, а дверь вдруг затряслась от громовых ударов:

— Тасья, сука, хто у тебя?

Дальше пошел такой диалект, что я пулей выскочил в одних трусах в коридор и чуть не задохнулся от чесночно-водочного перегара.

— Ты хто? — спросил сильным духом, но щедеушный плотью ночной человек.

В тусклом свете дверной щели он тщетно пытался сфокусировать на мне свой расплывающийся взгляд. Я взял его в охапку и вынес из барака, объяснив по дороге ошибочность ситуации.

На следующую ночь стук повторился, но мужичок был покурнее.

— Сколько их еще будет? — сокрушалась Наташа.

— Может, объявление посетит?

Но объявление не понадобилось. Наш необычный режим — зарядка, пробежка на Ангару по утрам, ультразвуковая стиральная машина «Ревущий медведь», сотрясавшая барак по вечерам, необычные песни способствовали известности, и Таскиня клиентура потеряла интерес к нашему жилью.

Принимал нас на работу в проектную контору Григорий Кузьмич Косточенко, сам начальник. Он был представителем знаменитой плеяды первых советских гидротехников, которые строили Волхов и Днепрогэс, Цимлу и Куйбышев, а в Братске уже выходили на пенсию.

Небольшой сухой человек с ворoshiловскими усиками, с лауреатским значком и старомодным мундштуком в зубах, энергичный и подвижный, беседовал с нами интеллигентно и демократично. Правда, у него, как и у Гиндина, светились в прищуренных глазах искры иронии. Ну что же такого в нас смешного? Я потихоньку, незаметно осматривал себя, потом глядел на Наташу. А в ее глазах лгасало: «Муж обещал грушу».

— Ну-с, друзья мои, а теперь за дело. Будете проектировать ржевую¹ перемычку. Здесь две задачи: запроектировать ржи новой конструкции и организацию работ. — И закончил: — К ледоставу чертежи должны быть готовы.

Он провел нас в комнату, битком набитую столами и чертежными досками, чередомно представил выглянувшим со всех сторон любопытным физиономиям и пожелал успеха в работе. Захлопотали кругом люди, наелся стол, мы примостились на нем вдвоем и начали свой трудовой стаж.

Первая ночь

Первый раз в жизни иду мастером, иду в ночную смену. На мне синий, как Черное море, вельветовый болгарский пиджак под названием «модно облекло», а струнку натянутые спортивные брюки и кеды «два мяча». Отпустил меня Гиндин из-за кульмана. Он понимает, что невозможно

¹ Ржак — сооружение из бревен или бруса, засыпанное камнями.

но чертит и считать, когда на Ангаре монтируется мост для перекрытия, на складах у реки растут горы диабазовых глыб, режут под Пурсеем самосвалы, теснят Ангару, загоняя ее в проран¹. Солнце садится, глядит последними лучами нежный зеленый пух лиственниц и стелет над рекой прозрачный голубой вечер. Любимой тропинкой по хвойно-лиственному, острому камням и фиалковым пушистым подснежникам спускаюсь к падурей, где прилепился под скалой будка начальника участка. Восседавший за столом начальник Ромуальд Юлианович Букаты вполне соответствовал необыкновенности своих имен. Он имел вид монумента, временно сошедшего с пьедестала. Медное лицо с небольшими усами было хмурым и мощным, как у воеводы на пороге великих решений. Я робко представился. Букаты поднял на меня тяжелый императорский взгляд.

— Вы слишком пестро одеты. У нас производство, а не физкультурный парад.— Он выпускал слова хриплым басом, скупое и точно, будто для чеканки на золотых монетах.

Действительно, скверно. Среди земли, камней, солянки, самосвалов и телогреек я выглядел африканским полугаем. Почему-то мне казалось, что работа мастера — это дело спортивное. А потом, не объясняя же этому командору, что у меня сегодня праздник души, которого я ждал восемь лет, и что свою старую штормовку с Тянь-Шаня и Памира я берегу больше, чем этот синий пиджак?

Букаты торжественно повел меня по своим владениям. Его бронзовую фигуру почтительно обвешали даже самосвалы-четвертки, двадцатилетники, нутажно везущие тяжелые диабазовые негабариты на площадку, с которой должно было происходить перекрытие.

— Этот камень — пенсия бабушки, — задумчиво вслед четвертку пробасил Букаты, — столько же стоит. Поэтому зря не бросайте. Ваше дело треульнички: пасть Турока, стальная площадка, торец банкета². Острием в реку. Вон и прораб наш на острове.

Крепкий коренастый парень — Леонид Иванович Яценко — стоял на торце банкета, растапливал самосвалы на разгрузку.

— Новый мастер? Добре. А то мне вжге спать охота. День — ночь, день — ночь.

— Леонид Иванович, все объясните, покажите. Он заступает сегодня в ночную. Желаю успеха, — отчеканил Ромуальд Юлианович и ушествовал вдале.

Яценко не претендовал на величие, ему было некогда. И говорил он быстро, с мягким полтавским акцентом.

— А что объяснять-то? Ты ж в Братске не первый день? Сыпь банкет. В верхний угол кладь камень покрупнее — видишь, сносит уже. С этим делом регулировщик справится, Алексеем зовут, он у нас и за мастера был в ночную. Машины точковщицы отмечают — вон две дивчины у будки сидят. Бульдозериста Пашкой звать, моторный хлопдец, все сделает. С береговой части фильтры сыпь. Если что — звони диспетчеру. Добре! — спросил Леня и вскопил на подножку уходящей машины.

— Добре, — ответил я и остался в облаке пыли один на один с производством.

Над банкетом нависла тишина пересменки. Только река по-прежнему шумела в проране да громко стучало сердце от неясных тревог.

«Вы будете мастерами — командирами производства», — вспомнил мне слова наших институтских преподавателей. Ну что ж, настал этот час — вперёд!

¹ Проран — перекрываемый участок русла.

² Банкет — искусственная каменная дамба в русле реки.

— Здравствуйте, — по-офицерски поздоровавшись с девушками-точковщицами, а они, закрывшись ладошками, прислули друг в друга неожиданным смехом. У меня даже спина, наверное, покраснела, но, не подав вида, я гордо проследовал мимо них в будку.

За столмистым столом начальница участка сидел рыжий мужикон в огромном зеленом плаще и, разложив на красном флажке хлеб и камбалу, деловито закусывал, запивал чаем из бутылки. Глотнет и заткнет бутылку пробкой из газетки. Глотнет и заткнет.

— Вы Алексей, регулировщик?

— Ну, — сказал мужикон, — а что?

— Работать будем вместе. Я мастер новый, тезки мы.

— Ну, чо, тезка, давай чайку пошвыркаем? — Он протянул мне бутылку и любезно выталпил пробку, сделав при этом смачный хлопок языком.

— Спасибо, не хочу.

— Чай не пьешь — откуда силу берешь? Чай попил — совсем нет сил. А ты по какой части? Бегун ли, прыгун, футболист ли?

— Дай мне флажок и кончай рубать — машины идут.

— Это верно. Машины, они ходить должны. Посидеть, чай попить они не могут.

Я взял у него флажок, подавая смех, и побежал к торцу банкета, где разворочивались и поднимали кузова первые самосвалы ночной смены. Падунское сужение наполнил рев дизелей. Было еще светло, но машины уже завезли на банкет сызлый вонючий соляровый туман, который ветер не успевал растягивать над рекой. Шоферы работали красиво. Как на автомобильных гонках, стонали рессоры и тормоза. С грохотом летели каменные лавины со сверхнающих кузовов в крутой свал реки. Еще не успевал опуститься султан белых брызг, а машина уже прыжком брала с места, на ходу опускала кузов. Тяжелые баранки крутились так, будто шоферы хотели свернуть им головы. Меня не замечали, смотрели только на отмашки флажка.

— Тезка! — закричал над ухом регулировщик. — Там из котлована звонют — кого-то с порогов в проран несет!

— Ну и что?

— На стальнойной дежурный катер есть, надо бы перехватить их. Беги звони, меня-то они не послушают.

Я посмотрел на реку. Да, от Падунского порога несло плот. Сколько на нем людей — не поймешь в сумерках. Да стальнойной площадки полтора километра — не успею добежать. Впрочем, и не надо. Вину, как катер стальной от стальной площадки и пошел наперез реку. Видно, сами заметили, молодцы. Мы с Алексеем выбрали место повыше, поудобнее и стали наблюдать. Катер сделал круг у плота, подрейфовал немного вместе с ним и газанул назад, словно испугался, что и его затянет в проран. Плот шел на нас.

— Это чо, — спросил Алексей растерянно, — потонут ведь?

Теперь можно было различить фигуры. Все в штормовках, что-то знакомое... Ну, конечно, у гроби стоят Елизарыч и Мукосей. Остальные пригнулись, вцепились, видно, намертво в крепь и молятся.

— Эти не потонут. Эти сами лезут в проран. Гляди, как проскачат.

— Ну-у-у! — протянул пораженный Алексей и от избытка чувств замысловато выругался.

Плот обогнул головной рязь, вошел в сужение и, как с горки, понесся на пороги моста. Елизарыч с Мукосеем пригнулись, расставили ноги, рванули грёбы, целясь между опорами. Плот вильнул и уго-

дил точно по гребню струи, скрылся на секунду за стальной решеткой опор, проткнул огромный белый бурун, стоящий за мостом, и заплескал на волнах к низовой перемычке.

— Вот сейчас бы их самое время катером выловить. Мокрые ведь, закрунут.

И, словно угадавая наше желание, из-за перемычки медленно вышел серый катер-«костромич», перехватил плот.

— Знакомые! — вопросительно кивнул Алексей.

— Друзья.

— Дурью мучаются. Потонут, а ты в тюрьму пойдешь.

— Бери флажок и работай. Я пойду бульдозер григоноу.

Людей, так вот смело прошедших проран, называли в туристских кругах Братска «проходимцами». Поскольку круги эти состояли из бывших миссийцев, одесситов, туристов МЭИ и прочих, людей, сплоченных в спортивных клубах, то между ними шло тихое, но жесткое соперничество. Первыми прошли проран после подхода Данилова и Муразанов. Они стартовали в складной резиновой байдарке с верховой перемычки котлована. На первой сточей волне за мостом их перевернуло. Муразанов поплыл к продольной перемычке и вылез на камни, а Данилов, отчаянный и сильный альпинист из МЭИ, поплыл за байдаркой, дотянул ее, попытался вылить воду. Дежурный катер выловил его только в конце Падунского сужения. Проплыть два километра в воде с температурой три градуса — занятие не для слабых людей.

Вторым был Елизаров. Он спустил в проран свою команду на яле, в порядке подготовки к походу в Норильск. К этому времени проран был уже стеснен отсыпкой, скорости и перепад возрасли. Ял проскочил благополучно, но нахлебався воды. Слухи о «проходимцах» дошли до начальства, вышел приказ о запрещении подобных упражнений в проране и о дежурстве катеров. Однако сегодняшние плотогоны пренебрегли этим приказом. Кто следующий? Остались менее опытные и закаленные, но не менее азартные любители острых ощущений, а проран с каждым часом становится все уже и злее. Да, с точки зрения мастера, все эти подвиги выглядят глупо. Надо будет поговорить завтра с ребятами.

Яростный гудок МАЗа заставил меня сигануть из-под колес прямо на острые камни откоса. Боль, порвавшие штаны, крикшие слова из кабины рыкнувшей машины вернули меня к производственной действительности. Посидел на камне, поскрякал, потер ногу, какой-то проволоккой прикрепил порхающий лоскут на штанах и, уверяясь, что машин, добрал до бульдозера. Новенький бульдозер как бы спал, наглухо задрал дверицы. На радиаторе пламенел флажок «Комсомольско-молодежный экипаж». Мои стуки и призывы остались без ответа, бульдозер был неприступен. Я не стал продолжать штурм, не так уж он был необходим, еще можно было сыграть в бейсбольный мяч. Пошел обратно на торец банкета, соображая, что делать дальше. Навалилась черная ночь, прошитая строчками фар. Тяжелым маслянистым потоком обтекала река банкет с верховой стороны и фосфоресцировала белыми бурунами внизу. Она дышала сдержанной холодной яростью, и вся эта наша суетливая работа по отсыпке вдруг показалась мелкой и бесполезной — разнесет ведь все к чертям собачьим. «Надо бы заметить, на сколько мы продвинуемся за смену», — придумал я себе работу и побежал мерить.

— Мастер, где бульдозер-то? Смотри, завалили меня шоферыги, — обрадовался моему появлению Алексей.

И вправду, на торец банкета вся кромка бугрилась отвалами, которые надо было столкнуть в воду.

— Пусть ближе к откосу сядут.

— Боятся, однако, тепло.

Поток машин вдруг оборвался, а где-то в середине банкета распух огненный клубок фар; раздавались злые автомобильные сигналы.

— Пробка! — спокойно определил Алексей. — Да не беги ты, что бегаешь-то?

Но спокойно ходить я не мог. Ноги, как стальные пружины, бросили меня в желтое пятно, где посреди проезжей части развалился здоровенный камень, перекрывший обе полосы движения. Сопровождаемый гудками и хлесткими криками шоферов, я кинулся к бульдозеру и так громко хлопнул кулаком в кабину, что в ней сразу возникла взлохмаченная голова.

— Ты чо, рехнулся?

— Хватит спать, езжай камень столкнуть, пробка на банкете!

— А я таких командиров в грубу выдал, — сказал бульдозерист и завалился на сиденье, сунув мне под нос свои ноги.

Это было слишком. Я рванул его за ногу и заорал, чтоб было слышно сквозь шум реки и вой автомобильных сирен:

— Я новый мастер и член комитета стройки! А ты... Павел, или как там тебя, будешь работать или проваливай и флажок сними к чертовой матери! Прихлопнул его дверцей и побежал обратно к камню.

«Что же я делаю, дурак, шоферы же меня разорвут». Они и правда повывезли из кабины, что-то обсуждали, размахивая руками. «Да я его, гада, сейчас руками столкну», — хлопотала во мне злость на самого себя, на поток ругани (за всю свою биографию я и сотой доли этого не получал), на бульдозериста, на боль в ноге, на все эти несчастия только что начавшейся моей первой ночной смены. И вдруг увидел высунувшегося из кабины Сашу Вахтею. О, это было спасение! Сашу я знал немного по спортивно-му залу, куда он ходил в секцию борьбы. Это был двухметровый гигант невероятной силы. Я прыгнул к нему на подножку.

— Саш, пойдём столкнем камень, пробка из-за него.

— А где твой бульдозер?

— Пока он подождет, мы столкнем.

— Пойдем, разомнемся...

Мы прошли мимо почтительно смолкнувшей кучки шоферов, асали у камня. Саша тихо свистнул, почесал затылок и сказал: «Интересно!» Потянулись зрители и помощники.

— А ну, по машинкам, нечего тут делать, — шуганул он шоферов, — разгаделись, не могли сами столкнуть, — проворчал он и сделал захват. Натянулись мышцы на могучей спине, ноги выпрямились, как домкраты, и камень ожил. Прикантовав его к бровке откоса, мы дали камню дружного толчка ногами и скинули в воду.

— Все дела, — развел ручищами Саша и засмеялся.

Шоферы хлопнули дверцами кабин, заверолодочно газанули и повели своих «бизонов» в бесконечную ночную карусель.

Так, порядок. Что будем делать дальше? Подошел к торцу банкета и увидел, что бульдозер работает. Работает! Значит, и здесь порядок. Бульдозерист высунулся из кабины и подмигнул мне, негодий. Шоферы сыплют правильно. А где же регулировщик? Нет его, исчез. Подошел, посмотрел кругом. Ага, вот он — с нижнего откоса банкета шурует в воде какой-то палкой. Подошел поближе и понял,

что Алексей ловит сачком рыбу. Бе много здесь, ошавшей от невиданной силы потока, отдыхает в тиховодье у камней. Увидев меня, Алексей несколько смутился, но занятия своего не бросил — уж больно завлекательно.

— Что, рыбу ловишь?

— Ага... Давай на пару? У меня там в будке еще сачок есть.

— А регулировать что будет?

— Да чо их легулировать — все сами знают. Кобсь, не первый день работаем...

— Ну, смотри... — подпустил я металлу в голосе и ретировался.

Холодный ветер усиливался, мне было зябко и неутоно в этом незнакомом грохочущем мире, тем более, что я просто не знал, как дальше надо «командовать производством».

Бесшумно и незаметно подкатила голубая «Волга» главного инженера. Большой седой человек выбрался из машины и подошел к самой воде. Почему-то снял шляпу и долго стоял, смотрел, как крутой водяной вал хватал сыпавшиеся сверху камни и в белой пене уносил куда-то в чернильную гремящую ночь. Я подходил к нему и думал: «Вот столкнулся лицом к лицу две гигантские энергии. Кто кого?» Гиндин стоял спокойно, как глыба, только ветер шевелил белые-белые волосы. Я подошел, потому что обязан был доложить по смене и потому что знал: несколько минут беседы с этим человеком стоят десяти интитутских лекций.

— Здравствуйте, Арон Маркович.

Он приветливо улыбнулся, поздоровался просто, как будто всю жизнь знал меня мастером.

— Как подвигаемся?

— Точнеем на месте, нужен крупный камень...

— А чего же ты ждешь? Звони диспетчеру.

Диспетчер, который знал меня по комитету комсомола, никак не мог взять в толк, зачем это проектировщику среди ночи вдруг понадобился крупный камень.

— Ты брось эти пьяные штучки...

— Может, тебе Гиндина позвать к телефону? Пойми же, балда, я здесь мастером теперы!

— Купить хочешь?

— Камень давай! — потеряв терпение, заорал я в хрипящую трубку.

Через полчаса на банкет пополнили горбатые машины с негабаритами на плоских рельсовых платформах. Я заставил регулировщика бросить рыбу и разгрузить камни в верхний угол банкета. К моему удивлению, тот беззастенчиво подчинился — очевидно, подействовал приезд главного инженера. И опять все пошло без моего участия. Сходил в будку, позвонил Наталье. А еще целых пять часов смелый! Что делать?

Девушки-точковщицы надели телогрейки и плащи, уютно сидели на перевёрнутом щике из-под лимонада. Одна ставила точки вслед проходящей машине, а другая спала у нее на коленях, вкусно пощипывая губами. Бульдозер иногда затаихал где-нибудь в дальнем уголке банкета и тоже дремал, мурлыкая на малых оборотах. Иногда, словно проснувшись от собственного рева, он вздрагивал, яростно расталкивал насыпанные отвалы камия и вновь затаихал, гася фары, словно закрывая глаза.

На меня неожиданно навалился сон. Он давил, пригнал голову к земле, свинцом наливал веки. Ах, черт! Если бы хоть знать, что делать дальше! Я бесцельно слонялся по банкету, тряся головой, махал руками. Но все равно сон накатывался на меня, как дорожный коток.

Подошел к регулировщику, стал помогать ему принимать машины. Все бы ничего, но парень ока-

зался на редкость болтливым и вдруг стал рассказывать мне о своих победах над женщинами, о том, как они все его страшно любят. А ему на них наплевать. Вот и сейчас эту свою рыжую он хочет бросить. Ну ее совсем! Ругаться стала.

Болтовня баюкала меня, шея подламывалась, я даже не мог смеяться — уж больно он был невзрачный для таких африканских страстей.

— А ты давай, тезка, поспи иди в будке. Все будет в порядке, — догадался о моем состоянии Алексей.

— Не-е... работа есть работа. Пойду диспетчеру позвоню, — придумал я предлог, чтобы удрать от его убавляющей болтовни.

Как же его прогнать, этот подлый сон! Даже на ходу все плывет. Мысли ворочаются в мозгу, как двухпудовые гири, а тут еще этот монотонный шум реки, огни прожекторов и фар расплываются по гребням волн. А может быть, все мне это приснилось, вся эта ночная смена — статуя Юлиана, Мускося на плиту, Гиндин у пророна, Саша Вахтель в борьбе с диабетозной глыбой? Не спать, не спать... А что, если искупаться? От одной мысли сон отодвинулся. Холодно, замерзну. Ну и пусть, лишь бы страхнуть эту мерзкую сонливости.

Я воровато оглянулся. Девушки по-прежнему сидели у будки. Далеко. Спуску к воде — совсем меня не видно будет. Алексей спиной ко мне лениво помахивал флажком на шоферов. Не заметит. На ощупь спустился к черной воде, сорвал непроизводственные свои одежки и тихо погрузился в холод. Интересно, как это Данилов тут плавал? Из тиховодья за банкетом я поплыл к бурунам. С воды они были огромными и страшными — чудовищная пляска ихтиозавров при луне. А вот они и меня прихватили, понесли мимо прожектора на продольной перемычке, беспомощными стали мои конвульсии в упругой силе струи. В паническом страхе я рванулся назад, но струя волокла меня в черную бесконечность. Не врать, не врать! Разве должен быть обратный валец, он меня все равно вынесет к банкету. Холодная речная спираль крутанула меня к левому берегу, пронесла вдоль бечевника¹ к банкету, а уж тут я сам вырвался к своей белой сигнальной майке. До чего же хорошо посидеть на камне, что хранит еще тепло ушедшего солнечного дня! Одеваясь, я услышал какие-то крики и потом отчетливо:

— Где же этот новый-то?

Застегиваясь на ходу непослушными руками, я выскочил на гребень и столкнулся с точковщицей.

— Там машина утонула!

Внутри сделалось пусто. «Вот оно! Теперь-то уж точно тюдма!», — с холодным спокойствием подумал я, глядя на маячившие впереди три темные фигуры, в ту сторону, куда показала девушка.

У самого начала банкета, где сыпали обратный фильтр, стояли Алексей, бульдозерист и только что выплывший из воды шофер. Со дня Ангары, как они «Наutilus», смотрели на нас непогашенные фары утонувшего МАЗа. Над их подводным светом кружила серая шоферская мажоризировка.

— Шофер жив? Как это ты? — спросил я и сам удивился глупости вопроса.

— Назад сдала, да задремал маленько, — со смехом ответил Алексей.

Странно, но в этих трех фигурах не было трагизма.

— Я побегу, позвоню...

Бульдозерист поймал меня за рукав.

¹ Бечевник — дорога вдоль берега реки, где «ходили бечевой» бурлаки.

— Стой... мастер! Не гоношишь. Зачем звонить на свою голову? Сами справимся... Ты, друг, иди-ка в будку, включи «козла» да выжми одежду,— хлопнул он по плечу шофера,— а девок сюда гони, чтоб не подглядывали.

— Больно надо утопленников смотреть! — фырканула за моей спиной учтица.

Ничо, стогрелось, тогда погляди,— загоготал шофер и побегал к будке, чавкая сапогами.

Меня била дрожь. Уж я ее подавлял из последних сил: и напрягал мышцы, и расслаблялся, и уходил от себя, чтобы рабочие не заметили, и злился на свет, за костюм, за купание, за свое поведение, за неумение командовать — все равно трясло...

— Нырять умеешь, мастер? — положил мне на плечо тяжелую руку бульдозерист Павел.

У меня даже дрожь пропала.

— Я подгону бульдозер, а ты попробуй конец застави. Пока фары горят, крюк легко найти. Погаснут — не найдем.

— Давай, — согласился я.

Проезжающие шоферы стали притормаживать, с любопытством выглядывали из кабин, чуяли неладное.

— Алексей, гоняй шоферов, что смотришь! — неожиданно для себя самого гаркнул я на регулировщика и затрясся в новом припадке.

Алексей аж подпрыгнул и ринулся на шоферов. Карусель снова набрала обороты.

Павел громыхнул рядом своим бульдозером, протянул мне конец непослушного ершистого троса. Я сбросил мокрую еще одежду, взял трос и полез в воду навстречу затухающим огням. Нырнул, открыл глаза, пошел вниз. Свет расплывается, трос не пускает. Рванул его изо всех сил, еще опустился. Будь калот, ниже крыло, ногой нащупал бампер. Где же эти чертovsky крюки! Грудь схватила резкая спазма — дух вышел. Бросил трос и выскочил, как пробка, наверх.

— Зацепил? — кричит сверху Павел.

— Нет! Стрви побольше тросов! — Зубы мои выстукивали слова, как азбуку Морзе.

— Ты чо, замерз?

Я не ответил, дернул петлю троса и нырнул. Пошел по тросу, всадила проволоку в ладони, даже до бампера не добрался, вынырнул. На камнях у воды деловито раздвинулся Алексей.

— Вылезай, тезка, дай-ка я попробую! Девки! — завопил он, развывая аязычки кальсон. — Проще-вайте, девки! Поглядите на меня в распоследний раз! — Он залез в реку, как в ванну, взял трос (догадался верхонки! надеть) и, немного побряхте, скрылся под водой.

Ругая себя последними словами, я стал судорожно натягивать мокрую холодную одежду. Нет, никогда в жизни не буду работать мастером, если даже меня и не посадят в тюрьму. Ну, какой я для них командир — срамота одна.

Алексей все не было.

— Еще не хватало, чтоб этот утоп,— вслух пробурчал я.

— Зачем? Завтра получка,— без улыбки сказал бульдозерист, тревожно всматриваясь в черную воду.

С шумом и фырканием выпрыгнул Алексей. Мотнул головой так, что обрызгал нас своим мокрым чубом.

— Пашка, заводи свою шарманку — за два крока зацепил!

¹ Верхонки — рабочие рукавицы.

Бульдозерист метнулся к трактору. Взорвал дзель, трос зарылся в гравий и попопз. Медленно, как в тяжелом сне, из воды поднялось автомобильно-земноводное чудовище, выпускающая фонтаны из капота, кабины и кузова. Когда шофер выпрыгнул из будки, на бечевнике стоял, как новенький, его МАЗ и звелел веселой капелью.

— Вот спасибо, братцы, и мыть не надо! — с радостным удивлением приветствовал он свою машину.

— Кепочку возьми, русайка,— протянул шоферу малокозирочный Алексей и нежно сдул с нее пылинку,— а когда назад сдвнешь — не спи!

Машину утащили на буксире, на душе стало легче. А смена моя, как ни в чем не бывало, громыхала через ночь к прорану и обратно, сыпала камнями, воняла соларкой, и наплевать ей было на мои переживания.

— Возьмите телогрейку, а то вы замерзли,— услышал я робкий голос, и на дрожжании мои плечи лег теплый ватник.

— Что вы, спасибо, а как же вы? — растерявшись от неожиданности, проговорил я, щелкая зубами, но девушка уже убежала, а из будки выглядывала ее смешливая подруга.

Подкатил бульдозер.

— Мастер, иди в кабину, тут тепло.

Так же хитро и масленисто блестели черные Пашкины глаза, но в слове «мастер» вроде не было издевки. А может, это мне показалось. Я залез в теплую кабину и стал дрожать еще сильнее.

— Закуривай.

— Не курю...

— Да, верно, ты ж спортсмен...

— Опять издевается. Вылезу сейчас, побегу, без него согрелось.

А Павел, будто угадав мои мысли, тронул за рукав:

— Ты зря, мастер, в бутылку полез. Насчет флажка. У меня сменич заболел, а я уже вторые сутки в две смены вкалываю. Сон валит.

— Я же не знал...

— Потому я и стерпел про флажок, а то б врзал.

Мы помолчали. Павел отвалился к стенке и мгновенно уснул. Вместе с теплом урчание мотора нагоняло сон. Я тихо вылез из кабины, прошелся по банкету. Отсипка продвинулась метра на четыре.

Над Ангарой рождалось утро. Сначала высветилась сопка на правом берегу, потом вершухи, сосен, потом за Гадским сужением река свернула сквозь дальний туман, а в сужении вдруг залегли глубокие синие течи.

Загадели стрижки на скалах, шоферы выключились спать, над маленьким зеркальцем прихорашивались товсочицы. Люди ночной смены выглядели добрее и симпатичнее, чем ночью. Даже регулировщик. Кто его знает, может, и вправду любят его бабы?

У будки начальника участка стали останавливаться машины. Шоферы хлопали дверцами, будто шапками о зомь: шашам, мо!

— Кто путевиц подписывает?

Учтичица кивнула на меня, и толпа шоферов двинулась в мою сторону.

Я старался не подавать вида, что эта операция мне незнакома, размашисто подписывался прямо в середине листа.

— А штамп?

— Что за штамп, какой штамп? Опять дурацкое положение.

— Нету штампа, завтра будет.

— А ты чо, не настоящий мастер?

— Иди, иди,— зло огрызнулся на шофера подо-

шедший бульдозерист,— подписали, и катись. Сам-то настоящий — на час раньше смотывавшийся?

— Где на час, где на час? — грудно пошел шофер на Пашку.

— Мастер, ты возьми-ка у него путевку да время протави...

Забудь как ветром дуло, остальные штампа не спрашивали, только ворчали, что работают без обеда, что надо еще машины завезти к пересменке, что на тракторе рассуждать легче.

Домой я пошел пешком, не торопясь. Поднялся на Пурсей, как из погребка к солнцу. Болели руки от колющего троса, болтался поскот на порванных штанах, обвисла и помялась моя пижонская одежда, но солнце так ласково грело спину, что было хорошо и душевные раны мои затихали. На тропинке около базы главного энергетика встретился мне Сашка Гуревич, шедший на смену бурить свой крепчайший диабаз.

— Товарищ—приветствовал он меня, широко распахнув руки.— Это вы сделали такое утро?

— Нет, я сегодня работал плохо, товарищ, и не зарабатывал я такого утра.

— Но ты познал тайны первой ночи, и ты теперь мастер!

— Мастер,— повторил я и засмеялся.

Удельная мощность

Главный инженер Братскгэстроя Арон Маркович Гиндин проводит последнюю перед перекрытием планерку.

Я люблю наблюдать Гиндина в работе. Это была школа высшей инженерной деятельности.

Братская ГЭС не только его работа, она его любовь, его хобби, его страдания и гордость. Ради нее он спускался в данное отверстие 56-й секции и подползал к треснувшему стальному щиту, за которым притаилась сокрушительная сила пятидесятиметрового напора воды. Ради Братской ГЭС он сел в первый поезд на эстакаде, когда железнодорожники отказались прогнать его из-за погнутой внизу опоры.

Был период, когда он ходил на работу с переломанной и загипсованной рукой. В это увлеченности он не давал разрядки ни себе, ни другим. Пять шрамов от микроинфарктов зарубцевалось на его сердце, пока уступил он требованию врачей — уехать из Братска.

Операцию «Перекрытие» Гиндин разрабатывал с особой тщательностью. Он не принял на веру готовый проект, заставив два института вновь провести исследования. Они показали, что традиционные кубы и тетраэдры из бетона не годятся для перекрытия Ангары, — слишком легковесны. Тогда Гиндин решил взорвать скалу у пави Турока, чтобы получить нужный материал — диабазовые глыбы, негабариты весом от 5 до 25 тонн. Нас он заставил переделывать московский проект моста для отсыпки — тяжелый ржавый мост нельзя было построить с тонкого льда протоки, и мы сделали мост на прочных и легких опорах из буровых свай.

Теперь все готово. Завтра надо загнать реку в бетон. Все знают свое дело, «свой маневр», поэтому последняя планерка перед перекрытием была коротка.

Гиндин сказал: «Начнем сегодня в восемь вечера. Для прессы это репетиция, а для нас — перекрытие».

Последнее, самое грудное перекрытие в нашей стране было на Новосибирской ГЭС. Обь сорвала

понтонный мост, пришлось вести догую и мучительную пионерную¹ отсыпку — в проран летел железобетон, металлолом, сбросили даже старый паровоз. Из Москвы министр послал самого «патриарха гидростроительства» Белякова. С его помощью и с помощью связок из камней перекрыли Обь через неделю. А удельная мощность потока там была всего 27 тонно-метров на погонный метр. У нас ужо сейчас в проране больше ста двадцати. Даже опоры мостов дрожат.

На реке Колумбии люди боролись с такой же примерно мощностью сорок дней. Сорок дней специальной кабель-кран бросал в поток бетонные пирамиды весом по одиннадцати тонн и каменные глыбы. Огромные самосвалы высыпали более пятидесяти тысяч тонн камня, пока сделался река.

Нам надо перекрыть Ангару за два-три дня, надо успеть до паводка.

Мой участок — стапельная площадка. Шикарное это название осталось как анахронизм. Отсыпали ее в первые годы строительства в том месте, где кончается пойма Зеленого городка и начинается отвесная скала Пурсей. Здесь по проекту надо было рубить на стапелях ржи продольные перемычки. Но проект был изменен, а название хорошее, да и сама площадка пригодилась. Лежат на ней готовые к бою пять тысяч серо-голубых диабазовых глыб — пять тысяч залпов по реке. Впрочем, и ранее это место было по-своему знаменито. Здесь начинался многотрудный волок в обход Падунского порога. Даже лихие казаки атаманы-первопроходцы Пантелеймон Панда, Максим Перфильев, Поздней Фирсов — боязливо вытаскивали свои кани на берег: «...порог Падун... крут добре, подниматца на него што в гору... и в качах не подиятца». Купцы Бутины пытались здесь пароход вытягивать на рельсы, да мощи не хватило. Однако крепкая мощна была — купили турбинный² пароход в Англии, но и он порога не одолел. Разорвал Падуну хваленую аглицкую цепь. Отступились миллионщики, победный порога не подняли голову — и увидели на камнях полустертыми временем победные рельефы через «ята» о доблести спустившихся по порогу капитанов и лоцманов.

А как вырвать у времени и Падуну имена тех, кто его не прошел? Кого тут разбил? Кто в борьбе с ним душой отдал? Раздолом все в камнях, в грохоте и в холодных «стрижах» — ни зарубки, ни отметины.

Стапельная площадка лежит на самом коротком расстоянии от прорана — всего восьмью метрами. Поэтому здесь самые тяжелые машины — четверть, самые тяжелые камни и из четырех кранов два — двадцатитонные. Ни дать, ни взять — режущая звезда главного командования. За два часа до смены все проверил, все на месте — и камни, и краны, и надписи на скалах. Даже стропалья³ уже сидят, курят, примеряют новые верхишки, обсуждают экзотических гостей и корреспондентов. Делать до восьми нечего, пошел посмотреть на проран.

По всему Падунскому сужению царит предвечерняя суматоха. Журналисты и киношники выпрашивают у всех встречных, когда начнется перекрытие, и получают самые разнообразные сведения. Ходят, как лунатики, углубленные в себя поэты — Толя Преловский и Марк Сергеев, — слушают в свои

¹ Пионерная отсыпка — отсыпка с торца банкета при узком фронте разгрузки машин.

² Тур — бусир с цепной тягой. Поднимается по цепи, закрепленной на мертвых якорях.

³ Стropалья — рабочий при грузоподъемном кране, работает со стропами.

души, выуживают образы. Подцепил меня Петр Артемьевич Петров из сибирской кинохроники.

— Когда же начало-то?

— Не знаю,— соврал я,— в восемь попробуем бросать камни.

— Ну что же вы так поздно? Свету, свету мало,— стонет Петров и бежит со своим потертым «Кинапом» на дощатую вышку прицепившись.

В воздухе висит тревожное ожидание. Стройка пока на сваях по старой силе пружину. Шесть «уральцев» держат свои зубья на скальных забоях. Двадцать кранов с засунутыми от захлестывания стрелами повесили свои гаки над двадцатью тысячами кубометров диабазовых глыб. Шныряют руководящие «Волги» и даже два черных длинных ЗИЛ с белыми колесами. На мосту много народа. Все смотрят не столько на проран, сколько на группу людей на мосту. В центре медвежья фигура Наймушина, а кругом целое созвездие — заместители министра Непорозжихи, секретарь Иркутского обкома Щетинин, писатели Александр Твардовский и Борис Полевый — боже мой! Наши ребята смотрят, разинув рты, регулировщики рукой махнули, не знают — кого пускать, кого не пускать. Не пустишь его, а он окажется Константином Симоновым. Перекрытия еще будут, а вот их разве когда увидишь?

— Ты что столько народу на мост напустил? — крикнул я регулировщику.

Тот только руки развел и присел малость в знак полного своего бессилия.

— Вот начнем, я их шугану, а пока хрен с имя, пойдем в буфет, перекусим.

— И то верно. Пошли.

На перекрестке бечевника и банкета прижался к скале вагончик-буфет, который для рабочих был еще информационным центром, как колодец в деревне.

— Ну, ребята, начальства, писателей — табуном!

— Зови их, камбалы есть будем.

— Иван, небось, найдет, чем угостит.

За бутылкой лимонада под названием «УРС Братскгостроя», которым заливали и курицу, и камбалы, и колбасу, шел негласный разговор.

— Прет она, Ангара, буль здоров.

— Закидем. Негабаритов, выдал, сколько? И такие сундуки, что бульдозером пошевельить не могу. Подошел Мукосей со своей бутылкой лимонада, и открыли мы обстоятельно прорабочую трапезу.

Мимо буфета проревели шесть новых КРАЗов с десятигонными негабаритами.

— Началось?

Всех закусывающих как ветром сдуло и понесло к мосту.

КРАЗы веером развернулись и встали к колесоотбою¹. Мы с Мукосеем переглянулись.

— Что-то не по программе, еще половина восьмого. Может быть, новые машины пробуют?

Мы потопали к мосту с достоинством, хотя очень хотелось побежать. И нас спроводил-таки Пашка Комаров, выбежал мелкой трусцой из-за спин, сдвигая на бегу с шеи свой вечный «ФЗД».

— Братцы, бегом, летопись усклизнет! История! — крикнул он.

У машин уже завывали подъемники, как сирены при тревоге. Шоферы высунулись, вылезли вовсе из кабин, одной ногой на подножке, другой на педали, головы вывернули назад, смотря в кузов.

Запл получились неожиданным. Камни почти одновременно грохнули по кузовам, машины взвились на

дыбы, как дикие кони, и трахнулись передками о настил, даже мост вздрогнул. Шоферы, стоявших на подножках, сбросило, оставшиеся за рулем держались за головы — шаракнуло о потолок кабины. А в небо взлетели шесть белых суланов, хрустелом заиграла на солнце. Упали брызги, и тишина оцепенело повисла над мостом. Только Пашка тихо пел в апарте: «Поймал, поймал!» и поглаживал свой аппарат.

Из крайней машины высочил бригадир Левко Кавун. У него камень сошел хорошо, только вздрогнула машина.

— На тормозах держи машину! — яростно заорал он. — Ну, шо рты развели, шоб вам повылазило! Шоферы чесади затылки, потирали ушибы, перемигивались.

А по левому берегу, по бечевнику от Турко до банкета, растянулись уже колонна груженных машин. Впереди «газика» начальника автоуправления Ярмоща с красным знаменем. Колонна остановилась, Ярмощ что-то прокричал призывное, передал знания на голую машину Завадского, газнул на мост.

— Кавун, что тут у тебя, ослободжай мост!

— Машины прыгают!

— Давай гони их быстро на базу, пусть рельсы по скосам привяжут. А по пути передай по колонне, чтоб держали машины на тормозах при сбросе. Дуй быстрее!

Кразисты разбежались по машинам и укатили.

Громычнул репродуктор:

— Освободить проезжую часть моста!

Началось! Я рванул с банкета на стальнойную площадку, как когда-то в институте бежал в соревнованиях на четыреста метров. Навстречу мне, тяжело переваливаясь, шли четвертвики. «Загрузились без меня — вот позор!»

На площадке все было спокойно. Стрполя сидели, курили, под кранами стояли четыре груженных ЯЗ с рельсовыми платформами, похожими на «каюты».

— Ну что там, скоро?

— Началось,— махнул я рукой в сторону моста.

Рабочие встали, вытянули шеи. Со стальной площадки мост был виден. Колонна уже входила на него, головная машина пошла на разворот.

— Стрпоите, сейчас четвертвики вернутся!

— Не суейтис, мастер, тут делов надолго...

Восьмь часов. Мост закрыла белая стенка всплесков.

Все вокруг как обычно, как всегда: шумит порог, покуривают рабочие, покачивается катерок у причала, тайга смотрит в реку с высоких берегов, бегают старые надписи на камнях. А люди начали поворачивать Ангарту. Непостижимым разумом геологические периоды времени — силуры, палеозой, триас — прогрызала она себе русло в неподатливых диабазов, а теперь ее хотят за несколько часов загнать в гребенку, чтоб потом затвором хлоп — и пожалуйте в хомут, в бараний рог, в спиральную камеру!

— Отвались!

Над моей головой прозвенели крючья строп.

— Четвертвики идуть! Ребята, пошли! — крикнул я шоферам платформ, и они двинулись не торопясь. Под такими камушками не засуетишься.

Огромные, как слоны, подошли двадцатипятитонные самосвалы. Раздальса четыре разногласных «Вира», и четыре огромных камня-негабарита поплыли в сине неба на спины машин. У стропелей все получалось ловко, кроме двух операций — зацепить на камень, если он высокий, и зацепить на машину, чтобы снять строп. Тут нужна была спортивная

¹ Колесоотбой — большой ограничительный брус, в который упираются колеса машин при разгрузке.

подготовка — прыжком на камень, прыжком на колесо и через борт — в кузов. Я и занялся этим делом. Только со стропами у меня что-то не ладилось: то крюк соскочит после «виража», то зацепится после «мэйна» так, что кузовом выбивай. И пока я пытался с этими проклятыми закрюками, крановщики терпеливо ждали, не ругались, чего я больше всего боялся. Впрочем, машины на погрузке мы не задерживали, качели «мост» — стальной площадкой постепенно раскачались, и пошла длинная однообразная работа: строп на камень — «вираж», прыжок в кузов — «мэйна», снял строп — «вираж», прыжок из кузова. И все дела по покoreнию Ангара — прыг туда, прыг сюда.

Через два часа мост пропал в выхлопном дыму и в вечерних сумерках, только сигналы издавала мерцающими желтыми пятнами прожекторы. Темнота окружала пятачок нашей стальной площадки, поглотила верхушки крановых стрел. Позвякивали стропы в лучах прожекторов, качались тени от камней, с одной стороны вливались и выплывали фары машин, кряхтели рессоры под тяжестью глыб, и под короткую хлесткую отмашку машиниста «Давай!» красные огни стоп-сигналов уходили в ночь.

Хитрые стропала раздобыли где-то чурбачки: подставят к камню, топ на него ногой — и зацепил. Да еще в кузов лезут не каждый раз: дадут крановщику «мэйна» — крюки сами выскакивают. И лезут только тогда, когда сам крюк не выходит. А я все прыгаю, как козел, надо бы поспокойней; неизвестно, сколько еще прыгать придется.

— Как там в проране? — спрашиваю у шоферов.

— Кто его знает — прорва...

— От наших камней-то есть эффект?

— Эффект есть — брызги летят. Да сиди со мне, посидишь, сам посмотришь. Это же прекраснo! Я запрыгнул в четвертак и уже на ходу сообразил крикнуть стропалам:

— Ребята, я на мост! Посмотрю! Управитесь?

— Давай!

Езда по стальной площадке, отсыпанной из дна, — сплошная тряска.

— Проезды не могли сделать по уму, — ворчал шофер, — резина в лохмотья, колес нет...

Я не стал оправдываться. Проезды подсыпали и выравнивали, но такую нагрузку могут выдержать разве что сантиметры тридцать армированного бетона. На бечевнике дело пошло получше, четвертак резво разогнался километров на тридцать, показалась цепь огней от пади Турока на банкет — оттуда шел основной поток отсыпки.

— Поворотники, едренные! — сказал с выдохом шофер, вцепился в баранку, как борец, в обхват, и стал ломать ее, крутит, поддавая корпусом, выворачивая четвертак на банкет. Вывернул, почти не сбавляя скорости, благо ЯЗЫ и КРАЗы почитительно уступили дорогу.

Подпрыгнули на настиле моста, поворот, сдеем назад. Встали.

— Теперь держись, парень, зашибу.

За спиной натужно запел подъемник. Шофер уперся в тормоз, сжался, как перед прыжком, — трах! Сиденье кинуло меня под крышу кабины, радугой сверкнули брызги, забарабанили по кабине.

— Говорю, держись — враспор надо сидеть. Зашиб бабду?

— Ничего. Ты езжай, я останусь, со следующим рейсом прыгну.

Ну, и работа у шоферов! Каждый маневр вышлал из водителя пот, а маневр этот должен быть точным до сантиметров, и кругом ночь, и полтысячи машин хоровают, кто быстрее.

Река неслась в проране мощным глянцевым валом, будто и нет никакой отсыпки. Камни падали в черную прорву, было слышно, как погормывались они по дну, удаляясь. Сносил. Ну и силаца у этой реки! Но не пролазает же наш труд бесследно! Где-то здесь, за мостом, снижается скорость потока, и камень остается лежать. Все ясно теоретически, а практически надо попотеть.

Опустился под мост, посмотрел на опоры. Стоят они, не шелохнутся ни от потока, ни от глыбовых залпов, ни от четвертаков. Сверху ухают и ухают камни. Подсчитал интенсивность — получилось около тысячи кубометров в час. Значит, весь запасенный камень можно выбросить при таком темпе за 16—18 часов.

Поймал свой четвертак и вернулся на стальную площадку.

— Ну как, покормим Ангара, нет ли? — спрашивают с ехидцей стропала.

— Часов через двадцать покормим, если камня хватит.

— А чо там двадцать-то? Надо бы в нашу смену, пусть Наймушин шибчею командует.

— За Иваном Ивановичем дело не станет.

Сигналят машины, не дают постоять, поговорить — только «Давай-давай» висит в воздухе. И мы даем. Крюки стали послушными, суеты поменьше, работаем молча, все прильпичились друг к другу. Пашка-бульдозерист поправил и расчитал подъезды, выхватывая время между рейсами, шоферы принимают камни точно, как на ладони, кледут их крановщики по заказу: побольше — на заднюю ось, если впереди, поменьше, — к кабине его, так они лучше съедят. Только строп отойдет, машинист кивает шоферу — «пошел». Хорошо идет карусель, только бы не влип кто-нибудь под камень, под машину или под строп. Помню хорошо из лекций и инструктажей, что наивольший травматизм дают погрузочно-разгрузочные работы, а тут как раз они, да еще ночью, да еще в темпе «давай-давай», да с таким грузом, что сразу в лепешку. Важно, чтоб камни не ходили над головой.

Из-за правобережной сопки выполз серый рассвет. Не поймешь — то ли туман, то ли дым, то ли пыль. Мы все как будто ввязем в этом тумане, и шум перекрытия гложет, и прожектора светят вяло. Да и мы нет-нет присядем, шоферы из кабин выходят размяться, на кранах чаще появляются помощники, и сразу стропы заурчавились, камни дергаются, грохот в кузовах. Съездил еще раз на мост — вроде бы все так же в проране. Нет, если внимательно приглядеться, что-то не так. Бурун под мостом уже не выпрыгивает из глубины, а скачет по верхушкам камней. Надо своим стропалам рассказать об этом, а то они вовсе как сонные мухи.

— Ну, чо там слышно, покормим, нет ли?

— Теперь уж точно покормим. Уже подперли мы ее.

— Это как?

— Негабаритов много легло ниже прорана, это уменьшило живое сечение, то есть дырку, в которую идет река, — стал я популярно излагать основы гидравлики, — это создает дополнительное широкость, сопротивление потоку. Гидрологи говорят, уже третья часть реки повернула на бетон, скорости в проране начали падать.

Стропала мутно смотрели на меня сонными глазами и кивали.

— Да ты, мастер, не так объясняешь, — вдруг громко оборвал меня старший из стропалей. Он хлопнул любопытствующего по спине, вытяхивая из него пыль и сон, объяснил всю мою гидравлику так: — Это как будто ты, Вася, бабу хорошо у гол

припер и дальше соображай — ежели у тебя мощи не хватит, она убежит. Понял?

— Ну, дак это понял! — раскатился Вася барабанным смехом, даже стрижке сплугнул на скалах.

— Что будем делать, пересменка у нас?

— Не буду я сменяться! — решительно сказал Вася и хлопнул рукавицами по камню — всю ночь пахала, а тут, может, немного осталось, а мы уйдем! Мощи у меня хватит!

— Оно, конечно, охота бы на последний камень гляннуть, бутылку раздвинуть...

— Да что-то ноги стали зябнуть...

— Взбодриться бы, а то сон давит.

Чувствую я, что стропала пошла в атаку. Оно и верно, неплохо было бы встряхнуть наши организмы, но страшный призрак техники безопасности показал мне кулак из-за камней.

— Ноги будем греть после перекрытия.

Показалось солнышко второго дня, пробило туман. «Вот встает солнце нашей победы. Люди, дорогие моя стропала, крановщики и шоферы, запомните этот день — 19 июня 1959 года! Вы слышите, как гудят ваши руки? Не уставайте! Еще одно усилие, и мы сдвинем реку, она потечет по нашим ладоням, и даст нам такую силу, которой не видел мир!» Так мысленно прокричал я громовым голосом над стальной площадкой, а вслух сказал:

— Американец Аверелл Гарриман летит из Нью-Йорка, чтобы увидеть наше перекрытие. Кто хочет сменитьсь, мы с Васей продолжим работу. Слышали об этом самом Аверелле? При Сталине в войну работал послом США.

Никто не ушел.

С восходом солнца все преобразилось на нашем каменистом складе. Пришел с кистью и белилами Коля Сластенко, и веселые белые буквы, как бабочки, загорались по тяжелым негабаритам. Сверкнул объектив петровского «Кинала», и стропала мои вдруг проснулась. Прибыла новая смена — трое крепких демобилизованных; прибавилось машин, приехал буфет, позвякивая бутылками лимонада, замелтешился корреспонденты, повалил народ через милицейские кордоны. По берегам, в котловане и на мосту, как алые маки, расцвели под солнцем лозунги и знамена. В атаку! И мы снова рванули, теперь уже «в два смячка», двоянной сменой, а новые зеленые парни прыгали по камням и по кузовам легко и озорно, потому что кругом стояли девушки, журились на солнце, помахивали платочками то ли от мощи, то ли нам, звенели серебристым смехом.

Теперь стало свободнее со временем, и можно было разыскать Наталью. Мы почти не видим друг друга последний месяц: я на работе ночью, она — днем. А погарцевать сейчас перед ней ужас как охота! Снова в машину — и на мост, как на праздник. Проран, подсвеченный солнцем, уже не кажется таким бездонным. Тысячи зрителей на трибунах в котловане, на берегах, на прожекторных мачтах ждут нашей победы. Где же тут Наталья в этом карнавале? Доверимся телепатии. И точно: из тысячеличных трибунных глубин светятся, как маяк, ее зеленые глаза. Кругом друзья, и ничего не скажешь ей такого, что хотел бы, но, ответив на все приветия, пожав все руки и хлопнув по всем плечам, я тихо говорю ей:

— Нат, это все для тебя. И мост, и камни, и вон та картина на скале, и всплески салюта.

— Да? — удивляется Наталья и смеется, потом трогает мою шортовку и говорит: — Ты бы поспал...

— Тогда надо остановить перекрытие — очень шумно.

— Нет, лучше сыпьте быстрее!

— Хорошо, я побежал. Скажи ребятам, чтоб приходили вечером.

— А когда же спать?

Но я уже вскочил на подножку проходящего ЯЗа и поплыл по пыльным дорогам перекрытия...

...И не заметил, как заснул. Проснулся от удара лбом по ветровому стеклу, шофер тормознул под краном на стальной площадке.

Чтобы проснуться, надо попрыгать по ночной системе «камень — кузов» и теперь уж до победного конца.

— Алеша, я выбрал последний камень — тихо сказал Коля Сластенко, — пойдём посмотрим.

Среди поредевших гряд негабаритов мы прошли в угол площадки, где лежал «заветный»: весу было в нем тонн двадцать с лишним, три крюка торчали для страховки.

— Писать?

— Пиши, Коля, пиши своими белилами огненные слова.

— Огненные я не умею, я попроще... Как там, — Сластенко махнул рукой на скалу: — «Здесь будет построена Братская ГЭС».

— Так это ты писал?

— Я, — потупился Коля, — холодно было, краска сыпала...

— Спасибо тебе, Коля, за эту надпись, многим она помогла... Пиши, я побежал грузить, да надо кран подгонять к этому камню. Пиши спокойно, еще часа три провозимся.

Жарко стало. Работаем в рубашках. Пот льет, мощка грызет, воздух напоен крепким дизельным духом.

Какие-то добровольцы объявились из зрителей — помогают. Камни летают «вира» — «маяна», Стальная площадка кажется под ногами, точно палуба в шторм. Если сейчас сесть, то уже не встанешь.

— Ну как, Вася, мощи хватит?

— Да вон шоферы говорят, острячки уже показались, камень из воды идет.

— Если это верно, то victoria! Смотри, сейчас прискачет гонце... Вон Яценко скачет на лихом МАЗе.

У Лени Яценко глаза темные, в кругах, веки красные с недосыпу, но улыбаются.

— Давай грузи последний камень. Написали?

— А как же. Сейчас мы его, как на блюдечке, подадим!

Поставили большой кран, подогнали четвертак-платформу, и поплыл «Наш подарок Племуку ЦК КПСС» весом в двадцать пять тонн заканчивать битву у Падун.

Все.

Я сел на землю, прислонился спиной к теплому камню. Как же дойти до дому? Ах, если бы Натка догадалась пойти домой через стальную площадку!

Мимо идут люди, поздравляют, здороваются, а я сижу себе так небрежно, помахиваю им ручкой, жду знакомого, кто бы помог подняться. Появляется, как во сне, Наталья в веселой компании зрителей.

— Ты что сидишь? Пойдем домой!

— Пойдем, дай руку.

Перекрытие шло 19 часов. И не знали мы, что на другой день пойдет по Ангаре небывалый паводок.

Дружинушка хоробрая

Никогда так не бегал. Наконец я его нашел. Пашка лежал под корабельными соснами улицы Набережной, лицом вниз, обнимал землю. — Он жив? — спросил я у стоявшего рядом милиционера.

Тот молча включил фонарик.

К разбитому, окровавленному затылку прилипли хвоя и осенние листья.

Подбежали ребята. Милиционер подозрительно спросил:

— Вы кто будете?

— Друзья.

Ох, как трудно было выговорить это слово!

— Ну вот что, друзья, — сказал милиционер, — ему уже не поможешь, а поймай сбежавших нужно. Садитесь в машину — и в отделение к дежурному.

Мы молча набились в милицейский «газик» и рванули к отделению.

Дежурный, капитан Астахов, сразу все понял, вынул из сейфа пистолет и коротко сказал:

— Пошли по общежитиям.

Всех пятерых взяли к утру.

Главного — Лабутина, который работал в спортзале тренером по самбо, нашли по окровавленной рубашке. Он пришел в общежитие на рассвете и, завалявшись спать, похвалился соседу:

— Сейчас дал одному левой, она у меня смертельная.

Врал Лабути. Не левой он бил, а большой корягой сзади, по затылку.

Нам трудно было пережить и объяснить, что Пашка, у которого столько надежных друзей, дрался один против пятерых.

В институте мы знали друг друга по комсомольской и газетной работе, подготовке туристских вечеров, но дружба пришла уже в Братске. Он появился в нашем доме в марте 1958 года, когда меня скрутила жестокая послеполодная дифтерия, пошутить насчет «детских болезней», помог Наталье отвезти меня в больницу.

— Оглоблей бы тебя предупредить за такие походы, — ворчал Пашка, а мне уже было легче от его улыбки, оттого, что просто он был рядом.

За напускной грубоватостью, цитатами из «Города Глумова», «Золотого теленка» прятал он от нас свою доброту. Когда в забайкальском поезде перевернуло плот и все поплыло к берегу, Пашка, почти не умеющий плавать, стал спасать общественных рюкзак и чуть не погиб. Никто из нас не знал, сколько бессонных ночей коротал он в красном свете для того, чтобы подарить неожиданную фотографию, полную юмора и мастерства: сколько мотался по всем Братским в поисках куска баранины для настоящего шашлыка по-кавказски.

— Венгерская кухня — это вам не только красивый перец, — говаривал Пашка, потрясая нас своим кулинарным искусством.

Ах, Пашка, Пашка...

Тысячу раз я перебирал цепь простых событий, мучительно отыскивая роковое звено.

Он провозжал вечером знакомую девушку. Каждый из нас делал это много раз. Может, стоило пропустить мерзкие реплики пьяной компании или просто ударить. Он же понимал, что они провоцируют и ждут, когда он проводит. Но Пашка непоколебимо верил в людей и справедливость. Он что-то говорил им, а Лабути сжимал пиджак. Первые удары оказа-

Павел
Комаров.

Фото
Т. МУКОСЕЯ.

лись неожиданными — не думал Пашка, что пятеро могут бить одного. И еще не поздно убежать под свист и улюлюканье этих «сверхчеловеков». Но Пашку одолела ярость от подлых, беспринципных ударов. Они били и били, а этот хилек не гнулся, не падал и не убегал. Они всюду натыкались на его кулаки и ничего не могли сделать, пока Лабути не хряпнул сзади.

Лопнул, как воздушный шарик, наш город Друзей, в котором «превыше всего... крепкая ценилась любовь».

Совсем рядом с нами живут Лабутины. Разве для них Боря Карташов проектировал, а мы на воскресниках строили спортивный зал? Сегодня Пашка, а завтра кто? Незаметно смотрю на притихших ребят. Нина Хохлова плачет за кульманом. Тихо, только слезы ручейками. Вася Лукомский потемневшими синими глазами смотрит сквозь стены, наверное, придумывает слова. Ему сейчас звонить в Москву Пашкиной маме. Все почему-то говорят шепотом. На Пашкиной доске неоконченный чертеж, отточенные карандаши готовы к работе.

До сих пор не покидает меня чувство личной вины. Мы, начинавшие стройку и город, что-то просмотрели. Может быть, мир нашей увлеченности работой, студенческой дружбы, туризма и спорта, нашего мисийского землячества был слишком узок? Разве не мы должны отвечать за все, что происходит в нашем городе? Ведь Братск будет таким, каким мы его построим. И дело тут не только в проектах домов, планировке улиц и архитектурном облике гидроузла. Надо строить людей, надо создавать традиции.

Пришел Коля Михайлов, разрушил нависшую в комнате тяжелую тишину. Внешне он совершенно спокоен, но где-то внутри чувствуется стальная пружина, скатываясь к пределу.

— Вася, дай ключ, я Пашкины вещи отвезу в мюрг. Будешь звонить, скажи, чтобы сестра приехала на похороны. Мать не выдержит. Надо будет организовать показательный суд с общественным обвинителем. Этим займемся после похорон.

Вот с кем надо посоветоваться. У Михайлова есть способность четко действовать в критических ситуациях. Похороны и суд — это еще не все. Пусть не будет нам покойа до тех пор, пока в Братске живет хоть один человек, способный на преступление.

— Коля, поговорить надо.

— Давай.

— Предлагаю собрать комсомольское собрание и обсудить вопрос об организации народной дружины. Состав дружины — вся комсомольская организация управления.

— Правильно.

На другой день после похорон комсомольское собрание Управления строительства Братскгэстроя единогласно приняло решение о создании народной дружины. Кроме комсомольцев Управления, в нее вступили все мисийцы, где бы они ни работали, все их друзья, все новые друзья Пашки Комарова. Меня избрали командиром дружины, Колю Михайлова выбрали вместо меня секретарем комсомольской организации. Заместителем командира стала Люда Григорьева, молодой специалист, выпускница Московского энергетического института. Начались ежедневные вечерние дежурства.

..В ноябре пятьдесят девятого на улицах Братска зачернены матросские башулаты. Около трехсот дефилизовавшихся тхококеанцев поселили в игровом зале Дома спорта.

Наша дружина в это время переживала кризис. Восьмого ноября я прочитал в журнале такую запись: «В клубе «Комсомолец» и на улицах проводили разсыпательную работу с хулиганами. Хохлова».

Нина, как никто другой, умела с мягким юмором сказать жестокую правду. Наш метод убеждения не вызывал слез раскаяния и моментальных перевоспитаний. Часто приходилось иметь дело с «опытными» народом, у которого наши методы вызвали уголовно-аристократическую раздражительность или волну блатного юмора. А беседовать с нашими девочками или даже очень нравилось. Стоит какой-нибудь ослепший жлоб, катает на спонявой губе «бычка» и ведет с суровой и прекрасной Эммой Ореховой «галантерейный» разговор: «Нехороший я, да? А вы хороша? А пойдем со мной, хороша, в картину...» Это не значит, что мы не применяли мускульной силы. Но в большинстве случаев физическое превосходство было не на нашей стороне. Там, где нужно было «тащить и не пущать», нам не хватало мужчин. Встречая на дежурствах матросов, я поэтому жадно взирал на мощные плечи, расправившие черные башулаты.

А почему бы и не пригласить нам этих ребят в дружину?

В спортзал отправилось наше представительное отделение во главе с бывшим матросом Володией Гананопольским, усиленное из этико-педагогических соображений членами штаба Людой Григорьевой и Ниной Хохловой.

Наш бывший игровой зал представлял зрелище, достойное кисти выдающегося мариниста. Среди будущего прибора полосатых тыльшек на кроватях, напоминающих ребристые останки судов, в живописных позах были разбросаны тела «потерпевших крушение». Пустые консервные банки, бутылки и запахи — крутой, мужской — довершали сходство с печальной картиной кораблекрушения. Не разбилась ли о быт эта большая лодка с экипажем в 300 человек? Один из «потерпевших» усердно занимался тем, что, лежа под бескетбольным щитом, посылал в кольцо бескозырку и попадал. Чувствовалась тренировка.

Если наше появление не произвело никакого впечатления, то вошедшие следом девушки вызвали безусловный эффект, равнозначный команде «полудра». Скрылись обнаженные ноги, откуда-то появились клеши с острыми, как бритва, складками. Незаметно подтянулись обитатели самых дальних кроватей.

Разсыпательную работу вели в основном девчата. Особенно убедительно звучал у них аргумент о нехватке ребят. Матросы смущенно улыбались: «А что же вы раньше-то...» — и валом валили записываться в дружину, колесом выпирая обширные полосатые груди.

На другой день сняющая Люда Григорьева переписывала длинные списки, а Федя Юсфин пришел на дежурство в мичманке. Бывший подводник с удовольствием шествовал во главе своего нового отделения в соленых волнах морских сплывцев.

Теперь мы твердо стояли на ногах: у нас был и интеллигентный подход и железные бицепсы.

Дружина стала популярной. Ребята приводили своих друзей, а иногда во время дежурства в штаб приходили незнакомые и просили записать их.

Партийная организация управления послала к нам в дружину лучших коммунистов. Больше всех из этого старшего «руководящего» поколения понравился нам заместитель начальника стройки Григорий Сергеевич Несмелов, седоголовый человек со строгим взглядом из-под лохматых, нависших бровей и добрым сердцем. Он не давал «ценных указаний», а просто честно и добровольно впрягся вместе с нами в нелегкую ямку.

Благодаря его помощи у нас появился штаб, в штабе стол, а на столе телефон. Немного позднее — лампа-вспышка и машина, предел наших мечтаний.

Все бы, казалось, шло хорошо, как вдруг равновесие интеллекта и физической силы в дружинке нарушилось.

Матросов послали на работу каменщиками в Новый город и поселили в одном, 25-м общежитии. Ребята вместе ездили на работу, вместе ходили на дежурства, на танцы. Общежитие блестело чистотой и военной выправкой, привлекало девушек и газетчиков. Ребят захватили, они поверили в свою всепобеждающую силу и непорочнейшим.

По Братску прокатилась волна кровавых драк, в которых матросы играли не последнюю роль.

Сначала нам казалось, что все проходит обычно. Всегда после поступления на стройку какой-нибудь крупной и дружной компании новых ребят неизбежно возникали стычки между ними и старожилами. Но с этим довольно успешно справлялись милиция, мы и время. Новеньких расселяли, устраивали на работу. Они заводили новых друзей, женились, и через месяц-два одинокий клич «Ростовских бытов» уже никого не собирал под боевые знамена: все становилось братчанями.

А в этот раз дело зашло слишком далеко. Плотское братство оказалось крепче самых прославленных заклывеств. Матросы ходили кучами и неизменно побеждали в стычках.

Однажды сквозь толпы танцующих в клубе «Комсомолец» к одной из пар пробился дружинник-морячок. Пара в недоумении остановилась, потрясенная его танцевальными маневрированиями. Матрос наклонился, приложил несколько раз спичечный коробок к узким бровкам кавалера.

— Четыре. Не пойдет.

И прежде чем узкобрюхий танцор успел опомниться, одна из его штанин оказалась распоротой снизу до колена. Матрос успел выпрямиться и вру-

чить даме клин «для вставки», прежде чем задохнувшись от ярости парень бросился на него.

Потасовка, прошедшая под лозунгом «Братишки, бей стяг!», кончилась жестоким избиением нескольких ребят из 19-го общежития. Среди них был случайно оказавшийся в клубе и пытавшийся разнять драку Димка Правдин — непревзойденный авторитет 19-го общежития, экскаваторщик с высшим образованием и бычьей шеей штангиста. Он пришел к нам в штаб и спокойно сказал:

— Если вы ничего не сделаете с двадцатью пятым, мы соберем два общежития и вышвырнем их, как козят. Хватит. Надоело.

Димка не любил бросать слов на ветер. Костя Киселев — знакомый красавчик из 19-го общежития, рассказал, что ребята заготавливают арматурные прутья.

Люда Григорьева металась между общежитиями. Мы отстроили отделения матросов от дежурства в клубе «Комсомолец». Двери клуба временно заткнула широкая спина Правдина, который до сих пор скептически относился к работе дружины.

Решили провести собрание в общежитии. Пока готовились, в одном из женских общежитий опять «грязнул бой». Среди участников оказалось двое ребят из 25-го.

Надо было принимать крутые меры. Пошли к Наймуншун, подписали приказ о немедленном увольнении со стройки инициаторов этой драки — Марченко и Брилко.

Заседание штаба дружины, комитета комсомола, бытсовета и всех жильцов собралось наконец в красном уголке матросского общежития. Ребята долго и тщательно мылись после работы, собирались нехотя. Молчаливым укором сидели в первом ряду, белая марлей и темнее синяками, соседи из 19-го.

Последним пришел Марченко, смело шел перед столом. Он чувствовал себя здесь уверенней, чем мы.

Тесная комната напоминала кубрик революционного корабля, на котором верх берут анархисты. Я с тоской подсчитывал союзников.

Юра Буряков. Трудно ему, бедняге, сейчас будет идти против своих флотских. Но ничего. На то и коммунист — не для легкой жизни.

Ивана Кремиса тяжело раскатать, но парень надежный и самое главное — авторитет.

Кто еще? Кто?

Иохвидов должен прийти. И все. Комитетчики и штаб не в счет. Нам примочат как обвинителей.

Гена Шеронов — секретарь комитета комсомола — объявил начало открытого заседания комитета. Персональное дело Марченко.

Нам действительно пришлось туго. Когда наконец дошли до голосования, быть или не быть Марченко в комсомоле, Гена сказал, что голосуют только члены комитета. Несколько поднимавшихся матросских рук растерянно застыли в воздухе, а потом сразу тишина раскололась шумом раздвигаемых стульев и криками:

— Зачем же нас звали?

— Комитат ломать комедию, пошли — без нас решат.

— Пошли отсюда!

— Геня, закрывай комитет, — в отчаянии прокричал а Шеронову. — Давай откроем бытсовет, пусть сами решают.

Буряков понял ситуацию.

— Ребята! Стойте! Даешь бытсовет: по-своему поговорить надо! А комитет потом сам решит.

Место за столом занял председатель бытсовета Сенокос — невысокий русский крепкий в форме.

Разговор пошел по-новому, на равных. Забинтованные долго и нудно говорили, как они пошли на танцы, где стояли, как их ударили.

— Кто ударил?

— Не помню. Не видел.

Матросы сдерживали торжествующие улыбки.

Как я страшно жалел, что нет здесь Правдина!

Опять выползла на свет платформа «Бей стяг!». Марченко поднял голову. Надо было повернуть собрание.

Как? Что им сказать? Где взять слова, способные взломать эту полосатую круговую поруку, пробить эти бесчувственные дремлюты?

Я старался быть спокойным, но внутри все кипело.

Руки нервно мяли под столом газету, и вдруг... Звонка! Я положил газету на стол, бережно расправил и попросил слова. Сдержанности хватило ненадолго, сдали терпоза. Плохо помню, о чем говорил. Накинул на героические морские традиции, говорил об их старшем товарище матросе Гайнулине, о том, что Братск не знал еще такого позора. Рассказал про Пашку Комарова, про то, как трудно нам работать и как мы на них надеялись.

Я говорил и смотрел каждому в лицо. Головы опускались.

— Вы приехали в Братск только вчера, а мы уже здесь три года. Мы знаем здесь каждое дерево, каждый дом и каждого человека. Какой-то дурак сплут штаны с идеологией и закурил вам мозги. Парень, которому вы разрежали брюки, — отличный сварщик и студент-заочник! — И под конец я пустил в ход свой газетный козырь: — А что бы вы сказали, увидев в узких брюках своего флотского, тихоокеанца?

Зашумели морячки, засмеялись.

— Не может такого быть!

— Это уж ты брось!

Я взял газету.

— Вы знаете четверку Зиганшина? Смотрите! Вот они сфотографированы в Сан-Франциско. Возьмите газету, посмотрите на их брюки. И запомните лица, а то ненадолго встретите и оставите без штанов...

Кто-то по-лошадиному гоготнул в напряженной тишине.

Заскрипели стулья, потянулись табачный туман, напряжение спало.

— Ладно уж... Кончай!

— Все ясно.

— Пойдем завтра дудочки покупать!

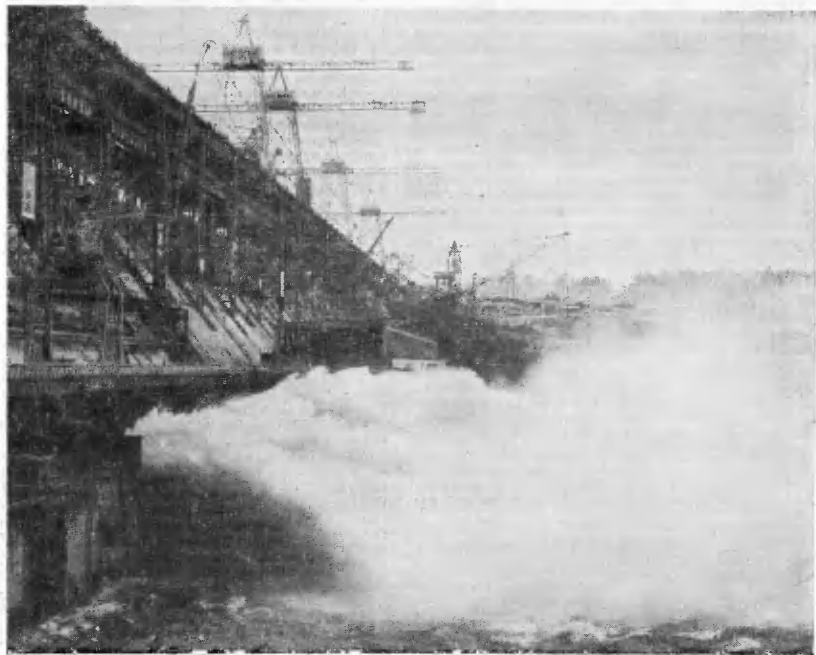
«Морской бой» был выигран.

С тех пор никто никогда не видел в клубе нетрезвых ребят из 25-го общежития. Через месяц боевые отделения Кремиса, Курдова, Бурякова, Иохвидова снова надели красивые повязки. Драк больше не было.

В декабре 1960 года мы трижды поднимали всю дружину в рейды.

Устали ребята, но и сегодня не подвели, особенно тихоокеанцы Кремиса — все в строю. Дежурство нетрудное, но почетное и ответственное: встречаем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Сначала надо пропустить кортеж машин по улице Гидростроителей, потом дежурить на смотровой площадке мыса Пурсей. Места там мало, скалы высокие; если подвалит любопытный гидростроитель да поднажмет — только держись, дружинник!

Все шло хорошо, и даже мороз был не очень злой. Прощушли в снежном вихре длинные черные ЗИЛы по главной улице Падлуна и встали в котлован, а мы двинули на Пурсей. Обидно немного: ребята в котловане увидят гостей, может быть, и поговорят с ними.

На стр. 22:
Л. И. Брежнев в гостях у
строителей Братской ГЭС.

Братская ГЭС.

На стр. 23:
Вверху слева — А. М. Гин-
дин, справа — И. И. Найму-
шин; внизу — «А мы тут с
природы живем...»

Фото Н. ПЕРКА.

ми, а мы вроде дорожных столбов. Впрочем, взялся за гуж — не говори... На то она и добровольная дружина.

Гордый мыс Пурсей совсем другим стал. Выросла снизу плотина, поднялась главная эстакада, выкатились на нее краны, и скала стала ниже, сгорбилась, будто облысела без осен. Люди уже без страха заглядывают в нее, держась за стальные перила. Привыкли, словно так было вечно. А ветеранам часто было грустно оттого, что теряет прежние величие место их первого свидания с Ангарой. Поэтому в 1958 году решили мы поставить на Пурсее обелиск в честь сорокалетия комсомола. Боря Карташов сделал эскиз, комсомольцы проектной конторы — рабочие чертежи, комсомольцы полигона железобетонных изделий во главе с Толей Лунарем создали по ним стройную колонну, а потом мы с Подгайным смонтировали ее.

Стоит сейчас над Пурсеем этот белый шпиль, но и он не уберет нашу любимую скалу перед подавляющим величием плотины. Что ж, плотина — это тоже памятник и времени, и комсомолу, и нам, может быть.

...А вот и сигнал. Мы встали в цепь, расчистили место для машин, расправили красивые повязки на рукавах.

Шумно выпал десант кинооператоров и фотокорреспондентов. Они сразу суматошно забегали в поисках лучшей точки, на которой дано уже стоял Николай Иванович Перк. Один только хитрый Петров прошел со своим «кинапом» сразу туда, куда надо, и занял командную высоту. Захлопнул дверцы машин, и на Пурсее сразу стало тесно. Убедившись в том, что ребята на месте, стоял крепко, я побежал к обелиску, чтобы сделать пару исторических кадров для своей фотопленки. Но в видоискатель попадали одни только затылки.

Поехал назад к ребятам, когда услышал сзади свою фамилию, которая передавалась, как команда, по цепи:

— Где он?

— Где-то здесь...

Я обернулся.

Прямо на меня шел Леонид Ильич Брежнев, улыбаясь и протягивал руку.

— Здравствуйте, товарищ Марчук. А я уже с вами знаком: видел вас в кинохронике о Братске. А вот сейчас на дороге не вы были?

— Возможно, я ведь, кроме всего прочего, командир дружины...

— Да, усы у вас командирские. Такие на фронте артиллеристы носили... Он подкрутил у себя воображаемые усы. — А если говорить серьезно, то вы делаете очень полезную работу.

— Спасибо, Леонид Ильич...

— Мне было приятно с вами познакомиться. Желаю успехов в производственных и общественных делах.

Он крепко пожал мне руку и открыл дверцу машины.

Скрылся кортеж за высокими соснами, а ребята взяли меня в окружение:

— О чем разговор был?

— Как там дела в Москве?

— Ты машину для дружины не попросил?

— Рассказки, рассказы...

Ребята приплясывали от холода и любопытства, а мне хотелось каждому из них передать это рукопожатие и сказать какие-то теплые слова, но сентиментальность и эмоции были чужды мужскому братству наших дружинников.

— Товарищ Брежнев сказал, что мы делаем полезное дело. Спасибо, ребята, все по домам.

Ах, как прав был бригадир Кеша Перетолчин, когда хотел написать книгу о крепости дьябаза и ее преодолении! Это же не порода, а просто железо: со стальных клиньев стружку снимает, долоты! не набегаешь заправлять. Есть, конечно, объективные технические показатели: прочность на сжатие — 2400 килограммов на квадратный сантиметр, объемный вес — три тонны в кубометре, но наилучшим образом эти показатели познаются через кувалду. Инструмент этот за тяжесть рабочие называют «понедельник». Лупишь, лупишь, кажется, сейчас руки вместе с кувалдой оторвутся и улетят в небо, а камень лежит, не шелохнется. Придет геолог, стукнет его ломиком.

— Убрать.

И опять выходит, кто покрепче, «понедельником» молотит. Бессмысленность этой работы приодила меня в ярость. Главный геолог Ангарской экспедиции Гидропроекта Наталья Михайловна Болотова — женщина невысокого роста, но смотрела на меня всегда сверху вниз или вовсе насквозь, не замечая моих пылких тиряд.

— Выполняйте требования проекта и технических условий.

Когда обращаешься к проектировщикам, они сылаются на требования геологов, и круг замыкается.

Хватили мы лиха с этой скалой на семидесятых сенциях. Там, где бетонная плотина должна выйти на правый берег, зиял глубокий провал. А мы его углубляли и углубляли, выламывая руками выветрелый дьябаз, тревожно поглядывая вниз, на водоохранилище, которое поднималось нам навстречу. Успеем или не успеем?

Уборка скалы на нашем правобережном участке — это как цирковой смертельный трюк. Взрывать ее приходится в самом центре важнейших коммуникаций — рядом с участком проходила железная дорога, автомобильный проезд, путь в столовую, стояла диспетчерская котлована, двигался конвейер большого бетона с самосвалами, кранами и бадами. Сюда же машины привозили рабочих на пересменку, рядом была крановая база, а опоры большой эстакады с целой гирляндой трубопроводов и кабелей нависали прямо над котлованом. Перед каждым взрывом я давал начальнику буровзрывных работ Родкину индугенцию, в которой было написано, что «все люди из опасной зоны выведены, техника укрыта, взрыв разрешен».

Мы укрывали эстакады и карты взрыва матами, связанными из бревен, толстыми стальными листами.

Каждое утро над нами с эстакады свешивалась седая голова Бориса Владимировича Поспелова — заместителя главного инженера Братскгэстро.

— Это не начальник участка, — злился он на меня, — ему надо работу организовывать, а он сам с перфоратором забавляется.

А что тут организовывать? Все и так работают как черти, больше туда людей не поставишь — тесно и небезопасно, потому что долбаем скалу на нескольких ярусах сразу, друг над другом. Загремит камень вниз — остей не сосчитаешь. Комсорг участка Валентин Острянский собрал комсомольцев, рассказав, что значат для стройки наша семьдесят первая секция. Это значит эта самая низкая точка гигантской плотины.

Близится паводок, когда водохранилище будет подниматься очень быстро. Мы должны справиться с этой скалой и успеть забетонировать секцию к паводку на высоту тридцати метров. Ребята все понимали, ребята молчали, поглядывая на свои тяжелые, сбитые руки.

После собрания это молчание вылилось в яростный натиск — перфораторы, отбойные молотки трещали, как автоматы в этой атаке, лязгали кувалды о клинья, только искры летели. Работу не прерывали на обед. Геологи, наблюдавшие весь этот отчаянный штурм, приняли наконец у нас основание. Мы радостно стали готовить к бетонированию первый блок, но, увы, радость была преждевременной. Когда геодезисты дали исполнительную съемку, оказалось, что большой скальный выступ на откосе со стороны водохранилища врзается в будущую напорную грань плотины и должен быть разобран.

Что делать? Прямо хоть головой беяй об эту скалу или бросайся с нее в море. Попробовал поговорить геологов оставить этот выступ, но тут заупрямились проектировщики — нельзя уменьшать толщину первого столба плотины.

Ну, как об этом сказать ребятам, которые уже выставили внизу опалубку? Взорвать этот пуп нельзя — разбурить ничем, не подойти. И опасно: отбой будет на эстакаду да и завалим все внизу, что с таким трудом расчистили. Остается одно — разобрать руками. Уж как не повезет так не повезет. Кажется, кинул-ся бы сейчас на эту скалу, зубами бы грыз, руками рвал, ломал бы, пока не умер, — такое хлопотало в душе после разговоров с проектировщиками. И Пospelов, как назло, сверху опять поглядывает.

Чувствую, что устали ребята от скалы, рвутся к бетону. Тяжело их будет поднимать, но и бетонирование такого долгожданного блока откладывать тоже обидно. А выступ надо разобрать очень быстро. Нужны какие-то новые импульсы. Все устали от призывов. Что ж, пойдем в бой сами. Нас трое коммунистов на участке из семи проробов и мастеров. А больше семи человек на этом выступе и не поставишь — тесно.

ИТР первого участка собрались после дневной смены на откосе над семидесятой секцией. Уселись на камнях, на бадьях, на скале над морем и устались со злостью на черный скальный выступ, похожий на Мефистофеля. Тогда я сказал речь:

— Завтра двадцать второе апреля. Ленинский день. В подарок Владимиру Ильичу надо за две смены убрать этот чертов выступ, чтоб утром начать бетон.

— Ну, Чапай, — засмеялся старший пророб Букреев, — за две смены тут пупок развяжется...

— Это смотря какой пупок. — Пророб Татьяна Десяткина подмигнула Вадиму Кулакову.

Мастер Кулаков смущенно пожал широкими, сильными плечами:

— Попробуем...

— Дело серьезное. Оно называется: «Коммунисты, вперед!» Остальные — добровольно.

Все помолчали. Снизу устало поднимались рабочие первой смены — еще зеленые дорожки — наши солдатики, но гимнастерки уже потемнели от масла, от буровой пыли и пота.

— Бить палом, две кувалды, клинья — сюда! — командовал им Букреев зычным голосом.

Ребята, проходя мимо, бросили нам под ноги ломы и кувалды и, уходя, удивленно оглядывались.

А дальше семь часов подряд только скала, мускулы и железо. Обычная норма скальников — куб в смену. К ночи наш стропаль Десяткина насчитала двенадцать бадей. Клинья все были размочалены,

ручки у кувалд сломаны, руки сбиты. Сил больше не было, а выступ еще оставался. Если продолжать дальше, то никто из нас завтра на работу не выйдет, мы сдохнем на этой скале.

— Хватит! — сказал я.

— Не убрали же...

— Ничего, я уговорю геологов. Сделано много.

— И чего она им помешала, такая скала?

— Пошли спать. Саша, заказывай на завтра бетон, — сказал я Букрееву, хотя совсем не был уверен, что нам разрешат бетонировать.

А утром мы не поверили своим глазам. Выступ не было.

Подожел Валентин Острянский, смущенно улыбулся.

— Это комсомольцы. Видели вашу работу, остались после второй смены и добрали.

С эстакады резанул разбойный свист бригадира Зибунского, и первая бадей бетона попала над семьдесят первой секцией. А мы, не сговариваясь, собрались на откосе, шурились на солнце, слушали журчанье ручьев по котловану, поглядывали на потемневший лед водохранилища. Это было прекрасное утро, 22 апреля 1962 года, и мы приготовили наш подарок Ленину: обогнали море, справились с диабазом и начали бетонировать правобережное крыло Братской плотины. Наш участок «доказал себя».

Где же там Пospelов, почему он не смотрит на нас с эстакады?

Что делать с морем?

Братское море в свои младенческие годы было ласковым и теплым. Оно тихо волновало на зеленые лужайки, заглядывало в кусты, осторожно трогало жарки и ромашки. Мощные стволы зеленых крестов не давали разогнаться злому ветру, тихие заливы не знали волн, и не было границы между тайгой и морем. Краснопереые окуни ходили в ветках белостовельных берез, прямо из воды выпархивали испуганные перепелки. Люди, привыкшие к вечному плену одужи, привыкшие с опаской относиться к воде, вдруг оказались на берегу спокойного моря и растерялись. Они не знали, что с ним делать. Седые таежные бойцы с выдубленными коричневыми лицами обнажили свои белые тела, шлепали босиком по плоской травяной волне в неловких «семейных» трусах, бросали камушки, считая «блины», шумно плескались у берега, кряхтя и повизгивая от неизведанного восторга.

— Хорошо-то как, а!

Коля Михайлов отнесся к морю обстоятельно. На берегу в Падуне, рядом с базой ДОСААФ, появился маленький сарай, где уютно урчал компрессор, ходили непривычного вида люди с аквалагангами, ластами и прочим диковинным снаряжением. Коля держал секцию подводников в строгой дисциплине. Двенадцать здоровых парней имели удостоверение инструкторов, а Лилия Данилова даже успела стать чемпионкой Иркутской области по подводному плаванию.

Как же быстро пролетают в Братске одинокие теплые дни! Мы пытались обмануть холод рубашками и самодельными костюмами, но он все равно настаивал, выгоняя из воды к кострам. Не было от него никакого спасения, кроме как рвануть на груди тельняшку — на, собака, морозь меня, все равно не боюсь!

Так и сделали. А вдохновили нас моржи — Алексей Дорошенко и Костя Киселев, наши товарищи по

подводной секции. Зимой они регулярно купались в проруби, а 23 февраля устраивали заплывы в нижнем бьефе¹ Братской ГЭС.—Смотреть жутко, не то что плыть: в воздухе градусы 30.—35.

Бегу я как-то в предзаогодежной морозной суете по улице Гидростроитель, а меня останавливает Дорошенко неожиданным вопросом:

- Не хочешь подо льдом Новый год встретить?
- Это как?
- Идем, покажу.

Зашли мы в будочку на льду у спасательной станции, я прямо обмер от невозможности происходящего. Вместо пола проруби светится бирюзовым светом в обрамлении голубого льда. Под водой елка сверкает игрушками, но висят они непривычно — вверх. Два черно-желтых «садко» плавают под ярким светом донных ламп, нависают бусы, привязывают к елке бутылки шампанского. На улице минус сорок, в будке плюс пятнадцать, а в воде ноль. Ну, как тут не искупаться?

Нечего делать на Братском море подводнику, если он не морж. Жизнь подводников состояла не только из одних развлечений. Приходилось доставать всякие утонувшие вещи, помогать в ремонтах водно-ливной техники, обследовать шпоники на водосливной плотине Братской ГЭС, выезжать для подводных работ на Усть-Илим.

Но все эти мелкие дела как бы в счет не шли. Никто подводников не признавал за серьезными людьми до раскиски насосной.

Заместителю главного инженера Борису Владимировичу Поспелову сообщили, что водолазы отказались расчищать всасы насосной в расширенном шве плотины. Хорошенькое дело — вода уже подтапливает галерею, скоро пойдут на здание ГЭС, а эти медлительные резинщики, видите ли, свои помпы подать в шов не могут, машина у них в трубу не лезет, условий им нет! Принципы южных морей! Но что делать, что делать? И тут он вспомнил о странном увлечении инженера техотдела Николая Михайлова, над которым часто подтрунивал.

— Николай Борисович, твоя подводная секция для развлечений или вы можете делать дело?

- Смотря какое.
- Которое отказались выполнить водолазы. Не хотят, не умеют да и побиваются.
- Это уже интересно.

— Надо срочно расчистить всасы насосной в шве сорок восемь — сорок девять.
— Освободите четырех человек на четыре дня: меня, начальника СМУ дорожных работ Дорошенко, инженера управления Онохина, Киселева, дайте машину. Попробуем.

Стометровая темная пропасть расширенного шва дышала холодом. Несколько лет уже на дне ее таял лед, перемешанный с опилками, досками, цементным шлаком, арматурой и прочим строительным мусором. У напорной грани застыли ледяные водопады. Где-то там, под черной водой, торчат из бетона две трубы диаметром шестьдесят сантиметров, забитые мусором.

Дело нехитрое — оделся, сигнальный конец на пояс, в руку шланг для размыва мусора, и пошел. Если б не холод, не чернота крошечная под водой, не гвозди в мусоре. Да и сверху того и гляди болт или доска могут свалиться на башку. Но об этом лучше не думать: надо работать.

Вперед и вниз!

Терпеливо теплеютцы в воде Дорошенко и Киселев. Где руками, где стальными прутьями, ломиками, где шлангом расчистили подходы к трубам, сняли

забитые соросодерживающие решетки. Упорные ребята, да и моржовая закладка сказывается, но с трубой у них дело туго пошло. Оба широкие, как леги, в трубу не лезут. Тут настала очередь Онохина и Михайлова. Надо всунуться в трубу, как торпеды в аппарат, и держать впереди шланг. Струя под большим напором размывает впереди мусор, возвращаясь, добит по голове и, теряя энергию, выносит это по заторам между подводником и трубой. Где же вы, теплые прозрачные глубины южных морей с белым кружевом кораллов! И так-то в этом чертовом расширенном шве работать неприятно, а тут еще в трубе. Как в трубу. Но ребята же рядом, вот сигналы: дерг! — «Как дела?», дерг — «Нормально».

Коля Михайлов увлекся. Он влез в трубу на весь свой двухметровый рост, когда запела мембрана легочного автомата на вдохе,—значит, скоро воздух кончается, пора назад. Попытался Коля дать задний ход, а он не дается. Еще раз уперся сильнее — не идет. Дернул сигнальный конец два раза, ответа нет. Дыхание стало прерывистым, кувыркнулось сердце. «Спокойно.—Коля с трудом подавил желание бешено рвануться из этой схватившей за горло тесноты.—Спокойно. Что меня держит? Мусор, наверное, отложился в ногах, напора не хватило на вынос». Попытался поддвигать ногами — не двигаются. Значит, и сигнальный конец тоже зажат, не выходит сигнал из трубы. Повернул струю на себя, но шланг пережимался на сгибе и напор падал. «Самому не выбраться. Ребята, где же вы там?!».

Костя Киселев — человек несуетливый, спокойный, бросил сигнальный конец Дорошенко.

— Леха, держи, я пошел,— и прыгнул в воду без акваланга, только маску успел надвинуть на нос.

По концу дошел до трубы и сразу все понял — вход был завален. Костя яростно, по-собачьи заработал руками. «Только бы успеть на одном вдохе». Мусор был рыхлый, поддавался легко, но мощные легкие уже требовали воздуха. Вот прощупывается михайловский нос. Костя крепко ухватил их и потащил. Вытянул сколько мог и кинулся наверх, потому что грудь уже трясла судорогой. Хахатнул он все-таки воды, закашлялся, махнул Дорошенко: «Порядок». Алексей понял и быстро выбрал конец, чтобы помочь Михайлову подняться. Костя поджал его на плаву, быстро скрутил мундштук и с тревогой пытался разглядеть Колыны глаза за мутными стеклами очков:

— Ты живей?

Коля шумно дышал, облачка пара выходили из муфты шлема и расплывались над черной водой.

— Живой...

— Выходите, на сегодня хватит! — крикнул Дорошенко и потянул Михайлова к трапу.

— Да, на сегодня в самый раз. Наелись,— согласился Костя, стягивая со своего несобяного торса промокший свитер.

Дорошенко разделял Михайлова, а сам от радости, что все кончилось благополучно, просто заплясал смехом.

— Ну, президент, ты чуть досрочные выборы нам не устроил!

— Дай-ка спирту глотнуть.

— Ты что? Спирт выдают только для промывки аппаратов!

— Давай, давай,— поддержал, удивившись неожиданной доброте президента, Киселев,— у меня легкие полны опилок.

А Коля Онохин уже достал флаг, снял с пустого термоса крышку, и нарушению дисциплины самим президентом секции состоялось.

— Завтра закончим,— сказал Коля. Его посиневшее лицо постепенно приобретало нормальный цвет.

¹ Нижний бьеф — часть русла ниже плотины.

— Завтра закончим,— поддержали ребята.
Через день насосная в сорок восьмой секции работала нормально.

Когда встал на водные лыжи Бардашов, в Братске появился новый вид спорта. Бардашов раздобыл американскую книжку по водным лыжам, выучил английский и перевел эту книжку от корки до корки. Раздобыл где-то фильм «Водный праздник во Флориде», собрал редких горнолыжников и других спортивных ребят и показал им этот фильм. Уговорил руководителей спортклуба купить снаряжение и катер.

Сибирь — это не Флорида, здесь больше привыкли к снежным праздникам, как то воднолыжникам приходилось в некотором роде вспахивать целину, но уже в 1965 году на первом всесоюзном первенстве в Химках наши ребята отчаянно летели с трамплина, стараясь перепрыгнуть самих себя и время. Не удалось, хотя братчане обогнали Украину, Белоруссию и другие команды с более громкими именами и с более теплых морей.

В 1966 году воднолыжники Братска выступали на матче городов в Дубне, где собралась вся воднолыжная элита: Тяпкин-старший и Тяпкин-младший, Галя Литвинова, Филин, братья Нехаевские, Русакова из Новосибирска.

Мы често сражались два дня с непривычными скоростями белого катера «Дубна», крутой волжской волной и непривычно теплой водой, в которую приятно падать. Публику на берегах мы повеселили вдоволь, потому что зарывались обычно в воду в тот момент, когда комментатор перечислял наши спортивные доблести и ордена. Столкнуть бы их всех на минутку в нулевую воду Братска. Но мы не унывали, держались дружно, и бардашовское банджо заливалось наперекор всем неудачам и насмешкам.

Братск занял четвертое место.

Но в Дубне очень остро мы ощутили неумолимый и быстрый бег времени. Стрелка среднего возраста нашей команды перелезала за тридцать, и будущее не сулило нам побед. Поэтому следующей весной мы передали свои самодельные костюмы, заветные лыжи-одиночки и фалы робким братским школьникам.

Итак, прощай, аквананги, прощай, лыжи. Но море остается! И если не нырять в него до ушей и не трапиться по жестким волнам со скоростью автомобиля, а просто посидеть на берегу спокойно и подумать о серьезных вещах в соответствии с возрастом и семейным положением, то можно увидеть деловых рыбаков на «Вихрях», или философов с удочками, или белые крылья парусов. Удочки — это, пожалуй, еще рано, а вот парус — в самый раз.

Я пошел в хитлхуп комбинаста «Братскжелезобетон», и президент Эдик Леднев щедро пожаловал мне во временное пользование в соответствии с решением совета капитанов огромный шестивесельный ял с полным рангоутом. Корабль серьезный и требовал мощной мужской команды. К этому времени у нас с Натальей уже была такая команда из трех сыновей, но мощь ее была нам неизвестна.

В парусном деле наша команда во главе с капитаном была полностью безграмотной, хотя паруса на Братском море имели уже свою историю и традицию. Первыми подняли их ребята второго завода железобетонных изделий. Уже на трехлетнем от рождения море появилась крейсерская яхта «Нерви» с армоцементным корпусом и полным такелажем, сделанная до последнего винтика руками железобетонных романтиков. Две навигации выписывала она в гордом одиночестве грациозные галсы

своим белоснежным прибалтийским парусом, пока ошибка капитана и штормовой осенний ветер не выбросили ее на камни мыса Пурсей. Черная от веков башня Братского острога впервые стала свидетелем морского кораблекрушения.

На стапелях опалубочных цехов поднимались новые стройные корпуса, бестелсти традиционной медью новые штурвалы. У инженеров железобетона были терпеливые золотые руки мастеровых, в которых крепко сидела трудовая память волжских корабелов. Каждое лето сходило на воду стройные красивые яхты, белыми лебедями скользили мимо треска подвесных моторов, дизельной гары катеров. Скоро им стало тесно в таежных берегах Братского моря, и они поплыли в Норильск, на Байкал, в Северный Ледовитый океан.

Мы вышли в первый парусный поход вечером при крепком ветре. Ребята охали и визжали от восторга, увидев, как наш тихолодный и тяжелый долг вселами ял вдруг ринулся резать волны. Наталья тревожно поглядывала на меня, но я показал ей, как рядом выходили в путь капитаны Третьяков и Тараканов, и она успокоилась. Залив прошли непривычно быстро, а за красным бакемом на траверсе Пурсей топорчились большие волны с белыми гребнями. Я глянул на плотину и увидел, что волны хлещут о серую стену, брызги взлетают до самого верха. Расчетная высота волны у плотины три с половиной метра — между прочим вспомнилась проектная цифра.

— Ваня, галс! — крикнул я своему старпому и переложил парус.

Ваня замешкался, и наш корабль дал такой рывок, что черпнул бортом. Наталья вскрикнула от страха.

— На левый борт, быстро!

Старпом отважно повис над бортом, ял выпрямился и вышел в «открытое море». Испуганная Наталья обрушила на нас ураган своей критики, смысл которой сводился к простой мысли: «Не умеешь — не берись». Она была права, но кто же знал, что будет такая вето!

Мимо нас на всех парусах прошла великопелная «Диана» капитана Тараканова. Саша сделал нам рукой жест на Зыбский залив и унесся вдаль, белая своим парусом между черным небом и синей водой.

Ветер был какой-то ровный, я никак не мог к нему приспособиться, а вернее, просто не умел. Иван метаясь от борта к борту, вылавливая кренцы, экипаж мой испуганно кричал, даже Наталья прекратила критику. Лучшие всех вел себя наш ял. Он, как добрый конь под неумелым седоком, пытаясь исправлять наши ошибки, держался остойчиво, защищая высоким бортом от волн, не торопился исполнять противоречивые команды.

Что делать? До Зыби три часа ходу. Небо все черное, ветер не стихает. Тараканов не поможет — ушел. А если нас положили? Миша и Артем плавать не умеют. Наталья умеет только в теплых морях, а тут плюс шесть. Трех я не вытаску. «Семейный ковчег в опасности!» — просигналила сирена в моем мозгу, и я сбросил парус. Ял, потеряв ход, бестолково заляпсал на волнах.

— Весла на воду!

— Папа, мы что, возвращаемся! — удивился мой храбрый экипаж. — Посмотри — вон Третьяков идет! Из залива вышла «Нерви-два» под штормовым такселем. Капитан Третьяков шел сторожонье Тараканова, но все-таки он шел через море за Зябу. Что же это получается? Капитан-отец сдвинул на глазах у матросов-сыновей! Не бывать этому!

— Отставить весла! Всем перестать с банок вниз, на рюкзаки. Надуть матрацы! Боцмана и юнга заковать палаткой!

Я поднял парус, и я рванулся навстречу темному морю к еле различимой группе сосен на том берегу. Рядом маячил внимательный стапсель Третьякова, и ветер уже не казался таким страшным.

Мы пришли к правому берегу в полной темноте. Ветер вдруг стих, высипали звезды, негромко перешептывались верхушки сосен.

Когда мы с Ваней навалились на корму, чтобы вытолкнуть ял на берег, он тихо сказал мне:

— Папа, хорошо, что мы не повернули. Не сда- лись.

Дальше всех нас в использовании моря пошел Фред Юсфин. В 1956 году комсомольскую органи- зацию Управления главного энергетика Братскгэс- флота возглавил вчерашний подводник Северного флота москвич Фридрих Юсфин (Фридрих, потому что родился в день рождения Энгельса). Но мы зо- вем его Федя или еще проще — Адмирал. Он все- гда в плену своих новых идей. Нормальная система- тическая работа — это не его удел. Его стихия — это вдохновение, импровизация, феерверк. Ради минутной вспышки салюта он готов переждать го- ры месяцами длительной подготовки. В 1957 году он организовал и возглавил шлопочный поход братчан в Заполярье. В конце труднейшего пути на рейде Норильска шлюпка заглохла на радостях такой галс, что чуть не пошла ко дну. Не многим братчанам приходилось знакомиться с Падунским порогом вблизи, а Федя присидел в нем целые сутки, когда в 1958 году его катер с заглушим мотором за- тачило в порог и посадило на камни. Обалдел от гро- хота, пока ребята выручили.

Юсфин работал диспетчером, инженером в управ- лении, директором клуба «Ангара». Когда к Братску потянулись иностранцы, он создал Клуб интерна- циональной дружбы с устным журналом «Глобус». О нем много писали в книгах и газетах, журнал до сих пор существует.

Все началось с любви к Кубе. Когда выяснилось, что Фидель может разгромить врагов без добро- воляца Юсфина, Фред решил со своим Клубом интернациональной дружбы по крайней мере отметить день 26 июля на Братском море. Ему удалось со- брать в кильватерную колонну весь флот водохрани- лища, все яхты, выбросить в море парашютный де- санд, устроить морской бой пиратов, парад водо- лыжников и возникновение подводников из воды. Сам он изображал Нептуна, принимающего в экс- плуатацию новое море. А когда Фред входит в роль — это уже неуправляемая стихия. По ходу сценария Нептун приказывал своим слугам топить в море буюрократов, пьяниц и других отрицательных персонажей, что с большим энтузиазмом делали на- ряженные дикарями студенты. Буюрократы и пьяницы с криками и брызгами летели в воду и, к удивлению публики, не всплывали. Их изображали подводники, которые ныряли к трапу под бортей и подключали- лись к аквалагам. Узнав об этом нехитром трюке, Фред решил непременно появляться из воды. Мы его отговаривали, но безуспешно. Настал час. Мы незаметно подвезли Нептуна на катере с другой стороны боржи, надели аквалаги и ждали сигнала. Фред был великолепен — пышная грива волос и бо- роды, вместо короны — сверкающая консервная бан- ка «Сельдь атлантическая», длинная белая туника. — Нептун, сейчас появится владыка морей Неп- тун! — прогремел усилитель.

Это был сигнал. Доросшему быстро повторил Фред инструкцию, мы с Киселевым взяли его под руки, сунули в рот мундштук и поплыли. У трапа Фред совсем потерял ориентацию и никак не мог

сделать последний глубокий вдох, чтобы выходить с запасом воздуха. Ударился о боржу, слетела с го- ловы «Сельдь атлантическая». Нелепо путалась в но- гах длинная туника. Мы с Костей поставили его на трап, выдернули мундштук, надели банку и дали толчка навстр.

Появление владыки морей из воды эффекта не произвело. По трапу еле вылез мокрый человек в консервной банке, кашляющий, изгагающий воду и дрожащий от холода. Борода мокнущей асела на шею, туника облепила чергуковскую фигуру, все веселые тексты вылетели из головы. Но Фред есть Фред. Стоило ему подняться к микрофону, увидеть тысячи людей на берегу и плывущую пляску дикарей на борже, как вновь проснулся в нем артист; сце- нарий потащился дальше.

Праздник моря стал с тех пор традиционным и повторяется в Братске каждый год.

Вершиной морской деятельности Юсфина стало создание в тихой бухте Зыбского залива детского во- енно-морского лагеря «Варяг». Здесь будто материа- лизовалась мечта сибирских мальчишек о море и бо- евых кораблях, о дальних плаваниях и необычно- ванных приключениях. Командирами экипажей служ- жат настоящие моряки — курсанты высших учебных заведений Владивостока, а комиссар — детский пи- сатель Михасенко. Лучшие из «варягов» каждый год едут с «адмиралом» Юсфиным на гвардейский ракет- ный крейсер «Варяг».

В самом заветном месте хранит мой сын свои фо- тографии, на которых шагают стройные братские мальчишки в наглаженных белых форменках, стоят у ракетных башен «Варяга». Тихоокеанский ветер шевелит голубые гюйсы. Не сон ли это был?

От рационализации в прорубь

Во всем виноват начальник технического отде- ла строительства Усть-Илимской ГЭС Фрейд- ман. Он завел спор с Гидропроектом о кон- струкции продольной перемычки. Если мыслить ло- гично и стандартно, то Гидропроект прав. В Братске перемычка была рязжевой, работала надежно, зна- чит, такую надо делать и на Усть-Илимье. Кста- ти, тогда и Фрейдман занимался ее строительством, имеет опыт, должен был присветовать это решение. «Нет», — сказал нелогичный Фрейдман, — проще, быстрее и дешевле вместо рязжевой стенки отсыпать каменный банкет. Камень ядот — на острове Ло- сенок. А для рубки рязжей нет ни времени, ни лю- дей.

Гидропроект собрал лучшие свои умы и стал ду- мать, как с Фрейдманом совладать. И придумал. «Не- возможно, товарищ Фрейдман, принять ваше пред- ложение», — сказали ему лучшие умы — потому что при отсыпке каменного банкета поток будет выно- сить абок мелкие фракции камня, они отложатся шлейфом под телом перемычки и будут служить путями фильтрации воды в котлован».

Главный инженер СМУ основных сооружений Усть-Илимской ГЭС Михайлов — человек действия. Ему надо эту перемычку строить сейчас, немед- ленно. Рубить рязж не людей, а сыпать каменный бан- кет можно. Это с одной стороны. Но с другой сторо- ны, его сыпать нельзя, потому что Гидропроект бо- ится размыва. Значит, нужно доказать, что размыва нет. А чтобы доказать, надо начать отсыпку и

лезть на дно Ангары проверять. И я еду туда как представитель инспекции.

Вертолет развернулся над островом Лосенек и нацелился на маленькую четырехугольную площадку среди белого хаоса торосов. От рывка в торосы торчал небольшой кусок банкетки, который нам и предстояло обследовать подо льдом и под водой. Командир точно посадил свой вертолет, погасил рез и свист винта, и мы выгрузились в морозную тишину. На банкетке нас ждала маленькая будочка, в будке печка, рядом охапка дров. Даже трап приготовлен на откосе. Михайлов обо всем позаботился заранее.

Мы рывком проследовали в мини-будочку, с трудом втиснули туда снаряжение и двух человек, затопили печку. Михайлов с матросом Колей пошли взрывать майну. За костюмы было тревожно — не сломались бы на морозе, поэтому пришлось ждать, пока воздух в будке подогреется.

На льду грохнул взрыв, и ребята пришли за нами. Ковальчук ловко спустился по трапу, растолкал льдины, закрыл шлем. Помохал нам рукой, шумно вздохнул — и только веревочка побежала быстро-быстро из Колиных рук, а я, как корова на льду, скользил в своих стальных башмаках, изо всех сил старался не упасть на обледенелом откосе или на трапе. Добрался все-таки с помощью Михайлова до воды и погрузился.

Сразу сделал массу открытий. Во-первых, ничего не видно, тьма крошечная. Взрывом, наверное, подняло всю муть, и теперь обследование надо делать на ощупь. Во-вторых, спустившись на дно, обнаружил, что идти не могу и плыть не могу, барахтаюсь в невесомости. Испугавшись мороза, надел я два свитера, и теперь запас воздуха лишил меня устойчивости. Надо «обжаться» — выкачать воздух из костюма. Подышал носом из шлема, «обжался», встал на ноги, дал сигнал «на грунт». Ощутил ногами основание откоса и дно — крупный камень отсыпки обрывается на гладком скальном дне, никакого шлейфа нет. Двинул вдоль откоса, но иду неустойчиво, всплываю. Решил взять камень, но все камни в откосе смерзлись, покрылись ледяной коркой. Просигналил я Михайлову «подъем», попросил камень. Коля удивился: «Что тебе там камень мало?» — но выдал мне диабазиную на полуду.

Уходи быстрее, а то прихватит легочный автомат!

На этот раз с пригрузкой я уже тверже стоял на ногах, двинулся вдоль откоса. Дно чистое около банкетки, только на крупные камни наткнуться, большие, как стол. Обшел один, другой и запутался со страховочным концом. Одна рука занята — камень держу, а другой надо сигналы слушать. А что же слушать, если конец где-то в камнях зажался? Вернулся назад, распутался, бросил камень и попопоз, как рак, ощутившая подножние откоса. «Однако», подумал, я при этом, — не многие работники технической инспекции проверяют так качество работ. Неплохо было бы также опустить под лед т. Овечкина из Гидропроекта для проверки порожденной им теории разноса и фильтрации. Сидит он сейчас довольный и розовый на второй Бауманской, а тут ползай на карачках из-за его научной фантазии». Не нашел я никакого шлейфа и просигналил «подъем».

Посидеть бы у печки, погреться малость, но Коля Михайлов уже влез в мой мокрый и холодный костюм, натянул на голову шерстяную шапочку.

— Помоги.

Надаты жгуты, акваланг, взят сигнальный конец, и Коля уже скользит по откосу к майне. Взорванный лед прихватил морозом — надо торопиться. Ми-

хайлов пошел уверенно, сигнальный конец так и рвется из рук. Воздушные пузырьки выдоха уже не тревожили взорванную ледяную кашу, как при первом погружении Ковальчука, а прилипали снизу к свежему прозрачному льду. Следить за ними стало трудно. Быстрый бы надо, быстрый, а то не пришлось бы лед головой таранить.

Подосел командир вертолета.

— Нам надо улететь. Мы должны до захода быть на базе.

— Ясно, командир, сейчас кончаем.

— Через две минуты я запускаю двигатель, — холодно сказал замерзший командир.

Я просигналил Коле выход, но он не очень торопился, гулял себе подо льдом. Не передашь же через веревку, что вертолет улетает. Да и Михайлова можно понять: ему, главному инженеру СМУ, работать в этом котловане, и если он будет дырявить, то потом никаким водоотливом не расхлебашь.

Взревел двигатель вертолета, замахали надо льдом огромные лопасти.

— Иван! — заорал я через шум мотора. — Грузись и держи вертолет, я вытаскиваю Михайлова!

Ковальчук с дружкой потащили к вертолету наши пожитки, а я просигналил Коле «подъем» и с силой стал выбирать конец. Когда его голова вопросительно пробила над майной, вертолет уже подпрыгивал от ярости, а на его дверце висел Ковальчук. Михайлов сразу оценил обстановку, быстро выкарабкался по откосу и прямо в обмерзающем на глазах костюме побежал, как слон, к вертолету. Мы втащили его волоком вместе с трапом под яростную ругань вертолечиков и уже в полете стали снимать задевшие жгуты, акваланг, башмаки, пояс. Но раздеть так и не успели. Вертолет перепрыгнул реку, обогнул Толстый мыс и повис над стадионом. Нас стали выбрасывать, по-моему, задолго до посадки, даже незнаясь, была ли она. Оглушенные треском и педаным ветром, мы оказались в снегу, а вертолет потарахтел над вершинами сосен в Братск обгонять заход солнца.

— Добро бы золото искали, — пробурчал, отряхиваясь, Ковальчук.

— Миллион, — сказал Михайлов, — мы нашли миллион, — и поддернул свои резиновые штаны.

Он не шутил, но мы рассмеялись — уж больно нелепо выглядел водолаз, выдернутый из-под льда в небо и выброшенный с неба в сугроб. Хорошо еще, что шофер вдохнул жизнь в свою машину, нагрел ее, и заботливо подобрал в снегу наш незадачный десант.

Через десять минут мы в доме Михайловых, где всегда есть бутылка доброго вина, чашка горячего кофе и гитара. Труд жал на взволнованный Фрейдман.

— Ну, как там?

— Ты, Борисич, садись и пиши акт. У нас руки не действуют. Отогреемся, тогда подпишем.

— А что писать?

— Нет расписыва.

ВЦ на Лосёнке

Такой случай нельзя было упустить никак. В феврале 1967 года готовилось зимнее перекрытие Ангары у Толстого мыса — второе в мире за всю историю гидротехники. Первое было десять лет назад в Падунском сужении. Теперь представлялась возможность провести тщательные натурные наблюдения, проверить метод расчета и отдать

его в работу будущим сибирякам, пусть вспомнят нас добрым словом где-нибудь на Тунгуске, на Оленке или на нижней Лене.

Проверить расчет. Это значит сделать два десятка водопостов, найти людей, которые могли бы ходить по торосам 15—20 километров в день, бурить метровой пед, жонглировать на кромке майны, работать с нивелиром, уметь считать без ошибок. При этом жить надо в «полевых условиях» и работать почти непрерывно от начала до конца перекрестия.

Не успел я сделать и первых оршавгов, как в мой кабинет стали заглядывать добровольцы. Первым был инженер техинспекции Дима Кошевой.

— Возмешь? — А я на тебя и рассчитывал. Только помоги организовать геодезическую часть.

Димка, человек нетерпеливый и дотошный, работал геодезистом на ЛЭП-220, уже десять лет мы с ним в Братске на «ты».

Итак, если со мной, то уже двое есть.

Потом зашел главный специалист проектной конторы Степан Дубровин, степенно посидел, помолчал.

— Тут слух прошел. Интересуюсь знать.

Я развернул ему план водопостов.

— Однако, ходить много. Это мне в самый раз, запиши.

— Записать-то не штука, а вот отпустят ли. Ты же большой начальник.

— Да. Большой, — согласился он, — восемь девок — один я.

Степан, конечно, был находкой. Это надежный человек, способный выполнить любую работу. В свое время о приехавших в Братск москвичих и прочих добровольцах зазвонили пели серебряные трубы радио, газет и журналов: такие-сяки, пионеры, первопроходцы. А Степан Дубровин и не помнит, с какого дедовского колена живет его род в Падуне. В школу ходил из Падуна в Братск за сорок километров по таежной дороге. «Первопроходцы» еще и на свет не родились, а у Падунского порога пахал землю Дубровин из колхоза с символическим названием «Ангартстрой».

— Тогда забирай и своих девок с собой, чтоб им без руководства не оставаться.

— Подумаем, — сказал Степан и пошел в свой отдел.

Дима Кошевой проявил невероятную для себя оперативность, пришел с геодезистом из отдела главного маркшейдера Владимиром Дмитриевичем Быстрицким.

— Я, конечно, по возрасту вам в отцы гожуся, — Быстрицкий смущенно протер очки, — да и форма уже не та, но, если возьмете, я поеду. Километров десять нивелировки в день еще могу. Спать в мешке в тайге, на морозе приходилось тоже.

Потом робко зашли три девушки — техники проектной конторы из отдела Дубровина.

— Можно мы со Степан Михайловичем на Усть-Илим?

Людей искать не пришлось. Была даже проблема выбора и обид.

Строители Усть-Илима разбили водомерные посты, приказ о составе бригады был подписан, до выезда осталось решить только один вопрос: где разместить на жилье? Этот вопрос мы долго обсуждали по телефону с Усть-Илимом в лице Т. Михайлова и остановились на варианте «Лосенюк». Этот островок расположен в четырех километрах от цивилизации, зато в центре событий, в центре сети водопостов. С лета остались на нем две будочки от буровиков, которые Михайлов постарается восстановить.

6 февраля наш десант выдвинулся на Лосенку. Он состоял из пятых мощных мужчин и трех прекрас-

ных девушек. По объемам работ надо бы вдвое больше, но Братск сумел отпустить только этих. «Мы в телняшках», — успокоил меня Степан. Кроме нас четверых, мужскую силу представляет еще Геннадий Ивахин, тоже главный специалист проектной конторы. На этом их тождество со Степаном кончается. Эта пара — как конь и третяная пань.

Девичья часть команды состояла из техников Степанова отдела — Зои Ладжикиной, Людэ Воиновой и Тани Полторацкой. Зоя — это Доймовочка, Суок, Мальвина с голубыми волосами. Правда, волосы у нее золотые, но зато голубые глаза и голубой бантик и ямочки на щеках — даже страшно, вдруг растает она, и кончится сказка. Людэ Воинова, в соответствии с фамилией, девица резкая и воинственная, ей бы в гусарах служить. Любимое выражение: «Ты чо, паряй!». Тania Полторацкая, большая и плавная, как лебедь, барышня-крестьянка с княжеским грациозным и грациозной лентой. Был еще и девятый — архитектор и поэт Андрей Андреевич Вознесенский под кланомом моего рокажа.

Коля Михайлов подготовил все наилучшим образом: в двух будках на загравке Лосенки, где еще остался нетронутый лесок, сверкали белозной простыней десять кроватей, стояли печки, были заготовлены дрова. Все бы хорошо, но в одной из будок не было стекла в окне, а за окном минус сорок девять. И это было первым испытанием.

После семи часов пути в застывшем автобусе мы выгрузились у Ангари, на остров перешли пешком деревянными ногами, потому что по технике безопасности нельзя ехать в автобусе по льду. В голубых сумерках ждал нас оцененный отхода Лосенок, мороз котлями вцепился в щеки, и не было от него спасения.

— Может, отвези вас в поселок? — засомневался Михайлов.

И комендантша ждала, припльсывая, когда кончится эта блажь и можно будет забрать казенное белье.

— Нет, мы остаемся, спокойной ночи.

Коля улыбнулся и увез расстроненную комендантшу, а мы, будто по сигналу боевой тревоги, кинулись в атаку на безжизненность нашего приюта. Собрали кровати в одну будку, поставив их в два этажа, убрали белые простыни, достали спальные мешки. Ивахин зазвенел топором, Димыч с Быстрицким раскопчегарили печь, девочки сообразили чай. И когда глубокая и тихая ночь накрыла наш остров, мы уже сбросили шубы, иней отступил в углы, из открытой печки выпрыгивали облески огня и плясали джигу в Зоиных волосах, Быстрицкий пытал над горячим чаем — пришла жизнь на Лосенюк!

Мы перелегались со Степаном и вышли в ночь. Луна разливалась синими тенями голубой снег, вспыхивали хрусталики снежинок под нашим желтым окном. Адмиральским флагом поднимал над Лосенюком дым из трубы. Хорошо было так, что даже Вознесенский поддал голос:

Как стада лосняные,
Спят
стога.
Полыхает Россия,
Голуба и строга.

— Подходяще, — сказал Степан и бросил себе в лицо пригоршню колочего снега.

7 февраля. Первый день на Лосенке — активированный! Мороз минус сорок шесть, по реке тянет ве-

¹ Активированный — при температуре воздуха — 44° С составляется акт о прекращении работ на воздухе.

тер, над прораном висит куском ваты плотный туман. Эскаваторы стоят, машины стоят, отсыпки нет, а мы приступили к работе. Прослушали инструктаж по технике безопасности, обошли все посты, принесли из СМУ инструменты. Кошовой с Быстрицким так тщательно проверяли niveлиры, что обморозили носы. Начали разбивать промерной створ у кромки майны — это самая интересная часть наблюдений. Хочется измерить толщину льда на самой кромке, прямо у бурлящей воды, но страшно к ней подходить. Случается безысходность в том случае, если сломается лед под ногами и затает черный, дымящийся омут. На всякий случай бурили лунки на кромке, привязавшись страховочным концом. Работали до темноты, а сделали всего шесть лунок на троих. Обнаружив, что лед толстый, сбросили веревки и стали запросто ходить по кромке, а Зюечка по самому краешку норовит поковырять. Пришлось не лезь.

К вечеру собрались в остывшей будке замерзшие, с гудящими от усталости ногами. Лед в чайнике, сосульки над печкой.

— Дежурить надо, топить надо, — сказал Степан, — не глянется мне такая жизнь.

Растопили печь и, когда стало тепло, обложили ее валенками, рукавицами, унтами. Пришел монтер, сделал свет, и совсем стало хорошо, можно было и с бумагами поработать, записать все первые отсчеты. Кошовой с Быстрицким, развернув планы, как великие полководцы, обсуждали стратегию реперов¹, отметок и расстояний. Геннадий Ивахин повозился с гитарой, запустил демонический взгляд в темный угол, где грустила Татьяна в необъятной черной шубе, и зашел тихо:

Капризная, упрямая,
Вы сотнаны из роз...

— Ты чо, паря! Тут лед из носу не выковыришь, а он — розы! — нарушила интим Люда Войнова.

По вопросу льда я предоставил слово Андрею Андреевичу:

Первый лед. Это в первый раз.
Первый лед телефонных фраз.
Мерзлый лед на щеках блестящий —
Первый лед от людских обид.
Поскользньесь...

Девушки насторожились.

— Вознесенский, — выдохнула Татьяна. — Ой, почтите!

Нашим девочкам, сбившим за день ноги о бесконечное ледовое царство, вдруг пронзительно жалко стало ту, московскую, из автомата.

— Мужики проклятые, — сказала Люда и добавила снисходительно: — кроме Степан Михальча.

8 февраля. Быстрицкий не спал всю ночь, топил печь, глотал какие-то таблетки, давил в себе кашель. Но нам было тепло, и все хорошо выспались, даже повывозили из мешков. Мороз отпустил: ночью было сорок два, а днем стало тридцать семь. К десяти утра на банкетке возобновилась отсыпка.

И в нашем тереме установился режим. Первым встает дежурный, затопливает печь, готовит завтрак, играет «подъем». Мы со Степаном вместо зарядки рубим дрова, а потом по пояс обмахиваемся девственным снегом. За пол с Людой выпархиваем в сугроб в спортивных костюмчиках, уминаясь снегом, и на щеки им выплывает яблочный румянец. У Зои в волосах задрисото цветет голубой бантик, порхает, как

бабочка на майской лужайке. Татьяна просыпается не торопясь и первым делом достает из-под подушки черный карандаш с зеркальцем. После этого сбрасывает шубу, величественно встает и скользит прекрасными глазами по столу: есть ли сгущенка!

Быстрицкий с Димичем чашинуют и кончают день бесконечным спорами об откатках реперов: какие считать правильными — по Гидропроектору или по Братскэстрою.

После завтрака разбираем подсохшие «кочености» — так Дубровин называет обувь и рукавицы, — рейки, пешни, ледобуры, полпавки и идем по своим маршрутам. Степан с Зоей или Людой обходит все водосты — столько раз, сколько успевают до темноты. Обойти два раза — значит сделать двадцать километров по торосам и со снегу, продолбить пешней двадцать четыре лунки. Мы с Ивахиным и Полторацкой измеряем толщину льда — это в среднем тридцать метров бурения. В конце дня ажукаем с Кошевым у прорана, измеряя перепад на банкетке и скорость течения.

Во второй день мы выполнили всю программу за светло. Когда зажиглись фары самосвалов и вспыхнул прожектор на Лосёнке, мы вернулись в свою будку, где дежурная Белоснежка приготовила тепло и ужин. До чего же хорошо в тепле, под треск поленьев, подставить в формулы добытые за день цифры и полюбоваться взлетами графиков. Но не успели мы со Степаном все посчитать, как вокруг нас возникли два громких противоборства: Кошовой — Быстрицкий и Вознесенский — Ивахин. Каждый из геодезистов выполнил обработку niveлировок в своих отметках, и никто не хотел переделывать. Ивахин потихоньку брэнчал на гитаре и мурлыкал что-то сладкое, а Татьяна морщилась, как от зубной боли, потом протонала из своего темного угла:

— Алексей Николаевич, почтайте Вознесенского!

— Татьяна, поминишь дни золотиет... — стал отвечать ее Ивахин от ненавистного поэта.

— Ну, почтайте...

— Не надо, не надо, не надо, — излагал свои цыганские аргументы Геннадий.

Моя цейсовская линейка начала делать ошибки в формулах.

Если парни говорят о деле,
Им не следует мешать...

— пытаюсь урезонить я Татьяну цитатой из Адды Якушевой.

— А что он действует на нервы своей гитарой!

Две гитары под окном
Жалобно заняли...

— выдал Ивахин.

— Фу! — взвизгнула Татьяна и расхохоталась.

Тогда я громко, трагическим голосом произнес Вознесенского:

...и огненной наступрий
Робей и наглая,
Гитара как натурщица
Лезла на колених...

Все затихли. Ивахин даже рот раскрыл — образ был ему понятен.

— Девки, спнати! — скомандовал Степан. — Вы нам здоровье спнати!

Я убрал Андрея Андреевича в рюкзаки и еще раз посмотрел перед сном все бумажки. За день продвинулись на три метра, снос камня сорок четыре процента. Лед в порядке, а дело плохо. Медленно идет перекрытие.

¹ Реперы — геодезические знаки.

9 февраля. Наш домик стал информационно-вычислительным центром. Даже вывеска висит «ВЦ Лосенок» и синяя голова сохатого.

У гидрологов Ангарской экспедиции мы берем только величину расхода. Все остальные оперативные данные — уровни, скорости, перепады, продвижение банкета за сутки, удельную мощность потока — считаем и выдаем сами.

Посетили нас гидрологи Шнычков и Московских, помогли советами, даже обещали дать ледобур с редуктором. Над нашим они посмеялись, потому что с ним работать приходится втроем: двое жмут, один крутит.

10 февраля. Мороз стоит около сорока, а на реке потоп. Лед выплынуло у берегов, открылись новые трещины, все забереги вместе с нашими постами подтоплены, дорога от Лосенка в поселок отрезана. Уж не перекрыли ли за ночь? Глянул с острова — проран на месте, а строители лихорадочно поднимают отсыпку в низких местах: тут уж не до перекрытия — спасти бы уже отсыпанную часть.

Что же это такое творится? Почему Братская ГЭС топтит свою будущую сестру? Наоборот, помочь бы надо, уменьшить расход, ведь Братск может управлять Ангарой! Только позме мы узнали, что Братская ГЭС в эти дни приняла на свои плечи огромную нагрузку и выручила энергосистему, у которой в жестокие морозы не хватило топлива на тепловых станциях. И зря мы тогда произносили про нее обидные слова.

Большой расход наделал нам много бед. Провалился в воду и заболел Ивахин. Правда, свою болезнь он совместил с дежурством, но теперь в качестве привода нашей буровой техники остались мы с Татьяной вдвоем. Старые лунки залило водой, бурим новые, а из них тоже вода выпрыгивает на полметра, ноги вмерзают намертво. Пробуришь лунку, потом приходится вырубать унты. Работаем мы с Татьяной, сбросив шубы, и все равно жарко.

Но труднее всего пришлось Степану с девочками. Все десять километров маршрута между постами в воде. Старые тропки затоплены, поэтому пришлось идти по снегу, по торосам. Но свежие выходы воды под снегом не видны; промокли сразу, потом валенки обмерзли и стали ледяными. Степан как мог берег девочек — сам шел по воде к постам, вырубал рейки, восстанавливал и проверял отметки, кричал отсчет. Несколько раз прогоняя их домой, но они так и не ушли, пока не обошли все посты. А Степан приморозил к валенкам большие ледышки и топал в них, как на ходулях, прямо по воде. Две пешки утопил, пока догадался привязывать их веревкой к руке.

Прокашливал по Ангаре небывалый по зиме расход — почти четыре тысячи кубометров в секунду. Что будет с нашими наблюдениями, что будет с перекрытием? Не заболели ли ребята?

Я отправил Татьяну сушиться, а она взяла рюкзаки и ушла вместо больного Ивахина за хлебом и за продуктами в поселок — в темноте, по запитой дороге, через торосы и забереги.

Вечером тихо было в нашем домике. Даже Дима с Быстрицким не спорили, мирно мазали гусиным жиром из одной баночки обмороженные носы и щеки. Мы хоть двигаемся, а они все в железную трубу смотрят.

Поздно вечером вернулась Татьяна, грохнула на пол тяжелый рюкзак. Только Зюечка, все так же порхая под голубым банником, разбросала продукты, пригостила ужином.

Зашли Коля Михайлов и Володя Фрейдман.

— Как вы тут, живы?

— Мы-то живы, а перекрытие захлебнулось!

— Братск уже сбросил расход, завтра будет легче.

— Надо больше сыпать за Лосенка — здесь крупнейе камни.

— Это сделаем, — отмахнулся Коля. — Чем вам помочь?

— Выпить бы... — мечтательно протянул Ивахин.

— Перекрывайте быстрее, — сказал Степан, — вот и помогите.

На том и порешили.

11 февраля. Никто не заболел, даже Ивахин встал. Расход воды упал, и отсыпка пошла хорошо: если вчера за сутки отсыпали только три метра, то сегодня уже десять. Осталось меньше сорока метров прорана.

Дежурила Зоя и сварила щи, каких свет не видел.

12 февраля. В Усть-Илим приехали Наймушин и секретарь Иркутского обкома партии Щетинин. Постояли, посмотрели на проран, на отсыпку. Иван Иванович хитро прищурился, глянул на начальника стройки Герасименко.

— Что ты тянешь, Василь Саныч? Мы такую работу в Братске за семь часов сделали, помнишь?

— Помню, конечно. Но там фронтальная отсыпка была, интенсивность больше.

— А тебе кто мешает?

— Лед тонкий, Иван Иванович.

— А может, кишка тонка?

Нахмурился Герасименко, другому и не простил бы такой шуточки, но от Наймушина стерпел.

— Завтра кончим.

— Вот, вот, давай кончай, а то у нас с Семеном Николаичем времени мало, — и незаметно подмигнул Щетинину, — завтра уедем.

Следом за «Волгой» Наймушина в Усть-Илим пришли двадцать КРАЗов и сразу встали под экскаваторы, пошли в бой.

13 февраля. Всею ночь съездом со мной слышали, как ревели КРАЗы, разгнал кошом «Уралец» на Лосенке. Видно, разлагали Герасименко не на шутку.

С утра потонула на лед разный народ, повалили туристы из Братска. К нам в гости приехал весь отдел техинспекции Братскгэстроз, все сразу кинулись помогать. Особенно довольны были наши геодезисты, у которых всегда трудности с ревенчиками, а тут объявлялась целая очередь энтузиастов.

Мы разбурили последние лунки на кроме льда, прямо против уже готового к капитализации прорана, разогнули спины и посмотрели с Ивахиным друг на друга выразительным взглядом.

— Вас понял, — сказал Геннадий Николаевич и утопал стремительно в неизвестном для Татьяны направлении.

Было темно, когда два бульдозера с разных торцов банкета уперлись друг в друга ножами.

Все, конец.

Как-то незаметно и наша семерка собралась на кроме льда, в которой уже не было течения и вода мутнела, на глазах схватываясь льдом. Стояли мы, опираясь на рейки, треноги, ледобуры и пешки, было почему-то грустно немного.

...Все выгорело начисто.

Вздыхающих полно.

Все — кончен!

— «Все — начато», — звонко подхватила Полторацкая. — «Айда в кино!»

Ввалились гурьбой в свой дом и замерли. Длинный стол пересекал его от края и до края. В середи-

не стоял гигантский серебристый еж — из таза, заполненного снегом и льдом, торчали бутылки шампанского, в страшном количестве, а кругом оранжевые россыпи апельсинов, сияние консервных банок и звонкий граненый блеск стаканов. А по потолку и по стенам — лозунги во здравие экипажа «ВЦ Лосенок».

Тут не выдержали мы и равкнули «ура» нашим коллегам из Братска и Геннадию Ивахину, выпившему спецдадено.

Только расположились — дверь нарасташку, и в клубках пара появляются Коля Михайлов и Володя Фрейдман.

Казалось, все и втиснуться некуда, однако разместились все, и грохнул залп шампанского.

А потом снова распахнулись двери, и в морозном тумане из непроглядной ночи возник лично начальник строительства Василий Александрович Герасименко с сопровождающими лицами... и снова все разместились.

Вздрыгнул наш тихий Лосенок от ликого веселья и пошел разрезать носом штормовые волны победы. **14 февраля.** Утром мы взяли последний отчет. Пока ребята укладывали рюкзаки, я нанес на графики последнюю точку. Метод расчета, предложенный десять лет тому назад, оказался правильным — вот это радость!

До свидания, добрый Лосенок, обреченный остров!

Все — конечно!
Айда на дно! Все — начато!

Связь времен

Башня Братского острога, срубленная казаками триста лет назад, смотрит из глубин явко на белые паруса яхт, на длинные цепи вагонов по гребню плотины, слушает рев взлетающих реактивных самолетов. Может быть, слышитши ей сильный голос воеводы Пашкова: «И в Братской, государь, острог из волыных и гулящих людей в пашенные крестьяне... селить некоево... охочих нети».

Живописные группы заморских визитеров с изумлением смотрят на черную башню, а гид Александр Гуревич подогревает интерес:

— Господа, это не просто исторический памятник, это лучшая реклама ангарской сосне — этому дереву триста лет!

В голодном мае 1920 года на комиссии ГОЭЛРО инженер Вельнер с горечью заметил: «Говорить в настоящее время о приступе к использованию водных сил Ангары... не приходится...» Но уже тогда экспедиция изыскателей Малышева шла по рекам Восточной Сибири. В это же время британский премьер Ллойд Джордж посматривал на нашу страну, как на рождественский аппетитный пудинг, никак не предполагая, что его внуку придется отвечать в Братске на наши вопросы и рассматривать в краеведческом музее фотографии советских работников, расстрелянных англичанами в Мурманске. Студент Кембриджа Ллойд Джордж был худ, лохмат и одет в заплатанные джинсы. Он пел песни Пита Сигера и никак не походил на колонизатора. Впрочем, седовласые инженеры Братскгэстрова Пыткович и Овеча тоже не похожи на лихих рубаки, но первый кончил Кремлевскую пулеметную школу, а второй служил в Первой конной Буденного. Им спасибо за то, что юный лорд приехал к нам таким милым студентом.

Главный маркшейдер Братскгэстрова Андрей Степанович Зенцов любил поговорить. Многие отмахивались от его длинных рассказов, а я слушал терпеливо и теперь не жалею об этом, потому что нет уже на свете одного из самых лучших геодезистов советского гидростроительства.

— Вы знаете, — говорил он, заходя к нам в инспекцию, — я вспоминаю техинспекцию Днепрогэстрова и должен вам сказать, что отношение к ней было другое. Трепет был. А возглавлял инспекцию американский консультант полковник Купер. Тот тотальный человек в большой кепке-«каэдроме» имел на стройке большой авторитет. На совещаниях он высказывался таким образом: «Как показывает опыт построенных мною десяти гидроэлектростанций...» Ни начальник Днепрогэстрова Винтер, ни главный инженер Веденев, ни автор проекта профессор Александров не могли сказать такого. Десять куперовских долговязых парней сидели в самой лучшей комнате управления строительством и, разложив ноги по столам, ждали вызова. Принимали нескоро, придирались, но качество было... — Андрей Степанович поднимал к небу глаза. — Полковник Купер считал в начале строительства, что нам своими силами с Днепрогэстом не справиться. Когда строители установили мировой рекорд укладки бетона — пять тысяч кубометров в сутки, Купер поверил в чудо. А в тридцать втором на митинге он стоял рядом с Калининным и Орджоникидзе. Все удивились, когда он начал свою речь: «Мне сегодня снился сон. Приснился, что я умею говорить по-русски. Мне бы сейчас очень этого хотелось, потому что в английском языке нет слов, чтобы выразить восхищение вашим трудом».

Жаль, что не удалось мне увидеть в Америке полковника Купера. В Вашингтоне я расспрашивал о нем доктора Мермелла, председателя комиссии по регистру американских плотин.

— Я знаю, что он жив. Но отошел от дел. За работу на Днепрогэсте он был награжден советским орденом, всегда гордился этим, но не всегда это шло ему на пользу, — улыбнулся мистер Мермелл.

Мы шагали по тихим улицам Вашингтона, заспанным осенними кленовыми листьями, а у меня в глазах плясали кадры старой кинохроники, где босые ноги утапывают бетон Днепрогэста.

Бетон получился прочным. Немцы рвали его так, чтобы не было и мысли о восстановлении, но большевистский бетон сопротивлялся по своим законам.

...Совсем недалеко было от войны и до Братска.

Когда мне трудно было на комбинате «Братскгэст-лезобетон», я заходил в кабинет напротив, к управляющему Александру Степановичу Южакову.

— Ничо, Алексей, жизнь есть жизнь, — говорил «папа Южаков», потирая болную руку. А потом без всякой связи с моими тревогами о плане реализации вдруг вспоминал: — Семь ранений все-таки. Одиннадцать штыковых атак.

У меня сначала не укладывалось это в голову. Как же так: залопит, а потом командир дивизии — и вруклопануто?

— Все было, — улыбался Южаков, — и видишь, жив. А ты говоришь — план реализации. Переживем.

Но меня уже сжигало любопытство.

— Александр Степанович, а как оно, в штыки-то? — Ты знаешь, не помню ничего. Бежишь, кричишь... неприятель стреляет в упор... плечо мне прострелил. Я его на штык. Потом, когда стихло, отошел в сторонку, сел на пень и заплакал.

Южиков смеется, потому что видит тупые мои глаза, — я никак не могу представить себе этот пенек и огромную фигуру подполковника в каске, с трехлинейкой — и со слезами на глазах.

У Александра Степановича есть торжественный черный пиджак, как чешуя, покрытый орденами и медалями. Есть там орден Ленина и за двенадцатую «штыковую» атаку. Южиков командовал строительством ЛЭП-220 Иркутск — Братск. Линия в 660 километров длинной через глухую тайгу, болота, мошару и морозы шла со скоростью один километр в сутки.

А бывший лейтенант Красной Армии Степан Бакалов воевал по-другому. В канализационных колодцах Бухенвальда он испытывал оружие для восстановления. Собранные им из немисливых деталей pistols оживали от его ненависти, рвали миллионами злоновую темноту, а потом ждали своего последнего боя. Накопленную за четыре года злость выплеснул Степан в том бою, и это оружие было погашено самодельными pistols... Не многие знают в Братске, откуда у заместителя начальника строительства Братского алюминиевого завода Степана Михайловича Бакалова медаль ГДР «Борец против фашизма 1933—1945 гг.».

Заместитель Наймушина по снабжению Владимир Михайлович Янин командовал в войну артиллерией стрелкового полка, дважды был тяжело ранен и один раз контужен. Когда его полк, отрадивавшись уже победу на Эльбе, спал хмельным сном победителей, Янин услышал далекий пязг тусклых и шум моторов. Он выглянул в серый майский рассвет и обомлел. По узкой улочке, прямо на расположение его батареи, шла колонна танков и бронетранспортеров с белыми молниями на бортах. В откинутых люках торчали черные фигуры эссовцев.

Вдвоем с ординарцем, полуодетые, они все-таки успели развернуть ближею к улице пушку и в упор, прямой наводкой, расстреляли колонну, и первые побитые машины блескновали ее в сунутое бою на тесной улице. А через два часа командир построил полк в каре, в центре которого стояли у покоренной пушки майор Янин со своим ординарцем, закованные порохом и одетые не по уставу.

— Спасибо, Янин. От всех спасибо, — сказал командир полка и расцеловал их обоих.

Даже многим нашим братским друзьям, почти сверстникам, пришлось повоевать. Секретарь комитета комсомола Братскгэсстроя Женья Верещакин летал на бомбардировщиках стрелком-радистом. Взял Герасименко в семнадцать лет взвалил на плечи противотанковое оружие. Он и работать в Братск приехал в шинели.

С такими людьми можно было идти на любые трудности. И мы рядом с ними не могли работать плохо.

Идет время. Теперь уже мой сын, студент МИСИ, дежурит на вечерних московских улицах в дружные команды Паша Комарова. А в Усть-Илиме окончил десятый класс паренек со светлой улыбочкой — Паша Комаров. Он родился в том самом 1959 году, и родители-однокурсники назвали своего сына именем погибшего товарища.

А я, когда приезжаю, прихожу к плотине потрогать бетон. Закрою глаза и снова вижу котлован, слышу треск перфораторов и слышу крики, дышащие от шумевших сражений. Память вызывает тех, кого уже нет. Иван Наймушин, Григорий Нисемелов, Владимир Янин, Неделен Кузьмичев, Борис Гайнулин, Игорь Аштолпис, Григорий Трахтенберг, Борис Поспелов, Геннадий Борисов, Александр Бухреев, Григорий Косточенко...

Хорошо, что приезжают сюда белокрылые свадыбы и десятиклассники встречают рассвет.

...Далеко за Падунским сунением уже гудят пять могучих генераторов Усть-Илимской ГЭС, а в середине таежной дороги Братск — Усть-Илим появился указатель «Богучаны».

И снится мне город...

«Если хочешь сильнее полюбить свою Родину — съезди за границу», — сказал мне однажды Арон Маркович Гиндин, возвращаясь из Италии. В правоте его афоризма я убедился еще раз в августе 1975 года на советско-американском симпозиуме по строительству гидротехнических сооружений в суровом климате. Этот суровый климат бушевал в наших докладах и протоколах, а мы изнывали от жары в городе Висксбурге, штат Миссисипи. Наши мозги, расплавленные южным солнцем и перевёрнутые часовыми поясами, работали вяло и никак не могли усмотреть никакие ледовых проблем в теплой зеленоватой воде реки Миссисипи.

Наш хозяин — добрейший мистер Браун — смущенно улыбался и разводит руками, как бы извиняясь за неприличное солнце, которое шпарило совсем не по теме симпозиума. Впрочем, у Фреда Брауна, Дина Фрайтага и Джона Гроскласа была еще одна причина для смущения. Осенью 1974 года на строительстве Усть-Илимской ГЭС они выразили свои серьезные сомнения в возможности пуска первых агрегатов в декабре 1974 года. Агрегаты Усть-Илимской ГЭС, как известно, были пущены, о чем шеф нашей делегации Геннадий Федорович Масласский любезно известил американцев в новогородней поздравительной телеграмме.

А мне не давала покоя в этой поездке тень полковника Купера с далекого Днепрогэса, потому что рядом с нами в машине с надписью «Армия Соединенных Штатов» на борту сидели полковники Хилт и Стиллэн в полной форме, с орденскими планками на груди и с золотыми значками крепостной башни в петлицах — символом Корпуса военных инженеров Армии США. Полковник Купер тоже был из Корпуса военных инженеров и сначала тоже сомневался в том, что Советы построят Днепрогэс. Надо заметить при этом, что полковники эти — прекрасные, опытные инженеры, а Корпус в 1975 году отметил свое двухсотлетие. И тем не менее прогнозы Купера и Брауна в советских условиях дали осечки.

Полковники Корпуса военных инженеров — это хорошие военные. Они проектируют и строят плотины и гидростанции, укрепляют берега рек, сдерживают разрушительные наводнения, охраняют природу, заживают раны, нанесенные ей жестокой цивилизацией. Интересно, знают ли эти полковники об истории наших отношений?

За каким-то обедом я попросил слова и произнес слит:

— Сорок пять лет тому назад полковник Купер любил говорить на советских совещаниях: «Как показывает опыт построенных мною десяти гидростанций...» Наши инженеры не могли начинать свои высказывания тогда столь пышно, потому что за плечами у них была одна только Волховская станция. Теперь мы можем на равных разговаривать с вами, полковник Хилт и полковник Стиллэн, потому что мы имеем больший опыт строительства в суровом климате.

Полковники улыбаются и соглашались, а я чувствовал себя в этот миг не столько главным инженером

Усть-Илимской ГЭС, сколько Винтером и Александровым, маршдером Зенцовым и бурильщиком Переточинным. Это был славный обед. После этого стало легче, призрак Купера покинул меня, исчезла изнуряющая жара, потому что крылья компании «Юнайтед» перенесли нас на Аляску.

Американская Сибирь сотрется от человеческого прибора. Цены в два раза выше, чем в среднем по стране, мест в гостиницах нет, самолеты забиты битком борющимися людьми с рюкзаками и хищным блеском в глазах. Их манит запах нефти, разлитый по северному побережью Аляски. Коварная вечная мерзлота, морозы, бездорожные тундры, бешеные реки и крошечная мошка встретили здесь привыкших к комфорту американцев. Конечно, эти предупреждения не остановят, как не остановили они нас в свое время. Но для того, чтобы освоить Север с меньшими потерями для людей и природы, надо знать весь опыт работы человека за Полярным кругом. У нас там 47 процентов площади страны, у американцев — 17. Мы построили Хантайскую, Виллюскую ГЭС, гидроузлы на реках Ирелях и Пелех, строим Колымскую и Курейскую гидроэлектростанции. У американцев только две небольшие плотины на Аляске и сейчас строится противопаводковая дамба на реке Чине для защиты Фэрбенкса от затоплений. Мы посмотрели эту дамбу, осмотрели кусок трассы нефтепровода от залива Прудко, а потом маленькая турбоинтовальная «Чесна» вознесла нас над рекой Суитной, где на Дьявольском каньоне проектируется строительство двух крупных ГЭС. Доктор Терри Макфадден разворачивал самолет над торами будущих плотин и говорил, что до начала их строительства еще далеко. Мне кажется, Терри ошибается. Бородатый народ с лихорадочным блеском в глазах так энергично прет в эти края, что Корпусу придется очень быстро поворачиваться здесь со своими плотинами.

Подлетая к посадочной полосе Фэрбенкса, наш пилот буквально проридрался сквозь стаи и шеллоны частных самолетов, цепляясь за непрерывную нить переговоров с кдп. Самолеты кружили внизу, как стая ос, а один вынырнул прямо из-под наших шасси, так что вздрогнул даже выдавший виды «чиф» Масловский, бывший военный летчик.

Американцы хорошо понимают серьезность северных проблем. В Ганновере, штат Нью-Гемпшир, нам показывали лабораторию холодных районов Корпуса военных инженеров. КРРЕЛ — эта небольшая с виду лаборатория — делает крупные дела. Она проткнула своими буровыми станками ледовые шапки Арктики и Антарктиды на глубину до двух с половиной километров, следит через спутник за ледовой обстановкой на северных реках и морских путях, вооружает своими приборами спутники «Викинг», посланные на Марс. В больших холодных комнатах она создает мороз минус сорок семь, замораживает поле в бассейне и крушит его моделями сооружений, изучая воздействие льда. В библиотеке мне показали микрофильм моей книги о зимних перекрытиях рек. Жаль, что этого не видели девочки с ВЦ на острове Лосенок. Это они на морозной торосистой Ангаре добывали графины, которые теперь с интересом изучает главный ученый КРРЕЛ доктор Ассур.

В этой лаборатории нам предстояло юридически оформить взаимный интерес протоколом о темах дальнейшего сотрудничества. Целый день специалисты-переводчики преодолевали языковые и дипломатические барьеры. От тонкостей терминологии первым устал полковник Кроссби — «командер» лаборатории КРРЕЛ.

— Хватит болтать, давайте работать! — с прямолинейностью военного человека заявил он и расхохотался.

Наконец наступила церемония подписания протокола.

Под сенью флагов СССР и США мы усаживаемся за овальным столом. Лязгают, щелкают затворы фотоаппаратов. Масловский и Браун подписывают протокол, поздравляют друг друга. Дело сделано, наше сотрудничество отправляется в добрый путь, а мы — на Родину.

В Москве меня снова встретил Братск: в Историческом музее открылась выставка «Братск — город социалистический». Гид Иван Масленников, превратившийся за двадцать лет из румяного богатырского «пловца» в седого интеллигента, встретил нас с распростертыми объятиями.

— Иван, ну-ка расскажи нам что-нибудь о Братске, — смеясь, попросила его Наталья.

— Рассказу, если вы напишете о нем в книге отзывов, — отпарировал Иван.

Эта задача оказалась неожиданно трудной. Книга смотрела на меня чистым белым листом и ждала. А я не знал, что писать, хоть убей. Как можно разместить мир и дух Братска в двух тихих маленьких комнатах Исторического музея? И уж вовсе бесплодной была бы попытка изложить любовь к этому городу в одной фразе.

Я тупо смотрел на белый лист, а память высветила на нем какие-то отрывочные кадры: мы с Фрейдманом карабкаемся по правобережной скале, Мухомей на плоту пролетает в проран, Пашка лежит на осенних листьях, первый бетон на семидесятой секции. Выплывают какие-то свежие американские картинки. Многие мы там видели, но Братсков и Усть-Илимов там нет. Стоп! Это очень важно. Не могут на благодатной американской земле произрастать такие города.

«Братск — это одно из самых сильных доказательств превосходства нашего общественного строя», — написал я.

Пусть без лирики, но это самое главное.

Братск, Усть-Илим, Москва.
1956—1974 гг.

Маргарита Кириллова

Маргарита Кириллова
родилась в деревне Турбане
Спасского района
Горьковской области,
закончила Чувашский
Государственный
университет. Два года
была корреспондентом
районных газет.
Сейчас работает
в Горьковской областной
детской библиотеке.
Участница Бессознательного
фестиваля поэзии
в Ашхабаде.

Военкор

Его герой то летчик, то разведчик.
Сквозь дым десятилетий видно мне:
В ночи склонился над столом газетчик,
Чтоб люди знали правду о войне.
Снег за окном, как чистый лист бумаги.
В печи бессонно мечется огонь.
А он слагает гимн чужой отваге
И дышит на озябшую ладонь.
Придет рассвет, закончится работа,
Он упадет устало головой
На два своих исписанных блокнота,
Которые привез с передовой.

Зависть

Мне нравились загадки и шарлады,
Таинственные маски на лице.
Я говорила шепотом: «Так надо»,
Когда речь заходила об отце,
Я сочиняла об отце легенды,
И перед изумленной ребятней
Мелькали, словно кадры киноленты,
История, придуманные мной.
А вечером в печи дрова трещали.
И я молчала, сидя у огня:
Моих друзей опять ремнем стращали,
А в нашем доме не было ремня!

Бабка

Она взяла платок в кистях.
Уселась на сундуку.
Ах, не открыл бы при гостях
Корявых черных рук.
Ножей и пожек перестук.
Сапаты, чай, пироги...
Никто не видел добрых рук,
Закутанных в платок.

Парус на ветру

Сушилась простыня. Металась
И раздувалась поутру.
Ему, прозревшему, казалось,
Что это парус на ветру.
Но все ушло. Одиноким парус
Приплыл к небу в тумане дыря.
Ему, незрячему, казалось:
Сушилась где-то простыня.

Песня

Я удивляться не буду.
Каждому — знаю — свое.
Мать, громящая посуду,
Старую песню поет.

И под свинцом и под выюгой
Песня осталась жива.
Мы умолкаем с подругой,
Слушая эти слова.

Нам их для будущих дочек
Вдруг захотелось сберечь:
«Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч...»

Тони

Помню я, как в Ростове, в отеле
Года два или три тому назад
Тихо, дождик слушая, сидели
Несколько ровесников-ребят.
«Вы студенты!... Дождь стучал по крыше.
Капли по стеклу текли, скользя.
Он сказал, вздыхая, что в Париже
Учатся богатые друзья.
Только дождик свел нас не напрасно.
С гордостью тогда он произнес:
«Мой отец, представьте, тоже красивый.
Я из Чили. Я простой матрос».
И под дождь, серебряный и странный,
Каждый открывал далекий мир.
С моряком в неведомые страны
Уплывал наш русский сувенир.
На Балтийском море — волны, волны.
А над морем — флаги разных стран.
Мне в ответ чилийский парень Тони
Подарил на память талисман.
Я совсем не верила в приметы.
Приняла подарок просто так.
Маленькая желтая монета,
Дружбы и признательности знак...
...Рано утром радио включили
В снегом припорошенной избе.
Я сегодня думаю о Чили,
Думаю сегодня о тебе.
Где ты, Тони! Как живешь, Тони!
Я хочу верить, что ты жив!
У меня монета на ладони
Угольком негаснущим лежит!

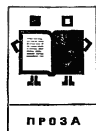

Сергей ОВСЯННИКОВ

Ему 24 года.
Родился в селе Богдановна,
Оренбургской области.
Учился сначала в селе Мустаево,
затем в Хабаровском ПТУ.
Работал токарем на заводе,
служил в армии.
В 1975 году окончил Институт
культуры в Ленинграде.
Сейчас работает режиссером
Челябинского областного театра.

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ
И. КАМЕНЕВА.

1. ЗВЕЗДЫ

Маленький Олег вместе с мамой впервые поехал в деревню к дедушке и бабушке. Все было так ново и необычно: и долгие сборы, и дорога в поезде, и дедушка, встретивший их на станции.

Дедушка Олегу сразу же понравился — такой большой-пребольшой, лицо черное, а волосы и борода белые — ну толь-а-точь Дед-Мороз, что приносит подарки. Долго усаживались в сани, долго ехали в деревню по белым полям — снега вокруг было так много, что его, наверное, не успевали убирать, как в городе, и он лежал застывшими волнами, на которых покачивались сани, и Олег незаметно вздремнул и проснулся, когда уже въезжали в деревню, словно выбеленную снегом. Около крайней избы встретилось несколько собак. Дед молодецки присвистнул, стегнул коня и выстрелил кнутом:

— Здорово, ребята!

Сани рванули вперед, а «ребята» сорвались с места за ними, да так вот с лаем, свистом и гиканьем подбежали к низенькой избе. Дед лихо развернулся к крыльцу:

— Мать! Встречай гостей!

На крыльце появилась бабушка в коротких валенках, заторопилась, затормошила маму и Олега, завела в дом, стала раздевать, ставить на стол посуду и все охала и не могла наговориться.

После обеда бабушка с мамой сели на диванчике, а Олег позвал дедушку:

— Деда, пойдем гулять.

— Пойдем.

Оделись и пошли по селу. Вначале осмотрели ферму, где Олег в первый раз увидел корову, да не одну, а много, и спрятался от испуга за дедушку. Но дедушка сказал, что коровы едят только непослушных мальчиков и девочек, и Олег успокоился, вспомнив, что сегодня все время слушался маму. Потом у реки смотрели, как выбежали из конюшни задорные лохматые кони и стали пить воду из проруби. Они осторожно дотрагивались губами до воды, фыркали и трясли головами. А когда Олег спросил, почему они так делают, дедушка сказал, что вода, наверное, горячая, и Олег, вспомнив, как сам недавно обжегся чаем, пожалел бедных коней.

Потом пошли к видневшейся издали трубе кочегарки. Труба была притянута к земле длинными проволочками, и дедушка объяснил, что раньше здесь стояла кузница, где он работал, и что от сильного огня труба может улететь, как ракета, если ее не удерживать. За кочегаркой Олег увидел вдруг огромную яму, покрытую свежим снегом, и дернул дедушку:

— Деда, а это от чего яма?

— Это! — Дед долго набивал трубочку, щурился от блистающих снегом краев ямы. — Да от звезд!

— Каких звезд?

— Каких! А вот что ночью видны.

Олег осторожно поглядел вниз, на самое дно, но, кроме гладкого снега, ничего там не увидел.

— Деда, а сколько звезд упало?

— Сначала, значит, одна, а потом еще одна, да еще...

— Так они же маленькие!

— Это они маленькие рождаются наверху, а потом, когда падают, уже большие.

Медленно пошли домой.

Мама уложила Олега на диванчик, а сама с бабушкой пошла по знакомым. Олег, прикрыв глаза, видел, как дедушка, покашливая, прилег на кровать и начал листать газету.

— Т-э-э-х, чего они тут опят наторили...

— Деда,— тихо позвал Олег,— а ты видел звезды эти?

— Я-то? — Дед отложил газету.— Видел...

— А давно?

— Да как тебе сказать... Давно уже это было, а вроде и недавно. Я-то в то время молодой был, и-эх, какой молодой! — Дед закинул свои черные сморщенные ладони за голову.— Сил-то сколько было, господи! Куролесил как сумасшедший, такие коленикеры выкидывал, что спасу от меня в деревне ни мужикам, ни бабам не было. А однажды, когда лет побольше стало, иду около кузницы вечером — как вдруг звездочка-то и упала, другая, третья, да будто по сердцу все — и спадко и дух захватывает. В кузнице и стал работать...

— А звезды?

— Звезды? А звезд все больше и больше, ворота настежь открываешь, а и ночь светлой становится. Да что ночь — жизнь от них светлая...

— Деда, а что ж сейчас? Не светят больше звезды?

— Да как тебе сказать... — Дед глядел в окно, за которым уже спустилась темнота, вдруг рассерчал: — Хватит разговаривать, спи, а то мать придет, и тебе и мне задал.

Олег потянул одеяло:

— Деда...

— Тихо! Не мешай думать!

Дед накрылся газетой, вздохнул, свистнул и опять вздохнул и свистнул... А Олег, закатившись в одеяло, сидел на диване у окна и, глядя на темневший силуэт кочегарки со взметнувшейся трубой, думал о словах деда. Тягучая темнота заволокла село, и Олег уже клевал носом, как вдруг вздрогнул и отшатнулся от окна: кочегарка вдруг словно вспыхнула от красного зарева, и легкий гул ткнулся в стекла избы. Олег прилип к стеклу, всматриваясь в неожиданное чудо, и, вскочив, начал торопливо одеваться.

Побежал вон из избы на крыльцо, потом вернулся, затормошил деда:

— Деда, вставай, хватит думать! Деда!

Дед заворочался под газетой, выглянул:

— Ась? Чего?

— Вставай! Скорее! Звезды... там!

— Какие звезды?

— Да вставай! Увидишь! Скорее!

Дедушка вдруг заволновался, торопливо накинул тулуп, валенки, схватил шапку и поспешил вслед за Олегом.

Они бежали, старый и малый, спешили, словно хотели обогнать вдруг затормившийся стук сердца.

Издаലെка над ямой был виден столб зарева, а когда подбежали поближе, пахнуло угарным запахом.

На противоположном склоне, около кочегарки, видно было овальное красное пятно, над которым клубился дым, подхватывая падающие снежинки в веселый жаркий хоровод.

Олег, прижавшись к деду, широко раскрытыми глазами смотрел на пятно и видел в нем много красноватых мерцающих звезд. Они были так близко, так близко, что, наверное, можно было подойти и взять их в руки.

— Деда, звезды... звезды!!!

А дедушка улыбался, молча глядел на звезды. Свст кх играл на лице и словно сглаживал морщины, отражался блеском в его глазах.

— Звезды... они, родимые... — Голос дедушки дрогнул, он прижал к себе внука, кивнул на черные полосы, идущие вниз от пятна: — Плачут, вишь, звезды плачут...

Снег пошел сильнее, и звезды стали исчезать, темнеть и вот почти совсем скрылись за белым покрывалом, словно хотели уйти в глубину, все дальше и дальше от людских глаз. Олег забеспокоился:

— Деда, а они больше не вернутся?..

— Нет, Олехек, не вернутся...

— А почему?

Дед отошел от ямы медленно и горбившись, словно тяжёлы были снежинки, падавшие на его плечи.

— Почему?... Как же им вернуться? Засыпают их: в яму золу носят, раньше-то больше было... больше.

Молча дошли до дома. Дед весь вечер был молчалив, рано лег спать. А Олег тоже был озабочен, словно неясные еще мысли бродили в его голове, но заснул он сразу же и словно окунулся вдруг в светлую сказку. Будто бежит он по яркому зеленому лугу босиком, в одной рубашонке. На бегу задевает голубые колокольчики цветов, и они звенят так нежно-нежно, а сверху эхом отдается звон по-сильнее, и смотрит Олехка, а на большой-пребольшой горе сидит дедушка. Вот он потянулся вверх и достал руками две звезды, перекинул их поудобнее и ударил ими друг о друга — с перезвоном высклились искры из звезд и рассыпались по небу золотыми нитями, а дед засмеялся и еще ударил, и опять осветилось все вокруг, и тысячи светлячков на земле загли свои фонарики; ударил дедушка еще и еще, и зажиглись колокольчики блестящей росой и заиграли на все голоса, и радостно забилось сердце у Олехки, и ясное стало вокруг небо, а дедушка вдруг перестал стучать, словно звезды выпали у него из рук, и темно стало вокруг. Схватил Олехек одну маленькую искорку и побежал к дедушке наверх, задевая колокольчики, и бежал так быстро, что звон их превратился в торопливое брнчание...

Олег открыл глаза, увидел бабушку с будильником в руках. За завтраком поспешно съел все, даже мама удивилась, не заболел ли он. Олег молчал, серьезно глядел на деда, словно впереди его ждало большое дело. А после завтрака тихо выскользнул из дому. Стремглав пробежал до ямы и осторожно глянул вниз, где вчера видел звезды. Нашел большую щепку и опасливо спустился под откос.

Долго расчищал снег щепкой, но под снегом были одни лишь обгоревшие уголья.

Вылез из ямы и стал прохаживаться около кочегарки. Увидел вдруг бабку на краю ямы с ведром, полным золы:

— Стой, кто идет!

Бабка испуганно звякнула ведром.

— Фу, господи, напугал, озорил! Чего говоришь-то?

— Здесь нельзя золу сыпать!

— А куда ж тогда?

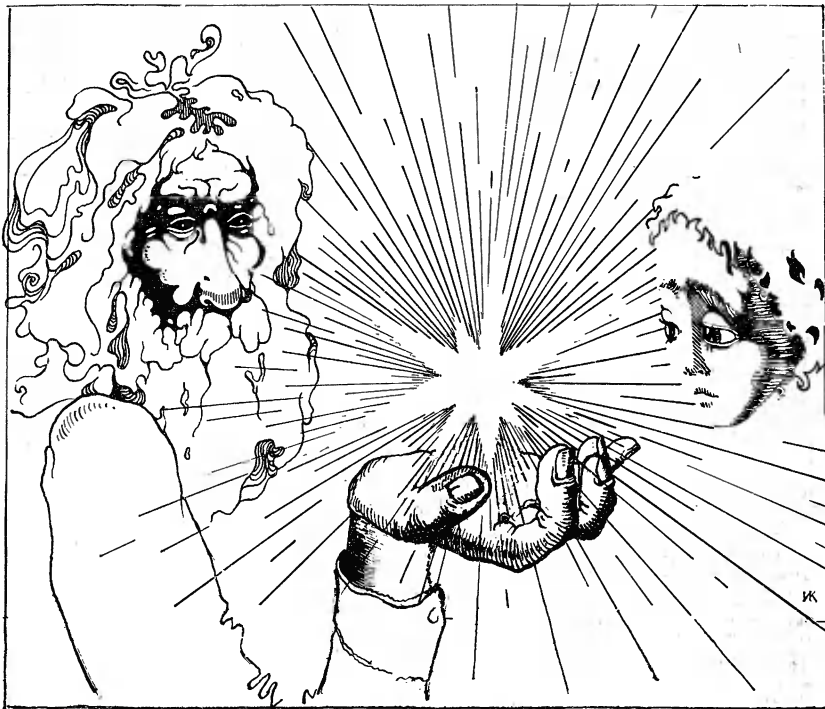
— А вон туда!

Олег махнул щепкой за яму, на пустырь. Бабка приложила ладошку к глазам, долго всматривалась.

— Далеко, сынок, иттить-то...

— Я помогу.

Олег взялся за дужку ведра, и они поволокли его на пустырь.

Бабка пошла обратно, долго бормотала:

— Игра, что ль, какая у них?

А Олег уже стоял перед парнишкой, который был выше его на голову. Тот поставил ведро с золой.

— Ну!

— Сюда нельзя сыпать.

— Почему?

— Нельзя. Секрет.

— Тебе секрет, а мне дела нет!

И пацан понес ведро к яме, но Олег уцепился за дужку и уперся ногами. Пацан остановился, дернул раз, другой, а потом отпустил ведро, и Олег упал на спину, вывалив половину золы на себя.

Двое пацанов принесли бак и раскачивали его на краю ямы. Олег, бросив ведро, побежал к ним.

— Нельзя, нельзя!

Но бак уже летел под откос, взрывая снег и золу фонтанами. Олег бросился к первому пацану, но тот уже высыпал золу и ловко увернувшись, толкнул Олега под откос. Олег неуклюже полез вверх, но пацан толкал его еще и еще, а двое других уже достали пустой бак, стояли рядом наверху и кричали:

— Дай, дай ему еще!

И пинали снег прямо на Олега. А он, размазывая по щекам слезы, снег и золу, видел, как в яму сыпали и сыпали золу и все больше и больше засыпали, засыпали звезды...

Он вылез из ямы и побежал домой, падая и плача, кинулся к матери:

— Мама... они... там... все засыпают, и не выйдут больше... звездочки, не выйдут...

Мать успокаивала его, а бабушка, переглянувшись с матерью, кивнула на деда:

— Старый дурынь!..

Олег плакал и затих только под вечер. Долго глядел на деда, сидевшего рядом с ним у темного окна, и опять уткнулся в подушку...

...А в это время у кочегарки загрохотала вагонетка.

Двое молодых ребят подвезли ее к краю ямы и, перевернув кузов, с гулом вывалили шлак, который рассыпался по склону тысячами красных мерцающих звезд.

2. НА ПОРОГЕ

Шурка Худяков после трехлетнего отсутствия неожиданно появился дома, в деревню. Раню утром прогремела у окна машина, остановилась. Шурка выкинул из кузова два узла с чемоданом, соскочил сам; открыл дверцу кабины, помог сойти жене с ребенком на руках. Порылся по карманам, собрал всю мелочь и сушу шоферу. Хлопнула дверца, и машина исчезла за поворотом. Стало тихо. Шурка поглядел на жену, стоящую около уздов; встретился глазами с ней, отвернулся со вздохом:

— Ну вот, приехали...

Подожел к калитке — заперто, стукнул ногой — никто не отзывается, полез через забор, чтобы отодвинуть щеколду.

В доме зажегся свет, в окно выглянула мать.

— Шурк! Ты, кто ль?

— Я...

— Погоди, сейчас отец выйдет, откроет... — Мать обернулась в комнату: — Отец, слышь, вставай! Шурка в отпуск приехал!

Через минуту встал отец, здоровый, крепкий мужик с лицом заспанным и хмурым. На ходу дыкая пиджак на крепкие плечи, открыл калитку. Увидел узлы, невестку с встревоженным лицом, Шурку в кургузом пиджачке...

— Та-ак.

Подхватил чемодан, узлы и понес в дом. Шурка переглянулся с женой, и, вздохнув, оба пошли за отцом.

Мать выскочила навстречу:

— Шурк, худой-то какой, господи! — Поцеловала Шурку и подошла к невестке: — Ну, здравствуй. — Чмокнула в щеку. — Давай свой кулечек... — Бережно взяла ребенка и понесла в дом.

Шурка зашел в переднюю комнату, огляделся — все было так же, как и три года назад: и круглый стол в центре, и диван с порванной спинкой, и голландка посреди, разве что лежащие на большой кровати два младших брата стали как-то длиннее да и сестренка тоже...

Вошел отец:

— Мать, поставь-ка что-нибудь...

Пока Шурка умылся, а жена покормила ребенка, мать подогрела картошки, принесла свежих огурчиков, поставила графинчик. Прислушался — вся орава. Шурка для начала устроил с ними кучу-малу, пока мать не позвала всех за стол. Сели всей семьей, отец налил себе и Шурке по стопочке, выпили за проезд.

Мать, улыбаясь, спросила:

— На сколько дней приехали-то? Сколько пробудете?

Шурка ждал вопроса уже давно, внутренне собравшись.

— Надолго... насовсем...

— Как насовсем? — Мать удивилась, глянула на отца, но тот, видно, не удивился. — А чего так? С работы, что ль, выгнали?

— Да нет, сам ушел...

— А чего ж ушел-то? Писал, что все хорошо...

Мать все-таки не понимала, с чего ж это сын вернулся из города так неожиданно. — Значит, нехорошо. — Шурка покосился на жену, та вышла на кухню, а мать продолжала спрашивать:

— А что ж делать будете здесь-то?

— В «Сельхозтехнику» пойду, там поработаю, а дальше посмотрим.

Шурка налил еще по стопке, протянул отцу:

— Давай, батя!

Отец встал, отодвинул стул.

— В кузницу иди надо, пора.

Вышел в сенцы, надел фуражку, встал на порог. Шурка видел, как он хотел что-то сказать, но, качнув головой, пошел со двора.

Шурка кинул в рот огурец, пожевал, блеснул повеселевшими глазами, приобнял сестру и братьев.

— Ну-ка, сбегайте погулять, с матерью поговорить надо.

Мать пододвинулась поближе, спросила:

— А где жить будете?

— Где... — Шурка знал, что это самая больной вопрос. — Здесь пока, а потом посмотрим.

— Ну и ладно. — Мать встала, начала убирать со стола. — Ты тогда нашу с отцом комнату выноси: в заднюю, около печки поставь: сами будете на диване спать, а для ребеночка люльку подвесим за крюк у голландки.

Шурка до половины дня возился в задней комнате: вынес стол в летнюю кухню, шкаф с посудой — в сенцы, перенес родительскую кровать и поставил в освободившемся промежутке между печкой и стеной, в передней комнате разложил диван. Для ребеночка мать принесла старую люльку из сарая; Шурка подвесил ее к крюку в балке и, положив сына в люльку, долго забывался тем, что, лежа на диване, качал люльку за веревку. Потом, когда ребенок заснул, Шурка улегся поудобнее и задумался. После школы не захотел в деревне оставаться: все надоело. Поехал, техническое училище закончил. Веселая жизнь была! Да, дома, конечно, спокойнее, чем в общезнании. Когда устроился на завод и жил один, — все было неплохо, но после свадьбы с Нинкой жить стало намного труднее: квартиру им не обещали, в комнате Шурка перегородил шкафом и повесил занавесочку, но приходил комendant, ругался и срывал занавесочку до тех пор, пока Шурка однажды не пришел к нему с маленькой... Только это уладилось — появился ребенок, появились пеленки, беспокойные ночи из-за крика, трое соседей стали ходить с жалобами то к комendantу, то в местном. Шурка, избегая скандалов, стал поздно появляться в комнате и рано уходить. Все больше пропадал у комendantа. Вскоре стало не хватать денег — Шурка продал свадебный костюм и несколько других вещей, что высылал из дома на свадьбу: часы, туфли, две рубашки... На заводе тоже не ладилось...

Шурка вздохнул, оглядел комнату — действительно, тесновато будет, ну да ладно, потом от «Сельхозтехники» дадут что-нибудь... Он успокоился и заснул.

К вечеру пришел отец, направился по привычке к дивану с газетой в руке, увидел спящего Шурку, подвешенную люльку, перенесенную кровать... Постоял у люльки, заглянул в спящий кулечек: вник.

Вечером, когда все улеглись спать, долго сидел за столом. Подошла мать.

— Слышь, отец! Шурка пусть поживет немного, куда ж деться ему сейчас, а в «Сельхозтехнике» поработает, что пусть неделю-другую и комнату дадут.

— Да пусть живет, кто его гонит... Детишкам, правда, заниматься негде, да и на полу потом холодно спать будет.

— В задней комнате будут заниматься, а как похолодает — летнюю кухню топить буду, Нинка поможет по хозяйству, легче будет.

На том и порешили.

На следующий день Шурка устроился слесарем, стал пропадать с утра и до вечера на работе. Квартиру обещали дать сразу же, но прошел месяц, а конца обещаниям все не было. Шурка злился, ру-

гался и у директора и у председателя сельсовета, а тут еще дома нелады начались.

Нинка целыми днями бывала дома, мать поручала ей домашние дела, но вскоре, увидев, что у невестки все валится из рук, опять взяла хозяйство на себя. Шурке ничего не говорила, только отцу жаловалась:

— Как они там жили? Она и приготовить ничего не может, а уж корову подоить и не говори. Пеленки где попало бросает... Поросенка пойдет кормить — мимо корыта все валит, телку-то ведро попридержать надо, а она поставит и отойдет — он носом тыкает да проливает все...

Пока стояла теплая погода — было еще неплохо, но начался сентябрь, мать перенесла с летней кухни посуду, ребятишки пошли в школу — им нужно

было заниматься, но места в задней комнате не хватало, а в передней был ребенок... Шурка видел, что назревает скандал, но ничего не мог поделать: квартиру не давали. Он стал приходить поздно, чтобы не видеть родителей, а для успокоения начал помаленьку выпивать. Однажды после работы Шурка с Генкой Азнарковым зашли в чайную — выпить пивка. Взяли по две кружки, сели за стол, Генка вытащил «Перцовую», налили, залили пивом, как вдруг Шурка увидел за одним из столов отца, тот тоже заметил сына. Отступать было поздно, и Шурка, взяв пива, пошел к отцу, сел напротив, поставил кружки.

— Угощайся, батя.— Шурка навалился на стол грудью, потянулся к отцу: — Ты, батя, чего на меня сердисьешь? А?

— А чего на тебя сердиться? Не за что.

Шурка постучал кулаком по столу.

— Врешь, батя, скрываешь... Сам вижу: тесно в доме, да что я сделать-то могу — не дают комнату... Не видишь, что ли, как сам мучаюсь...

— Вижу, — прервал отец. — Мучаешься... На подносе никто не принесет, не жди... Сам поискал бы избу, как с друзьями по вечерам богаты! О чем думал, когда ехал? Мог бы написать заранее: так, мол, и так, батя, приеду скоро, подищи чего-нибудь, а то приехал — нате, мол, принимайте! Сам не видишь, что ли, как мать выбивается одна: и покормить и постирать на всех надо, и все сама да сама... Ребятишкам учить-то надо где-то, ты башкой своей думаешь или как? Думаешь все на родителях проесть, выучили тебя, выкормили; а ты что сделал, чтоб получше тебе жить? Сам-то дурак здоровый уже: ребенка сделать ума хватило, а растить кто будет? Ты не хочешь, Нинка стирнуть пеленки не может, а...

— Ладно, батя! — Шурка так грозно приставал, что за соседними столами поумолкли голоса, и все повернулись в их сторону. — Ладно! Не задавай Нинку толком, понял? — Шурка видел вокруг любопытные взгляды и все больше кипел и распалялся, приглашая всех посмотреть на отца. — Видели? Куском хлеба попрекать вздумал, не надо меня попрекать, не надо! — Шурка подскочил к буфетнице, кинул ей мелочь и, схватив с прилавка несколько кусков хлеба, бросил их перед отцом на стол. — Вот, вот... мало?

Кинулся к другим столам и притащил еще и еще куски, они падали со стола. Отец сидел бледный, только буграми выдвигались желваки на скулах, да огромные кулаки, которые отец положил на колени, чтобы не ударить сына, выдавали волнение...

Отец уже подходил к дому, когда позади него вдруг послышались шаги, он обернулся: его догонял Шурка, который хотел что-то сказать отцу, но тот, крепко размахнувшись, ударил его в переносицу. Шурка, не вскрикнув, влетел во двор вместе с калиткой. Из дома высочили мать и Нинка, оттащили неподвижного Шурку к крыльцу, стали мокрым полотенцем отирать лицо... Шурка не подавал признаков жизни. Подошел отец, глянул на Шурку и, увидев лицо, бледнеевшее в темноте, и неподвижное тело, вынес ведро воды и окатил грудь и лицо сына. Тот застонал и зашевелился, открыл глаза. Отец поднял его, занес в дом и положил на диван.

Утром в доме каждый старался не смотреть в глаза друг другу. Шурка встал с огромной шишкой между глаз и с большой головой. Молча все ушли за стол, Отец первым нарушил молчание, сказал негромко и твердо:

— После работы приду — чтоб тебя в доме не было. Не уйдешь — вещи выкину на улицу.

Нинка в это время подносила картошку на сковороду, услышав слова отца, вздрогнула, ручка выскользнула, и сковорода со звоном упала на пол, вся картошка рассыпалась. Шурка со злостью кинул ложку на стол, подскочил к Нинке, заржал:

— Руки корявые, что ли? Что выкобениваешься? Не дома! Не с маменькой-папенькой...

Шурка не выдержал, замаяхнулся на Нинку.

Она, заплакая, убежала в переднюю комнату к ребенку. Все молча смотрели на Шурку. Отец хотел

что-то сказать, но промолчал и, положив ложку, вышел из дому.

Шурка прилег на диван. В комнату заглянула мать.

— Шурк, на работу не пойдешь?

— Нет, — хмуро ответил Шурка, встал и пошел на речку. Сел на берегу, прислонился спиной к плетню огорода, задумался, глядел на воду, где гусыня с уже взрослыми гусятами плыла вдоль берега. Кинул им кусок хлеба, один, более проворный, схватил его и понесся в сторону, на ходу заглатывая большой кусок, но его догнала мать и, уцепив за загривок, заставила выпустить кусок, который потом ципали всей гурьбой.

Шурка не заметил, сколько прошло времени и как рядом очутился брат Витка.

— Отец зовет, Иди.

— Вещи выкинул уже?

— Нет, пойдем домой. Быстрее. Обыскались тебя, мать испугалась — не утонул ли где... Отец-то у Инченковых был, на работу не ходил сегодня...

— Почему?

— Не знаю, пришел оттуда — тебя велел позвать.

У дома встретила мать, зашептала:

— Шурка, не перечь отцу, избу нашел тебе: Инченковы свою старуху к себе заберут, а ее мазанку за сто пятьдесят нам отдадут...

Зашли в дом. Отец сидел на диване, устало положив руки на колени, и глядел на Нинку, которая кормила ребенка грудью. Увидав Шурку, встал.

— Пошли.

Подошли к мазанке. Осмотрели снаружи — дворик с двумя сараюшками, прилипшими к мазанке. Зашли внутрь. Осмотрели мимоходом сенцы — ничего. Зашли в заднюю половину — несколько половиц заменить надо, в передней — печь подмазывать, а так ничего: окна большие, тепло, видно, бабка все лето подмазывала стены. Шурка повеселел — жить можно! Выскокнул во двор, глянул: трубу подправить надо, ворота сменить. Вбежал в дом:

— Ну, что, батя, берем, что ли? Берем, конечно. — Шурка красненько обшел вокруг стола, не выдержал, пристукнул два колена с прихлопом: — Ну, батя!

Отец молчал, потом позвал поближе:

— Шурк! Поди сюда!

— Чего, батя?

Отец пошел к двери, у косяка обернулся, внимательно взглянул на Шурку и отчетливо сказал:

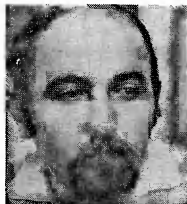
— Нинку если тронешь — убью! Понял?

Хлопнула дверь, затихли шаги, а Шурка, прислонившись к печи, прошептал:

— Понял, батя. Все понял...

г. Златоуст.

Сергей Новиков

Сергею Новикову 23 года.
Служил в Советской Армии.
Работает в Ялтинском
краеведческом музее,
учится на заочном отделении
Крымского университета.

Плотник

Ты встанешь спозаранок —
Рука твоя легка,
потом возьмешь рубанок
веселый с верстака,

и стружка рыжим чубом
звонится над брусом...
Запахнет в доме чудом
и влажным сосняком,

и сплошь намокшим лугом,
грозой, что вдалеке снесло,
и голубой округой,
промытой, как стекло...

Так кто же ты, умелец,
над стружкой золотой?
Она, как в небе месяц,
Сверкает пред тобой.

А что ж, случайно разве
словарною строкой
обвенчаны: ты, мастер,
и ты, мастеровой!

Письма к друзьям

Я письма далеким друзьям напишу.
Ну, как вам живется на свете! — спрошу.
Ну, как вам живется
в своих городах,
столицах,
станциях,
медвежьих углах!..

И как же так вышло,
откуда пришло,
что по свету по белу нас размело!
И где же,
с какого же черного дня
я — вас, ну, а вы —
позабыли меня!

Да как же случилось,
что в жизни моей
напоминает о вас
то шаги у дверей,
то почерк чужой,
то приступ тоски,
да желтые снимки,
да эти стихи!

Зима в Ялте

Когда над морем снегопад,
все восклицанья неурядица.
И все сравнения не в счет,
когда над морем снег идет.

И мы молчим с тобой, боясь
нарушить голосом своим
небес торжественную связь
с накатом волн береговым.

А чайки хриплые в порту,
от удивленья ошалев,
буксирчику спешат вослед
и снег хватают на лету.

В начале осени

Какой-то сдвиг вокруг... А впрочем,
еще не осень, но уже
все больше листьев у обочин,
все меньше смуты на душе.

Еще и пробой не отмечен
наш сад и слякоть далека,
но ты встречать меня под вечер
не выбежишь без свитерка.

Еще... Но тягой обнаженья
уже пронизано насквозь
природы каждое движенье:
и ветки взмах и охры горсть.

И как-то исподволь выходит,
что с каждым облетевшим днем
и мы с тобой под стать природе
все обнаженнее живем.

Вспроникающее стремление
жить без прикрас, и день придет —
у нас, людей, у них, растений,
разоблаченность совпадает.

И лес, дотопе безязыкий,
словом не ученный людским,
молчанья сбросивши вериги,
быть может, языком момм

заговорит, а я, бледная,
над тишиной холодных вод
с тобой молчать, как лес, сумею
и петь смогу, как лес поет.

РЫЖИЙ — НЕ РЫЖИЙ...

РИСУНКИ
В. СМЕРНИЦКОГО.

Глава I

Уплотнились под потеплевшим солнцем мартовские снега, черными оспинками проглянули затвердевшие еще с первых осенних морозов комья вспаханной земли на огородах, потемнели в палисадниках, набухая соками, развесистые заросли акаций и сирени. Бродячие собаки, жавшиеся в зимние холода поближе к скотным дворам, почувствовали весну и теперь уже целыми днями, обнав лапами заспанные морды, дремали на только что пробившихся проталинах. Насыщенный испарениями воздух ломался перед глазами голубовато-призрачной пленкой и лениво тек над землей. По утрам со стороны холмов, поросших дубяком и низкорослой липой, на рабочий поселок железнодорожной станции наплывал непроглядный туман. Он не спеша наваливался на деревянные дома с отсыревшими стенами, заливал по-деревенски просторные улицы и, поглотив поселок, растекался дальше, в сторону города, куда тянулась от станции прямая, разбитая за зиму дорога.

Недалеко от станции, красясь большими окнами с голубыми ставнями, стоял добротный особняк. Сквозь запотевшие окна робкой синью пробивался рассвет. На диване, возле окна, мертво раскинув руки, спал в верхней одежде хозяин дома Дмитрий Вьюн. Влажно блестело красное, воспаленное лицо. На расpirationем грудью пиджаке ритмично шевелились пуговицы. Низкий, с медленным разгоном до захлеба храп Дмитрия Вьюна. слышен был в любой из четырех комнат дома. Неудобно подогнутая под спину рука отозвалась болью, и Вьюн проснулся. Вначале он с некоторым удивлением разглядывал комнату и все старался вспомнить, как прошлым вечером добирался домой, но так и не вспомнив, огорченно крикнул. Однако знакомая обстановка и крупные листья фикуса над головой немного успокоили его — дома ведь; в глазах исчезла растерянность, и вместо нее выплеснулся жесткий, повелительный блеск.

— Марья-а-а! — загрохотал Дмитрий. — Марья-а-а! Воды-ы-и!

На кухне зазвенела посуда, забила струей по жестяному дну вода. Скрипнули дверные петли, и в комнату вошла дородная женщина в шуршащем клеенчатом переднике. Она поставила на пол к дивану полный чайник воды и швырнула на покрытое испариной лицо мужа мокрую тряпку.

— У, и-ирод! Чтоб она те попереk глотки встала! — И по ее крупному, скуластому лицу побежали красные пятна. Марья с ненавистью взглянула на мужа и расстроено потащила на кухню.

— Марья-а-а! Воды-ы-и! — прохрипел опять Дмитрий, на какое-то время забывшись в беспамятной дреме.

— Там она! — откликнулась Марья сочным, басовитым голосом. — Налопался, черт пузаты!

Дмитрий нащупал нетвердой рукой чайник, ухватил его за носик, с трудом приподнялся и жадными глотками стал пить. Вода ручейками скатывалась по небритому подбородку, текла по сильной жилистой шее и расплзалась синошными пятнами на белом чехле дивана. Дмитрий сделал последний судорожный глоток и бессильно откинулся на подушку. Чайник вырвался из ослабевших пальцев, звякнул дужкой и покати́лся по полу, оставляя за собой мокрую дорожку.

Комната снова наполнилась храпом. Из кухни доносился светлый шум кастрюль. Марья торопилась приготовить завтрак.

— Петя! Петюша-а! Вставай!

Марья прошла в спальню сына, не дождавшись ответа, сняла с него одеяло и, скомавав, бросила к спинке кровати.

— Воды нет, сынок. За водой бы сходил.

— А чего отец? — сонно тараща на мать глаза, спросил Петя и потянулся к одеялу, кое-как расправил его, набросил на голову и отвернулся к стене.

— Кому говорю — вставай!

Раздраженный голос матери заставил Петю откинуть одеяло и свесить ноги на охолодавший за ночь пол. Забю передернув плечами, он сложил крестом руки на груди и покосился на лежащие на стуле брюки и рубашку, все еще не решившись, одеваться ему или опять лечь в теплую постель.

Василий КОНДРАШОВ

Бывший военный летчик.
После демобилизации
по состоянию здоровья
в 1965 году работал мастером,
начальником цеха,
а затем инженером в Саратове.
Сейчас работает преподавателем.
«Рыжий — не рыжий...» — его первая
повесть.

ПОВЕСТЬ

Надо же будить в такую рань! Как будто в школу идти.

Петька бы в два счета сбегал за водой, до колонки каких-то полкилометра, но очень уж не хотелось так рано вставать. Отык. Почти три месяца прошло, как бросил девятый класс. Теперь и мать редко будила его по утрам, спи себе и спи сколько влезет. Мысль, чтобы Петька не опоздал на уроки, давно никого не волновала в доме, а кое-какие дела по хозяйству, наказанные отцом или матерью, он и без спешки успевал переделывать днем, в удобное для себя время. Почти сам себе хозяин.

Петька недовольно заворчал:

— Вечером не могла сказать...

— И где я те буду искать вечером! — воскликнула мать. — Как уйдешь — и завей хвост веревочкой. Умаялась я с вами, — вздохнула с горечью и, просительно глянув в глаза сына, добавила: — Сходи, Петюш! Отец-то последнюю выглохтал. Завтрак готовить нечем...

Петька сонно потянулся, сгоняя дрему, зевнул и кланялся зубами.

— Одеваться вот...

Но не успела мать отойти, как Петька снова повалился в постель.

— Я кому говорю — вставай! — рассердилась Мария. — Хватит дрыгнуться-то!

— Подрыхнишь тут! — уже окончательно проснувшись, поднялся с кровати Петька и стал нехотя одеваться. Его еще долго одолевала зевота, и он, не сдерживаясь, зевал до хруста за ушами, закрывал глаза и при этом покачивался, сидя на краю кровати, вспоминал что-то из вчерашнего дня и огорченно морщил нос, широкий и короткий, с загнутым вверх кончиком. Все говорили, что Петька весь в отца: и лицо круглое, и волосы рыжие, и нос такой же. Некоторые шутили: и учиться оба бросили, только Петька с девятого класса, а отец со второго курса института.

Петька надел поношенную отцовскую телогрейку, пропелся мимо матери и, схватив пустые ведра, грохнул ими на весь дом. Мария покосилась на сына и молча подбросила дров в голландку.

Сырые дрова зашипели, и печь чихнула в комнату дымом.

— Эх, горе! — шумно вздохнула Мария. — Не мог дров с вечера занести. Протух уж винищем-то!.

Слыша причитания матери, Петька удрученно подумал, что верно: отец в последнее время слишком привлекает на воду. Или у них, у грузников, заведено так: разгрузил вагон — пей, переложил на складах грузы из одного угла в другой — беги за бутылкой. Петька вспоминал, как мать, притаившая отца поздно вечером с помощью соседа, проплакала почти всю ночь. Плакала она тихо, чтобы никто не слышал, но до Петьки все же доносились ее приглушенные вскрипы, и он начинал злиться на отца.

Уже выйдя со двора, Петька поправил съехавшую на затылок шапку, обхватил дужки ведер на крючках коромысла, чтобы меньше раскачивались, и направился к колонке. Под ногами сухо похрустывал снег, и Петька с удовольствием подумал, как он накрутит снегурки на валенки и махнет на холмы, где старые лыжи стали твердыми, как наезженная дорога. Петька любил кататься по ним и развивал на спусках такую сумасшедшую скорость, что рисковал, споткнувшись, разбиться о ствол дерева. Он, конечно, знал и не раз испытал на себе, как опасна и коварна лыжня для езды на коньках, сколько уж приходилось дохрамывать до дома с ушибленной ногой или отбитым плечом, и все же Петька любил мартовский снег на холмах, две оледенелые ленты следов от лыж и мелькающие над головой ветви деревьев. Сегодняшний морозец так и манил на холмы, и Петька ускорил шаг.

У колонки он заметил худенькую, сгорбленную фигуру деду Авдея. Наросший у колонки скользким бугром лед не давал приблизиться и зацепиться за рычаг. Дед беспомощно скользил и падал, гремя на всю улицу ведрами, снова вставал, вешал ведра на коромысло и, подрагивая от напряжения головой, упорно наступал на колонку.

— Здорово, дедуль!

— Здравствуй, внучок, — дед Авдея смущенно замялся на месте. — Вот толкусь тут, как баба-яга в

стуге. Скользиг, проклятая! Ни тебе шагу ступить, того и гляди носом хрянешься.

Почувя подмогу, дед Авдей поставил ведра рядышком, пристроил на них коромысло мосточком и, усевшись поудобней, полез в карман за кистетом.

— Каждую весну эта вот головой рискуешь. Две войны прошел, а тут напрочь могу снести. Иду за водой и всю дорогу гадаю: доберусь али нет до нее. Она же мне, треклятая, будто баба, по ночам снится. Как там думаешь, Петька, доберусь я до нее али нет? — Дед Авдей успел уже смастерить самокрутку и дымил едким самосаodem прямо в лицо Петьке.

— Может, и доберешься,— улыбувшись серьезному тону деда, ответил Петька.

— Я и говорю — колгота одна. Днями-то бабка Матрена так хряснулась — аж дыниша у ведер повышибло. Многие говорят — повезло, задницей-то оно помогает. А ну-ка я грудью адарюсь? Что тогда будет? — И дед с тревогой посмотрел на Петьку. — То-то и оно!

— Надо бы поколоть лед.

— Поколо-от... Молодые-то гулять горазды. Да ить и без разбегу возьмут! — Дед Авдей затянулся глубоко и задумался, глядя прищуренными глазами на непокоренную высоту из отшлифованного льда возле колонки. — Надоть, какой пупок отлился!

— Я расколою его, дедуль,— пообещал Петька.

— Расколи, внучок, расколи. А то срамота одна старым людям.

— А ты мне про войну расскажешь, дедуль?

Дед Авдей страшно пепел с самокрутки, помочилил конец редкими зубами, и складки на его худом лице будто бы тесней прижались друг к другу. Петька уже знал: если дед долго не отвечает, значит, вспоминает и расскажет что-нибудь интересное. Он всегда так: морщится, щурит глаза, изредка вздыхает, глядя в дальний конец улицы, а потом, откашлявшись, начинает рассказывать быль или небыль из своей фронтовой жизни. И в это время Петька боится, как бы кто не помешал им, как бы кто не оборвал слабый, задыхающийся то ли от самосаода, то ли от чего еще голос деда Авдея. А рассказывал дед интересно, и про Финскую и про Отечественную. И сейчас Петька ждал и оглядывался, не подходит ли кто за водой и не вышла ли мать на улицу. Осматриваясь урядкой, он прижимался на свои ведра рядом с дедом, затем попросил самокрутку с расчетом, что тот наконец-то найдет свой раскзас.

— Ты это баловство бросай, Петька! Старики от нервов курят, от болезни. Я вот скажу отцу-матери! — грозился дед Авдей, но Петька уже давно знал, что он никогда не выполнит свою угрозу, да и курит Петька дома в открытую, мать с отцом уж и замечать перестали. — Я те про самолет рассказывал? Это когда мы нашу станцию освобождали?

— Было,— подтвердил Петька. — Три раза рассказывал. Про истребитель, который в наш груд упал.

— Надоть, как заросла память,— пожаловался дед Авдей и сокрушено покачал головой.

— Это я сам просил. Три раза.

Дед Авдей подозрительно посмотрел на Петьку, потом вспомнил, видимо, и довольно почмокал губами.

— Так и есть. Это в последний раз, когда моя внучка Любашка урок по хемии не сделала. И в школу не пошла, больной оказалась. Вот то и хемия!

— Ты мне, дедуль, не про «хемию!» Ты мне про войну расскажи! — стал упрашивать Петька.

— Прото и скажу, и про войну, и про хемию.— Дед Авдей последний раз затыкнулся, выпучив глаза от натуги, подержал сколько могу дым во впалях груди и выдохнул в златанные колени. — Кажись, в сорок третьем тот случай был. Нам тогда наступать приказано было на эту, как ее, в песне-то поется, когда в живых трофе!

— На безымянную высоту,— подсказал Петька.

— На ее самую,— обрадовавшись Петькиной догадливости, часто закивав головой дед Авдей. — Так же вот, на рассвете, кликнул нас командир в атаку, ракетой вверх, и первым бегом в гору. Мы за ним. Для острости нет-нет да и пульнем с автоматов. А немец реденько бьет, будто выбирает, которые попроворней. Старемся пошиче бежать, да куда там, снежице такой выпал — до пуза достает. А с моим ростом как ни пыхти, едва успеваешь. Бегу, а сам смывляю, как бы командир за труса меня не посчитал. Он, немец-то, хотя и редко бьет, а метко. Жить кажный хочет! А потом вовсе как поспит со всех пулеметов, мы и в снег. Легким, ждем моменту. Слышу, командир меня кличет. Давай, говорит, Авдей, как ты самый маленький, скрозь снег проползи и эту вражью доту сничтожь гранатой. Надо сказать, спужался я тогда, а потом озлился: что ж, у меня духу не хватит ту поганую доту сничтожить! — И сничтожил! — нетерпеливо воскликнул Петька.

— Да погодь ты! — рассерчал дед Авдей. — То-ма разбег взял, а он туда же! Я ить тебе скажу гд говорил — не спрошай, кады разговор веду! Ну, игде я остановился, игде? — вполне серьезно напирал дед Авдей на смутившегося Петьку. Похоже было, он забывался, где Петька перебил его раскзас, и теперь не знал, с чего начинать, но признаваться в этом не собирался, во всяком случае, открыти. И вопрос он задал будто бы для проверки, как его слушает Петька.

— Когда тебя командир послал дот подорвать,— осторожно подсказал Петька, боясь снова рассердить деда.

— Так и есть — послал,— согласно кивнул дед, глядя сощуренными глазами вдоль улицы. — Тик, как бабка Матрена дорогу ногами гребет. Ишь ты, кажись, и новые ведра купила...

— Ты чего, дедуль? — не понял сразу Петька, о чем заговорил вдруг дед Авдей.

— Бабка Матрена идет, толкую тебе,— ответил дед Авдей, с усмешкой в глазах разглядывая растолстевшую соседку, примерно одного с ним года, но еще довольно крепкую старуху. — Ты, Петька, как думаешь, возьмет она нашу высоту али нет? — И он, хототув, показал пальцем на колонку.

А бабка Матрена поставила новые ведра к ногам, сразу же, не пожелав доброго утра деду Авдею, набросилась на Петьку.

— Это ты моих гусей карасином напоешь? Ветинар признал — от карасина они занемогли!

— Пусть не пьют...

— Как то есть не пьют? — опешила бабка Матрена. Видно, она ожидала, что Петька будет отнекиваться. — Как то есть не пьют? — снова повторила она, все еще соображая, как быть ей дальше.

— Я же им не водку, а керосин давал...

— Ах ты, ирод рыжий! Я ж тебя за мои племянники. — и бабка Матрена угрожающе поджала коромысло.

Петька резво вскопчил с намерением как можно быстрее удрать, но между ним и бабкой уже встал маленький дед Авдей.

— Негоже, Матрена, коромыслом эдак махать. Не ровен час — скользнешься.

— А ты не встравай! — переметнулась бабка Матрена на деда Авдея и, подперев крупными руками бока, с издевкой проговорила: — Может быть, скажешь, за что он моих гусей карасином напоил?

— А зачем ты палкой Шарика лупишь? — пытался защититься Петька, отодвигаясь на всякий случай подальше от бабки Матрены.

— Она бродячая! Курей жрет! А ты бери ее, бери! И-ишь, какой жалостливый!

— Да у них, Матрена, какись, три во дворе, — охотно сообщил дед Авдей. — И все, как одна, к ногам ластятся. За четвертую, какись, отец обещал уши оборвать Петьке. Он, Дмитрий-то, знаешь какой. Что не по нем, похужий зверя становится.

— О снова порода, — проворчала уже более примирительно бабка Матрена и взялась за ведро.

— Набери ей воды, Петька, — попросил дед Авдей.

— Не буду...

— Ну, как знаешь, — очень уж быстро согласился дед Авдей и приготовился наблюдать, как бабка Матрена будет одолевая ледяную горку возле колонки. Тронутые старческой синевой губы сложились в насмешливую улыбку. Но деду Авдею пришлось разочароваться, он даже с неприкрытым сожалением вздохнул, когда увидел, как бабка Матрена удивительно спокойно для ее возраста, правда, не без опаски, легонько так, бочком, будто теснила что-то невидимое, но прочное, подобралась с ведрами к колонке и наполнила их, косясь то на деда Авдея, то на Петьку.

— Как пить дать — гетеу сдавала! — удивленно крикнул дед Авдей. — Нешто и мне спытать!..

Дед Авдей некоторое время поглядывал то на свои кирзовые сапоги, то на удаляющуюся с ведрами бабку Матрену.

Петька помог деду набрать воду и вызвался отнести ведра до его дома, решив на время оставить свои ведра у колонки. Шел Петька молча, размыш-

ляя, почему он таким робким выглядел с бабкой Матреной. Ведь не боялся же он ее — это уж точно. А коромысло — что, Петьку и пристрелить грозилась, когда он ночью возле магазина синтетическим клеєм лавку намазал. Сторож сел на часок-другой вздремнуть и уснул. А за углом клевал носом Петька, изнемогая от летней духоты, но уходить никак не хотел: надо же дело доводить до конца. Уже часа в три ночи Петька, уверенный, что сторожа прихватило накрепко, вытащил из кармана приготовленную специально рогатку, поточней прицелился маленьким чугунным осколком в бок сторожу и отпустил резинку.

— Карауул! Убивают! — дико заорал сторож, оставляя на лавке солидный кусок материала от брюка, и начал палить из ружья, а когда почувствовал, будто кто держит его сзади, закричал в паническом страхе, протяжно и длинно: — Ва-а-а-жу-у!

На выстрелы прибежали какие-то трое, знакомые Петьке. Не заметив ничего опасного возле магазина, они стали успокаивать сторожа, уверяя, что это ему приснилось, пока не заметили, к чему и как его «привязали». «Спасители» так дружно принялись хотовать, что Петька не выдержал, вышел из засады и присоединился к ним.

— А тебе чего надо здесь? — окрысился сторож, узнав Петьку Вьюна и стараясь не вставать к нему спиной, чтобы не показать ущербное место на брюках. Очень уж боялся, как бы Петька, злой на язык, не развонил по поселку о ночном случае. Эти-то трое были, видимо, приезжими, посмеются меж собой да и уедут. А Вьюн чуть ли не сосед, через улицу живет.

— Проверить хочу, как приклеился, — сглатывая смех, ответил Петька и показал на опорожненную бутылочку из-под клея. — Думал, не хватит. — Он с безопасного расстояния взглянул за спину сторожа и коротко рассмеялся. — А вышло многовато даже. С трусами оторвало!

Поняв, что виновник этого позорного ЧП, сторож от неожиданности сел, будто собирался поднакопить злости и разом расправиться с обидчиком. Он так резко метнулся в сторону Петьки, что послышался продолжительный треск раздираемого материала.

— Застрелю, рыжая тварь! Дайте мне патроны! Патроны дайте! — Но в ответ сторож услышал дружный хохот и, окончательно осознав свое комическое положение, затравленно сел на лавочку, не отрывая взгляд от Петьки. — Попадешься мне где-нибудь по-тихому, застрелю, как собаку, и в порожняк брошу...

Шагая чуть впереди деда Авдея и вспоминая случай со сторожем, Петька все же решил, что никакой трусости у него при встрече с бабкой Матреной не наблюдалось, просто-напросто ему неудобно было перед дедом.

— Слышь, дедуль, — приостановился Петька, — ты мне доскажи про дот.

— Да ить чего досказывать? Не сничтожил я его. Ранению тогда получил.

— А говорил — химия! — разочарованно протянул Петька и ускорил шаг, уже не надеясь, что дед Авдей отыщет сегодня в своей памяти что-нибудь интересное.

— Она и есть, — охотно откликнулся дед Авдей. — Другой-то безучей оказалась, шашку дымную подпалил и в доту бросил — из него дымилша как повалит, и все тем разом к нему. Так и сничтожили.

В дом Петька зайти отказался наотрез из-за Любки — внучки деда Авдея. Может, еще и не ушла в школу. Подумает вдруг, что из-за нее воду несет.

Петька осторожно перевесил коромысло с ведрами на шаткие дедовы плечи и открыл калитку, чтобы тот, прошел к крыльцу, затем бегом побежал к колонке, мысленно представляя, что его ожидает дома. Только бы не проснулся отец, а мать поверчит немного и уснет. Она отходившая. Отец, тот за ремень сразу хватается или за что другое, чем спордней отколотишь. Особенно злым он бывает на похмелье, когда мучается от невыносимой головной боли.

В коридоре Петька замешкался, приоткрывался открыть дверь и не задеть ведром о стену. Мать не любила, если он расплескивал воду в коридоре. Протискиваясь сквозь узко открытую дверь, Петька, как должное, слушал причитания матери:

— Ну, где же ты пропал? Заждалась ведь! И дрова все прогорели.

— Воду отключили...— соврал Петька, не глядя на мать. «Ну, какой толк,— подумал он,— когда она отругает меня. Только нервы потратит».

— Прямо наказание какое-то!— пожаловалась мать. — Людям на работу идти, а они хулиганят.

Петька молча поставил ведро на кухонную лавку, разделся и пошел к столу.

— Поесть бы, мам.

— На вот!— подала Марья пол-литровую кружку компота и горбушку белого хлеба.— Закуси пока. Прощалась вчера-то.

Ел Петька неторопливо, строил планы на день, но все получалось скучным и неинтересным. Вспоминая деда Авдея и мысленно ругал Любку, что она совсем не помогает по дому. Возомнила себя красивой, все боится ручки попортить. Вот и приходится деду Авдею на старости лет водяную колонку, как дот в войну, штурмом одолевает. Петька вздохнул, вспоминая его рассказы, и пожалел, что не родился раньше и не мог воевать вместе с дедом. А сейчас что за время пошло — заняться нечем, все школа да школа, одни уроки на уме у каждого. А разобраться — кому нужна эта алгебра? Другое дело — физика... Или радиотехнику учить. А то покавешают предметов для видности, из школы вышел — и не помнишь ни одного. Умрешь от такой учебы. А в общем, год можно и повольнчить, а там видно будет. Студентам вон по закону дают повольнчить, какой-то академический отпуск. Академики тоже!..

В это время, не обращая внимания на ворчанье Марьи, в комнату ввалился подвыпивший Федор Погорелов. Он работал с Дмитрием в одной бригаде грузчиков. Поводя осевшими глазами, он сочувственно посмотрел на хозяйку.

— Болеешь? А я слегка поправился... — вытаскил из-за пазухи четвертинку с остатками водки, крутнул ее резко и хмуро поглядел на закружившуюся жидкость. — На, глотни — полегчает,— подал Дмитрию. Тот покосился недовольно, обхватил виски ладонями и промычал, съедая слова:

— Канитель одна... На языке размазает. Федор хотел сунуть четвертинку обратно за пазуху, но Дмитрий ловко перехватил ее и опрокинул над ртом. Бутылка всплинула раз-другой и стихла. — Марья! — позвал Дмитрий жену. — Дай Петьке пятачку. Пусть сбегает.

— Сбегает,— бовзливо передразнила Марья. — С одиннадцати ее торгуют.

— Шатилика даст. Скажет, для меня. — Хватит пить-то! — запротестовала было Марья. — Каждый день без продыху...

— Марья,— рыкнул Дмитрий и сузил глаза. Марья опустила голову и, порывшись в укромном, только ей известном месте, толкнула Петьке в ладонь мятую пятачку, и тот безропотно вышел из дома.

Пока Погорелов тиснет пытался доказать хозяйке, что «похмелька для мужика — первейшее дело», Петька сбегал и поставил на стол поллитровку.

— Ну, как? — исподлобья посмотрел на сына Дмитрий. — Уважают меня в магазине?

— Уважают,— не очень охотно ответил Петька. — Только Шатилика всех уважает, что сдачи не берет.

— Поговори мне! — незлобно прикрикнул Дмитрий.

— Пап, отпусти на улицу.

— Дома сиди, пока я здесь. Приемник свой паяй.

— Это не приемник, а генератор инфракрасного излучения.

— Все равно паяй.

Петька, о чем-то размышляя, направился в свою комнату, где обычно паял радиосхемы. Марья принесла тарелку соленых огурцов и толсто нарезанное свиное сало. Дмитрий налил немного водки в два стакана, достал после некоторого колебания третий, налил в него.

— Петька! — позвал он громко. — Иди сюда!

— Чего ты ребенка смущаешь! — догадалась Марья о намерении мужа. — Рано ему еще.

— Какая разница, когда начнет,— усмехнулся Погорелов. — Все одно от этого дела мужику нигде не уйти.

— Иди-иди, сынок,— подбодрил Дмитрий показавшегося в дверях сына. — Много нельзя, а немного можно.

Петька, опасливо поглядывая на отца, пошел к столу. Дмитрий, никого не приглашая, выпил и снова налил, посмотрел на Погорелова, потом на сына.

— Ты, Петька, можно сказать, только в жизнь входил.

Мужиком становится,— кивнул Погорелов на стакан с водкой, стоявший перед младшим Вяном, и с пророческой ухмылкой посмотрел на Дмитрия: вот и мы, мол, когда-то так начинали, а теперь кулем из пивной таскают.

— Помолчи, Федор, не с тобой говорю — с сыном. Марья!

— Ну, чего тебе? — Дверь в коридор приоткрылась, и в узкий проем боком встала Марья с веником в руке.

— Достань там попкупу. К Маю которую... Ну, ты знаешь.

— Делать тебе нечего,— недовольно проворчала Марья, бросила веник куда-то в угол коридора, сняла за порогом вальки с калошами и в шерстяных носках со штопанными пятками прошла в переднюю. Оттуда она вернулась с аккуратно бумажным свертком, перевязанным крест-накрест синей лентой. Под скрещением ленты лежала открытка, Дмитрий принял сверток, вытянул из-под ленты открытку и подал Петьке.

— Читай!

Петька уже догадывался, кому предназначался сверток, но открытку взял неохотно, поглядывая то на отца, то на Погорелова. Ему не хотелось читать при чужом человеке, а отец не замечал этого.

— «Дорогой сын,— невинно начал Петька и мельком посмотрел на подобрешее лицо отца,— дарю тебе костюм в день шестнадцатилетия и к празднику. Твой отец...»

— Иди примерь,— передал Дмитрий сверток сыну. Петька, заметив перемену в настроении отца, подумал, что самое время попросить у него денег. Он понимал: после такого подарка, хотя и преждевременного, заговаривать о деньгах неудобно. Но как тут не заговорить, когда чуть ли не всю зиму только о них и думаешь.

— Пап, а пап,— осторожно начал Петька, принимая от отца сверток и вкладывая открытку на прежнее место,— мне бы денег...

— Дай ему, мать, рублевку на кино.
— Мне триста рублей надо... И Петька настороженно втянул голову в плечи.

— Тридцать рублей? — переспросил Дмитрий. — Это куда тебе столько?

— Не тридцать, а триста...
— Хе-хе! Ему костюм в зубы, а он еще триста в придачу. Вспомни «дорогой сынок»...

— Помолчи, Федор! — резко оборвал Погорелова Дмитрий. — Мой сын — мне и оценивать.

— Да я что? Оценивай! — усмехнулся Погорелов и в ожидании скандала поудобнее уселся на табурет. — Только их, оценщиков-то, и кроме тебя найдется.

— Ну, так для чего тебе триста понадобились? Кутеж заварить с друзьями надумал или в карты проиграл?

— Лодку хотел... У нас в пруду ни одной лодки. Наша первая будет.

— Это хорошо, Петька, что наша лодка первой по пруду поплывет, — медленно начал Дмитрий. — Я вот тоже у грузчиков вроде первым числюсь. И не по бригадирству, а так. Но все это чушь, Петька. На кой черт тебе в ту лоханку первым лодку спускать, когда, может, для твоей души корабль сподручней строить или капитаном на них. Садись, Петька, выпей с отцом. Мать, прими у него костюм, пусть полежит до весны.

Петька сел и покосился на стакан с водкой. Вино бы еще куда ни шло, но эта штука!.

— Пей, сынок, за отца своего непутевого выпей, чтоб не его дорожкой!

Петька приподнял стакан, скривился, будто уже пил прозрачную горькую жидкость, затем несмело посмотрел на отца.

— Мне бы лодку, пап...

— Лодку? — Дмитрий приподнялся и налег ладонями на середину стола, чтобы ближе видеть запылавшие страхом Петькины глаза. — А ты их зарабатывал, сотни-то? Я тебе дам такую лодку, ты у меня гвоздем в пол влезай! Федька, наскреби у себя там, пусть еще сбегает!

— Не пойду! — пробурчал Петька.

— Поговори мне еще! — рыкнул Дмитрий и угрожающе сжал кулаки.

Петька вихрем сорвался с табуретки, и только зеленое пальто на ходу стаянуло с вешалки, на мгновение мелькнуло в двери и исчезло...

— Петька-а! — полетело вслед...

А младший Вьюн, хлопнув коридорной дверью, прыгнул через все ступени крыльца прямо на ледяную дорожку двора, не удержался на ногах, ударился боком, почти тут же вскопил и побежал за угол соседского дома. На этот раз отец не побегал за ним, наверняка, слыша хвильный бег... Петька переловил дух и со злобной пулей консервную банку, подвернувшуюся под ноги. Ну, с чего так разошлись отец! И попросить ни о чем нельзя... Всегда так: выпьет, а на другой день хоть не подходи... И денег не дает. Где их достать, почти триста рублей? Сдавать бутылки! Это же сколько их надо! Целых три тысячи без малого! Ого! А без лодки никак нельзя, без нее ни пруда не исследуешь и самолета не найдешь. Эх, папан, папан! Ну, что тебе стоило! Всего полторы зарплаты.

Петька с тоской посмотрел на небо, которое, кажется, вот-вот обрушится снегом на малолетнюю улицу, на искореняемую машинами дорогу и воющую от ветра провода. Он думал: хорошо бы сейчас оказаться в школе. Там идет второй или уже третий урок, и весь девятый класс слушает старшего учителя физики Спиридона Ивановича. Он может бесконечно говорить о знаменитых русских ученых-физиках, о могучей энергии атома. И пусть бы Спиридон Иванович закатил ему в журнал жирную двой-

ку за невыполненное домашнее задание, пусть бы выгнал из класса за поломанный измерительный прибор, ведь все равно на следующий день он мог бы прийти в школу. А теперь что делать? Куда пойти?

На выцветшей за зиму доске объявлений Петька прочитал: «Со второго по пятое марта кино «Роза». Начало в 10, 12, 18, 20 часов. Билеты продаются».

— Продаются! — повторил Петька, зевнул и зашагал по карманам с надеждой найти мелочь. Нашел всего лишь два пятака, этого, конечно, было мало, и на билет не хватит.

— Эй, паря! — окликнул он проходившего мимо парнишку примерно своего возраста. — Подкати-ка на минутку.

Тот подошел и выжидающе остановился, поглядывая на Петьку настороженным взглядом.

— Дай закурить.

— У самого на раз осталось, — хмуро ответил парнишка.

— А это мы посмотрим, — процедил Петька сквозь зубы и ухватил парнишку за ворот пальто. — Проверим, что у тебя там, — и запустил левую руку в его карман, вытащил пачку папирос, надорванный рубль и расческу, которую сунул обратно. — Только пискни, шарахану, гвоздем в землю влезешь! — И с ехидством добавил: — В долг беру, отдам после дождичка. Проваливай!

Парнишка отошел на несколько шагов и пригрозил: — Мы еще встретимся!

— Приходи, — усмехнулся Петька. — Деньжат не забудь.

— А вот этого не хочешь? — показал парнишка кулак.

— Проваливай! Проваливай! — повисил голос Петька, и парнишка трусцей скрылся в переулке. Петька закурил, на мгновение пожалел, что не удалось плотно позавтракать, а мать, наверно, не торопилась по-давать на стол разогретый борщ, должно быть, ждала, когда уйдет дядя Федя.

Около часа бродил бесцельно по улицам Петька, дразня дворовых собак. По пути помог монтеру, который налаживал линию телефонной сети, размотать моток проволоки, попросил у него когти залезть на столб, но тот отказал, и Петька обозвал его тумакон. Потом заглянул в парикмахерскую, проболтал несколько минут с бывшей десятикласской. Она все уговаривала его пройти в кресло и «привести в порядок прическу». Пообещала даже подеколонить. И все без денег. Но Петька, отогрившись, поторопился отказаться от этих услуг, так как считал свою прическу не хуже, чем у других, даже без одеколона.

Петька взял билет в кино, потоптался среди немногочисленных зрителей и один из первых вошел в зал. Он сразу устремился в угол, где потемнее и где, по его предположению, будет мало зрителей. Петька поднял воротник и прикрыл глаза. Кто-то сел рядом, но он не обратил внимания. Нежное комнатное тепло хорошо натопленного клуба приятно ласкало тело, и, сморенный им, он стал всхрапывать едва ли не с первой части фильма, незаметно для себя привалившись плечом к соседу.

— Ты, что, спать, что ли, сюда пришел? — недоброльно оттолкнул тот Петьку.

— А тебе какое дело? — проснувшись, огрызнулся Петька. — Сопишь потихоньку? — и поспыливает.

— Хулиган! — раздраженно бросил сосед и отвернулся.

— Сиди-сиди! — пробубнил Петька. — Тоже мне культурный нашелся! — привалился другим плечом к спинке сиденья, и вскоре опять посылалось его легкое с пассивом похрапывание.

К концу сеанса Петька неплохо выпался и к выходу шагал бодрый и в отличном настроении. У выхода он столкнулся с Сергеем Можаруком, бывшим од-

ноклассником, худым и болезненным «очкариком». Петя стоял перед ним, что-то склонив к груди голову, некоторое время с удивлением разглядывал его, потом облизнул и обреченно захлопал по выпирающим из-под пальто острым лопаткам.

— Хоттабыч! Каким ветром? Почему не в школе? — Гриппу, — словно по секрету, тихо сообщил Сергей. — Все на работе, а я в кино сбежал, — застенчиво улыбнулся он и все поправлял очки, укладывая их на переносице.

У Сергея были светлые с реденькой голубиной глаза и сливавшиеся с цветом лица брови. В первые минуты Сергей заметно радовался встрече с Петей, но потом стал рассеянно поглядывать на крыши домов, на проросших...

— Слушай, Хоттабыч! Заглянем в буфет? — предложил Петя. — У меня есть на пару кружек пива.

— Ты же знаешь... Я не могу...

— А я что? Я могу, да? — обиделся Петя.

— Ладно, пойдём, — после некоторого колебания согласился Сергей.

Некоторое время они шли молча. Петя искал поглядывать на Сергея и все гадал, почему он согласился пойти с ним, копытным хулиганом, но куда-нибудь, а в буфет. Узнает отец, дальше двора гулять непустит.

— Позеленел ты, Хоттабыч. Как выкрасили.

— Гриппу же...

— Ты всегда такой.

— Может быть, — снова засмущался Сергей и потянулся протирать запотевшие очки. Ему неприятно было сознавать, что он такой тщедушный и хилый, что у него дынеобразная, сплюснутая с двух сторон голова и что он часто болеет, как никто в классе. — Папа говорит, чтобы я спортом больше занимался, плаванием. Наверно, школьной физкультуры мне не хватает, — вздохнул Сергей и остановился, когда Петя проткнул дверь станционного буфета. — Не пойду.

— Ты чего? — опешил Петя. — То пойду, то не пойду.

— Не хочется мне...

— Как знаешь, — пожал плечами Петя и захлопнул дверь. — А мне с тобой поболтать хотелось...

— Не в пивной же.

— Ну, какой ты мужик, Сергей! — искренне посочувствовал Петя. — Читай газеты. В них что говорят? Хорошо поболтать за кружкой пива.

— То для взрослых.

— Я пионерские не читаю. У тебя паспорт с собой?

— Дома...

— Также мне, ребенок с паспортом! — добродушно усмехнулся Петя и хотел уже добавить: «Вон какой вымахал!», но промолчал, смерив глазами почти детскую фигуру бывшего одноклассника. — Ну, так что, заглянем?

— А может, на пруд пойдем? — несмело предложил Сергей. — Я тебе покажу вмерзших в пруд лягушек?

— Гожю.

Сергею показалось, будто Петя очень уж охотно согласился прогуляться на пруд. Или, может быть, его действительно заинтересовали лягушки, которых, как он помнит, тот всегда ненавидел до отвращения?

— На прошлой неделе Дед мне по физике двойку закатил, формулы я попутал, — с огорчением сообщил Сергей.

— Он так, он не посмотрит, что отличник! Дышит есё!

— На пенсию собирается.

— Он еще с осени собирался. При мне, — с ноткой довольства сказал Петя, радуясь, что и он еще кое-что помнит о школьных делах.

— Не могу понять, почему ты перестал учиться? — спросил Сергей.

— Сам не пойму. Так получилось, — откровенно ответил Петя. — Не хотелось по литературе и сочинениям двойки хватать. Только и слышнши: родителей вызовом. Попробуй вытерпи! А по школе иногда скучно.

— Ты и на следующий год не пойдешь? — полюбопытствовал Сергей.

— Опять двойки хватать и записки таскать родителям! Нет уж! — раздражась, ответил Петя. — Пусть другие мозги себе засоряют. Надо главным предметам обучать, к примеру, чтобы в день по пять уроков физики. А та-а-а! — И Петя презрительно махнул рукой. — Пойми, голова, дело-то к чему прет. Ученых больше становится, а неученых скоро по пальцам будешь считать. Газеты читай! А кто, извини за выражение, доски из вагонов выгружать будет, дома строить, дороги? Ученый? Держи руки шире! Он на такую должность ни в жизнь не согласится! Поэтому, чуешь, как у простого работника зарплата растет? Мой папан очисняется рублями в полтора раза больше, чем твой Спиридон Иванович, и на мозги жаляется только с похмелья! То-то, старик! — И Петя, победно выпитив подбородок, ускори́л шаг.

Сергей хотел ответить ему, но не знал, что, да и боялся, как бы Петя не назвал его снова ребенком с паспортом.

Под сильными, уверенными шагами Петки лопался и проваливался выжатый морозом снежный наст. За спиной остались крайние дома поселка, высокая водонапорная башня из красного кирпича и постройки недавно укрупненного автомобильного гаража.

— Красиво здесь летом! — остановившись на берегу пруда, мечтательно произнес Сергей. — Я летом почти никогда не простужаюсь, потому что каждый день загораю здесь. Хороший у нас пруд, большой, озеро настоящее.

— Дед Андрей говорит, в войну он раза в два больше был и все берега в деревьях.

— Они и сейчас в деревьях. Видишь на том берегу самый высокий оскорь? В прошлом году я на верхушку залез!

— А чего тут страшного? Я прыгал с него. Как грохнулся спиной об воду, аж три лягушки животом вверх всплывли.

— А ты как?

— И я тоже. Выдули. Еле отдышался!

— Я слышал, — восхищенно глядя на Петку, произнес с тихой завистью Сергей. — С верхушки никто не прыгал — убиться можно.

— Можно, — подтвердил Петя. — Как залез на него, прыгать расхотелось, в коленках залопило. А слезать еще страшней — внизу хихикают.

— А я думал, ты ничего не боишься. Все так думают.

— Так и есть, — хвастливо ответил Петя. — И ты так думай...

— А ты говорил...

— А ты не слухай...

Сергей как-то странно посмотрел на Петку, даже очки снял и вздохнул.

— Мне почему-то с тобой хорошо, — сказал и засомневался.

— Это ты Любке говори, — резко ответил Петя и, оглядывая пруд, добавил задумчиво: — Широкий. И глубина в некоторых местах метра четыре...

— Пойдем в заливычье лягушек смотреть! Разгребем снег, лед ладонями отшлепем — все на дне видно будет.

— Ну их к пешему, — отмахнулся Петя. — Чего на них глазеть? В школе насмотрелся. Режут их

там ученики и радуются, как сердце живое бьется. Нет бы пристыгнуть, а потом уж распаривать.

— Так надо, — пожал плечами Сергей. — Зря ты ушел из кашего девятого.

— Возможно, — неопределенно ответил Петька.

— Не вернешься?

— Не вернусь.

— Плохо. Сейчас всем нужно учиться, — неторопливо говорил Сергей, добавив для большей убедительности: — Век такой.

— А ты знаешь генератор инфракрасного излучения?

— В институте узнаю.

— А я уже знаю...

— Странно. А не хочешь учиться.

— Я хочу знать то, что меня интересует, и давай не будем больше о школе.

— Хорошо, не будем, — согласился Сергей. — Пошли?

— Пошли.

В поселке, недалеко от своего дома, Сергей, загоровшись какой-то идеей, сказал:

— Ты приходи ко мне!

Петька весь подобрался, нахилился и с некоторой обидой проговорил:

— Как же! Так и разрешил твой отец в гости меня звать!

— А ты приходи! Не бойся! Папа ничего не скажет. Он такой. Хотя сейчас пойдем! — торопливо стал уговаривать Сергей, беспокоясь, как бы Петька не отказался.

— Нет, сегодня не пойду.

— Ну, тогда всего тебе доброго, — прощаясь, протянул руку Сергей.

— Ступай. Свидимся еще, — буркнул Петька и зашагал в сторону своего дома.

Но домой Петька зайти не решился, отец мог не пойти на работу, у него хватало отгулов, и он по необходимости оформлял их «задним числом». Психит оставшуюся мелочь, Петька поднял повыше воротник и, ссутулившись, направился к магазину. Что-то жалкое и печальное было в его согбенной фигуре. За день ботинки промокли, и по Петьиному телу все чаще пробегал озноб. Петька купил дав зачерствевшие булочки и бутылку молока. Все это он рассказал по карманам и пошел за магазином, где стояло много пустых ящиков и где можно было хоть немного спрятаться от ветра. Ел он неторопливо, равнодушно оглядывая прохожих. Многие показывали на него пальцем и что-то говорили. Петька не хотел да и не старался звать их.

Маленькая бродячая собачонка с обвисшими сосульками шерсти, пробегая мимо, остановилась, затем, беспокоясь перебирая передними лапами от голодного нетерпения, поползла к Петьке. Загнанные плаксивые глаза собачонки виновато смотрели на него. Ну, чем она провинилась перед ним? Слабая, брошенная, забытая. Она даже боялась случайно тявкнуть и разозлить человека. Петька осторожно протянул руку и погладил вздрагивающую собачью морду.

— Иди ко мне, иди, цуцки. Жрать хочешь? Это мы митом.

Петька отпил полбуточки, смочил молоком и сунул под нос собаке. Та напряженно вытнула шею, трусливо взяла хлеб и жадно набросилась на него, терзая немощными челюстями. Петька поднялся с ящика на прозябшие ноги и пошел прочь, не замечая луж. За ним, не отставая, семенила короткими кривыми ногами обезлая промерзшая собачонка.

Из города, визжа буксующими колесами и грохоча расшатанными бортами, катил старенький грузовик с одиноким пассажиром в кузове. Пассажир сидел на жиденьком слое соломы спиной к кабине, поджав к груди длинные, с острыми коленками ноги. Сбоку от него, ближе к левому борту, сиротливо валялся тугο набитый школьный портфель с крапинками ржавчины на хромированном замке. На замке можно было различить нацарапанное гвоздем или еще чем-то острым: «Андрей Самарин».

— Андрюха, — высунулся из кабины молодой парнишка-шофер. — Тебя к дому подвезти или на станцию, к матери? Я в ту сторону еду.

— Лучше к дому, — глухо ответил Андрей и пододвинул портфель поближе к ногам, уставившись на него грустными, невидящими глазами. Потом его взгляд, растерянный и обреченный, приподнялся над бортом машины и упал куда-то на окраину города, где заметно отсвечивала белизной пятиэтажная средняя школа.

«Эх, папка, папка! Что же теперь будет?» — подумал Андрей и вздохнул со стоном, как только может вздохнуть человек, съедаемый внутренней физической болью, особенно если его никто не видит и не слышит и когда нет надобности скрывать ее. Кажется, впервые Андрей почувствовал себя не только одиноким, но и маленьким, беззащитным существом, которое всякий похода может обидеть или неосторожно раздвинуть. Нет, впервые он так подумал о себе после того, как в прошлом году в феврале похоронили отца и в доме без него стало пусто и страшно — вероятно, от мысли, что он должен представить себя взрослым, и не только представить, но и стать им раньше, чем предполагалось в мечтах. Теперь он и на забор, и на сарай, и на весь дом по-иному смотрит: не заменить ли прогнившую доску, не торчат ли на крыше ржавыми шляпками повылезшие гвозди. И все это было так трудно, что приходилось удивляться, когда он успевал и с работой по дому и с учебой в школе...

Память снова вернула Андрея в февральскую зиму прошлого года. Вспомнились ему сорвавшийся с высокой дорожной насыпи тяжелый отцовский грузовик и отец, выброшенный из кабины на острые камни, с неестественно вывернутыми руками и окровавленной головой. Его широко раскрытые остеклевшие глаза вопрошающе усталились в небо. А жесткий морозный ветер с воем закручивал снег и кутал в поземку его тронутые седной волос. В углох глаз, возле переносицы, уже не таявшие, росли белые комочки...

Андрей глуже натянул сползшую потертую кроличью шапку, шмыгнул носом и глянул через плечо на приближающийся рабочий поселок у железнодорожной станции. Мать теперь ошнцает стрелки на железнодорожных путях ото льда и грязи и, уступая дорогу, провозжает с метелкой и ломиком в руках суетный маневровый тепловоз. Вечером приблизит домой усталая, холодная, расстегнет выдавшую виды телогрейку: «Тепло-то как у нас!» — и улыбнется, благодарно глядя на сына за отопленную печь. Потом про школьные дела его спросит, не опоздал ли утром на уроки, и останется довольной, если он ответит, как обычно: «Ну что ты, ма!» Затем подойдет к нему с доверчивой улыбкой и робко так скажет: «Мне бы, сынок, в дневнике расписаться...» «Среда же, ма!» «Ничего, сынок... Я там, где суб-

бота», — и медленно начнет листать еще не обогрешившиеся пальцами дневник, подолгу рассматривая не такие уж и редкие пятёрки на его страницах.

Машина зарылась в туман, проковыляла по узкой дороге на плотине пруда и въехала в поселок. Андрей, не дожидаясь, пока шофер притормозит машину, на ходу, одним махом соскочил с левого борта возле небольшого с зелеными ставнями дома со свороченником под коньком и выше колен утонул в наметенном у изгороди сугробе. Шестилетняя сестренка Светка прильнула к синеватому стеклу и увлеченно гладела, как известный всем ее подругам Шарик драгст со своими сородичками.

— Светка! — пригрозил пальцем Андрей. — Слезай с подоконника! Кому говорят!

Услышав голос брата, Светка радостно трянула бесемыми кулачками и вдруг приплюснула розовый язычок к влажному стеклу. Андрей снова с напущенной строгостью погрозил пальцем и только после этого вошел через покосившуюся за зиму калитку во двор. Взглянув его скользящую по льдистой дорожке и остановился на поникшей копне сена. Последнее доедала корова. Дверь сарая приоткрыта, низом вмерзла в лед, верхняя петля едва держалась на двух гвоздях. Андрей с трудом протиснулся через проем внутрь сарая, долго искал среди железного хлама молоток и клещи, но так и не нашел и даже не мог вспомнить, куда он положил их на прошлой неделе, когда ремонтировал ступени крыльца.

В дальнем углу сарая сиротливо стояла автомобильная покрывка с порванным наискос протектором.

«Это когда мы с папкой дизельные моторы в совхоз возили!... «Учись», — говорит, — сынок, управляй машиной», — и уступил место за баранкой на степной дороге. И Андрей, как первоклассник карандашом на бумаге, виллал на грузовике до тех пор, пока не напоролся на забытую кем-то у дороги и перевернутую вверх зубьями борону. Гулко взорвалась передняя покрывка. Андрей от неожиданности бросил баранку и с испугом посмотрел на отца. Тот покровительственно усмехнулся, успев перехватить баранку, и крикнул почти в самое ухо Андрея: «Слезай, мужик! Покрывку менять будем!»

Отец вложил в его руки большой ключ и длинную трубу, которую использовал как рычаг для отворачивания и заворачивания прикипевших резьбой гаек, а сам закурил.

«Открути пока гайки».

И Андрей откручивал, до седьмого пота, с писком и скрежетом. Изматался и устал, но был откровенно счастлив, когда последнюю из гаек положил на землю. Отец же, худой и высокий, с приспущенными от долгой шоферской работы плечами, покуривал в стороне и, довольный, смотрел на сына.

«Ну, как труд шоферский?» — подошел к Андрею, вытер его потное лицо и ласково потрел по лобной голове. «Ничего, папа. «То-то — ничего. Но баранку, брат, крепче держат надо. Она, как жизнь, промахов не прощает. По малому или по большому счету, но ответ придется за все держать...»

...Не успел Андрей прикрыть за собой дверь, как Светка прямо от окна зовым колоколом брослась к нему, и он легко подхватил ее на руки, отнеся при себе, что Светкино платье в белых оборках было когда-то ярко-красным, а теперь от многочисленных стирок потеряло цвет, на локтях и груди серыми островками показались изрезанные нитки. И в этот момент он снова почувствовал себя правым в своем решении, о котором еще придется рассказать матери.

— А почему ты так рано пришел из школы? Ты дневник забыл, да? — затараторила Светка. — Я так и знала — ты вернешься за ним. Я тебе пятёрку в дневнике поставила. А потом себе и маме...

— Я вот тебе поставлю! — незлобиво пригрозил Андрей, огрубляя голос до отцовского, и опустил Светку на чистый, с разбросанными игрушками пол. — Есть хочешь? — спросил, вешая короткое пальто и шапку на вешалку возле двери и поправляя на крайнем кресле отцовский плащ-дождевик. Андрей у порога снял полуботинки и прошел к большому, недавно выделенной русской печью, отодвинул заслонку и ловко подцепил ухватом чуточку со щами. — Садись, Горячие!

— Не хочу, — надудала Светка, представив, как ей придется выплывать горький поджаренный лук и укладывать на край тарелки. — Я молоко с плюшкой ела.

— Садись и ешь! — строго, как, бывало, отец, приказал Андрей и смешно выпятил губы.

Светка заметила у брата белый клинчик зуба, похожий на мышьяк, как на картинках, не выдержала и прыснула в кулачок, затем исподлобья, с опаской посмотрела на Андрея, на его вздрагивающие при еде брови. Ей иногда нравилось танцевать к ним ложкой, потому что они шевелились, как лямчатые гусеницы. Но наедине с Андреем, без матери, она побоялась это сделать: а вдруг он, как папа, поставит ее в угол, заведет будильник и скажет: «Как зазвенит — выйдешь. Прощенья не проси — ты уже несколько раз просила, и я тебе не верю». А когда в углу стоишь, часики так медленно-медленно тикают и совсем не хотят звенеть.

— Тарелку после себя помой, — попросил Андрей Светку, — а я подремлю немного, и я направилась в переднюю комнату, но в это время хлопнула входная дверь, и на кухню ввалился Петька Вьюн. Он был в залатанной телогрейке, в серой фуражке с нелепо длинным козырьком и огромных, наверное, отцовских сапогах с голенищами выше колен. С круглого затылка Петьки в куцый воротник телогрейки рыжей лопаткой уперлись густые волосы. Бегаю по сторонам хитрыми насмешливыми глазами — нет ли дома матери Андрея? — он наконец протянул Андрею небольшую толстопалую руку.

— Я видел, как ты с машины ахнул! Здорово, профессор! — и улыбулся во весь свой большой рот, будто не видел Андрея по крайней мере с месяц. — А я вижу — приехал. Ты мне вот так нужен! — И Петька, закрыв на секунду глаза, перехватил пальцами горло. — Все магазины облизал! Одно тлдоняст: нет и не будет в ближайшее время. Индюки! — выругался Петька. — Проволочное сопротивление на сто восемьдесят от сто восемьдесят раз в «Эфире» заказывал. Забываю! У тебя есть?

— Пороюся. Зайдешь попозже.

— Ты на продавца «Эфира» смахиваешь. Зайди попо-озже! — передразнил Петька и с обиженным видом засунул руки в карманы.

— Ладно, — нехотя согласился Андрей, — посиди, я сейчас. — Он вышел в коридор и вскоре вернулся с маленьким ящичком. — Смотри сам. Может, подберешь что, — равнодушно бросил Андрей, прошел к столу и насухо стал протирать его тряпкой. Петька по-хозяйски расположился у порога: снял телогрейку, расстелил ее на полу и, пригвоздив: «Зто мы сейчас! Это мы мигом!» — выиспал содержимое ящичка на телогрейку. Некоторое время Петька с полуоткрытым ртом разглядывал груду зеленых, синих разных деталек, потом начал осторожно раскладывать их тонким слесем, чтобы можно было рассмотреть каждую в отдельности и отобрать нужную.

Но как ни копался, подходящего сопротивления он не нашел, лишь отложив в сторону несколько подстрочных конденсаторов и два триода, что по сравнению с остальным содержимым ящика выглядело чуть ли не верхом скромности.

Когда Петька приподнял голову, он почувствовал, как неприязненно смотрит на него Андрей.

— Ты же просил проволочное сопротивление!

— Ну! — уловив недоброе в голосе Андрея, нахилился Петька и выкидательно прищурил глаза.

— Насколько я понял, ты не нашел его. Положи все на место, — холодно сказал Андрей.

— Жмись! — медленно вставая, проговорил Петька с видимым усилием простительно добавил: — Ну, хотя бы один триодик... Вот этот. — И он покрутил между пальцев черную детальку с тремя проволочными усиками, напоминающую внешне первый спутник Земли.

— Так и быть — бери. Все бери! И ящик и все, что в нем, — раздраженно выпалил Андрей и повернулся, чтобы скрыться в другой комнате.

— Ты не психуй, ты обожди, — неуверенно начал Петька, не зная еще, радоваться или нет такому неожиданному подарку. — Я ведь не принуждаю тебя, я прошу...

— Бери, чего уж... — Более спокойно сказал Андрей и снова подошел к Петьке. — Какой из меня теперь радиолобитель. Я, Петька, из школы ушел...

— Ты что?... Как ушел?..

— Так вот... Совсем ушел, — неожиданно разоткровенничался Андрей, хотя они никогда не были друзьями.

— Как совсем? Выгнали? — недоверчиво переспросил Петька.

— С чего это — выгнали! Сам ушел.

— Ну, ты дае-ешь! — И Петька перестал улыбаться. — А в общем, молоток, — подумав, добродушно похвалил он и прислушался, не шумит ли где в коридоре, не прибежала ли, случаем, с работы мать Андрея проводить Светку. После того, как Петька бросил школу, она запретила ему приходить сюда. — Что толку учиться? Вон мой папан... Аттестат зрелости отхватил, два года в институте проучился, а все равно грузчиком вкальвать пошел. И ничего! Двести рублей заколачивает!... — Петька на некоторое время замолк, вспоминая что-то, потом добавил: — А я вот, как школу бросил, так он меня ремнем пупцевал по соответствующему месту. Однажды пришлось из дому убежать, в стог соломы ночевал...

— Помню, улыбнулся Андрей. — Тебя тогда наш участковый милиционер из омета за штаны вытаскил. Ну, и орал же ты!

— Поорешь... — несколько смущаясь, ответил Петька. — Отец теперь саданет по затылку — и звезды в глазах. Заперл почти не трогает, ждет, когда подрасту, чтобы деньги шел забирать. А я не терпеливо, вкальвать всегда успею.

— Балабон же ты, Петька! Деньги... Конечно, без них нельзя. Но мучили вся жизнь в деньгах?

— Ты мне про жизнь не толкуй, ты про нее ничего не знаешь. И я не знаю. Папан говорит, жизнь — сложная штука, ее раскусти надю. Папан не раскусти, а мы с тобой и подавно. Закурить можно? — И Петька, не дожидаясь разрешения, достал пачку папирос. — Держи! Настоящий мужчина должен курить. Я вот уже без курева не могу — слюной исхожу, — приврал он.

— Давай попробую, — не отказался Андрей и закурил, делая, как Петька, глубокую затяжку. Голова закружилась, на глаза накатились слезы. — Эх и дерет!..

— А ты покорооче, покорооче, — стал объяснять Петька. — Разве так можно по первой? Поначалу надо чуть-чуть вдыхать, а потом все как по маслу пойдет. Смотри! — И он покосил настоящую мужскую затяжку, выпустив под конец к потолку плашущие крендели дыма. — Ну как? Коронный номер!

— Здорово, Петька! Кто тебя научил!

— Дядя Федя! — самодовольно улыбнулся тот, бросив окурок к печке и полупешотом добавил: — Дело есть!

— Какоет..

— Деньги нужны? Нужны. Мой папан говорит, что твоя мать без мужика-то совсем заматалась. Сообщишь?

— Не очень...

— Эх, ты, профессор! — снисходительно усмехнулся Петька. — У меня трюк есть. Понай! Бутылки сдал. У тебя во дворе тонкая труба метров десять длины. Я тебе деньги — ты мне трубу. Гожо?

К Петькиным делам Андрей не испытывал никакого любопытства, и даже таинственный шепот Петьки не заинтриговал его. Андрей решил: продать или не продать трубу и пригодится ли она в скором времени по хозяйству. И еще он думал, что три рубля — деньги небольшие, но за них можно купить Светке новое платье. Это было бы как раз в пору, весна наступила. А Петька уже держал деньги наготове и нетерпеливо переминался у порога, готовый в любую секунду сорваться с места и сбегать: приближалось время обеда и могла прийти мать Андрея, да и не терпелось получить рассмотреть содержимое ящика.

— Забирай трубу!

— Гожо. Ну, бывай! — Петька удовлетворенно бросил Андрею растопырившую палец и толкнул дверь в коридор, откуда пахнуло весенней сыростью и терпким запахом веников.

Андрей облегченно подумал, что наконец остался один. Сейчас ему никто и не хотелось видеть. Особенно большое беспокойство он испытывал от предстоящей встречи с матерью. Ведь она еще ничего не знает. Не знает, как в канун Нового года он, почему-то робея, подошел в конце уроков к преподавателю физики Спиридону Ивановичу и сообщил о своем намерении бросить школу. Страшно расстроившись, Спиридон Иванович кричал тогда на него и, не желая выслушивать объяснения, поспешил к директору школы. А на другой день Андрей уже сидел в кабинете директора и, запинаясь, доказывал, как необходима его помощь матери, стыдливо сплетывая слова о постоянной нехватке денег в семье. А когда кончил, уперся глазами в стол, чтобы ничего не видеть, и ждал, что скажет директор, в душе надеясь: может, он разубедит его. Но директор, поднявшись из-за стола, отошел к окну и долго смотрел на улицу, будто совсем позабыл про Андрея. И когда он вдруг заговорил, директорский кабинет, и шумная школа с длинными коридорами, и школьные друзья будто отодвинулись от Андрея и стали по другую сторону какой-то невидимой, но непреодолимой линии.

— Мне нечего тебе возразить, Андрей, как ни жалко терять хорошего ученика. Но не откладывай, раз решил, сразу же иди в вечернюю школу...

Каким же чужим показался себе Андрей, закрыв дверь директорского кабинета. Везде те же знакомые девочки и мальчишки, подирая спинами стены школьного коридора, панически зурбят в перемешку недочтенные уроки, прохажив устале преподаватели с журналами и учебниками под мышкой. Все они останутся здесь, а он уйдет. И от этого становилось тоскливо и одиноко.

После разговора с директором прошло довольно много времени, но ни Спиридон Иванович, ни директор не напоминали о нем, хотя Андрей по-прежнему продолжал учиться в школе. Его не страшил работа, но лишь та, которую он знал или наблюдал со стороны. А похода только и увидишь, как вагонные слесари не спеша идут вдоль длинного железнодорожного состава и постукивают молотком по чугунным колесам, чтобы не пропустить трещины в них; или наблюдаешь работу грузчиков на складах да еще стрелоючик. Как же все это скучно и неинтересно. Другое дело — завод. В последнее время Андрей замечал, как все чаще и чаще какая-то таинственная, еще не осознанная сила тянула к нему, и все не решался признаться себе в этом. Возможно, боялся. Проходя городскими улицами, иногда он будто случайно сворачивал к заводу и шел вдоль его нескончаемого каменного забора, словно старелся привыкнуть к этой громадине из корпусов с арочными крышами и высокими трубами, уходящими в небо. А на следующий день, утром, едва протерев глаза после сна, он отыскивал глазами портфель возле стола и думал, что вот снова возьмет его и отправится в школу. А мать тем временем не знает, как растянуть на месяц свою зарплату. Андрей не раз замечал, что чай в ее стакане не всегда был достаточно сладким. Мать сваливала на зубы, болей, мол, стали, но Андрей-то знал, как они у нее болели...

Андрей взял книгу и лег на диван. Взгляд его скользнул по стене, оклеенной светлыми обоями, и остановился на фотографии отца. В черном костюме, с галстуком, скульпстный, он выглядел несколько неестественно. Андрей помнил его в жизни не очень строгим. Только глаза, глубокие и серьезные, остались теми же. Андрей любил их и боялся. Вот и теперь они смотрели на него открыто и упрямо, будто спрашивали: «Вот, значит, учишься! Думашь неучем за станок встать или за баранку сест? Ша-лишь, брат! Скоро и шоферам высшая наука потребуется!»

Андрей отвернулся.

Скрипнула дверь, в комнату кто-то вошел. По радостному Светкинскому вострому Андрей понял — мать. Вот сейчас она войдет, добрая и тихая, станет сразу теплой и легкой. Нет, нет! Тажесть! Ведь ей нужно рассказать обо всем! Вот сейчас промолвит она в шифоньер толстый пуховый платок — подарок отца к Октябрьскому празднику — и, как всегда, скажет сыну, утопив прохладные огрубевшие пальцы в его спутанных волосах: «Ты бы причесясь, сынок. В школе не ругали?» Она почему-то всегда думала, что его ругают преподаватели, хотя он уже и не помнит, когда в последний раз получал двойку.

— Ты почему не в школе? — совсем рядом раздался негромкий удивленный голос матери.

Андрей встал, высокий, поникший и, не глядя на мать, пробормотал:

— Ушел я... Работать пойду, — сдвинул брови и переносицы и отвернулся.

Мать встрепенулась, руки ее, словно хорона что-то дорогое от надвигающейся беды, взлетели к груди.

— Тебя исключили? — спросила она, все еще с надеждой глядя в затылок сына: а вдруг услышалась, вдруг сын просто шутит с ней.

— Скажешь тоже, — с обидой, не поворачиваясь лицом к матери, ответил Андрей и торопливо, опасаясь, как бы не перебили, застали: «Понимаешь, мама, я уже взрослый, помогать буду. Тебе трудно одной без папы».

— Что ты, сынок! — испуганно запротестовала мать, и на глазах ее показались слезы. — Ты должен вернуться в школу! Отец не простил бы нас!

— Работать пойду, — тихо, но упрямо сказал Андрей и осторожно высобачил руки.

Наверно, впервые мать услышала в его голосе жесткие нотки. Сын стоял насупленный, раскрасневшийся от волнения и с жапостью глядел на мать, на ее шершавые, в ссадинах руки, на землмстые морщины возле глаз. А какой она казалась красивой и молодой, когда был жив отец!

— Не плачь, мам... Я буду учиться. В вечерней... Около двена, прижавшись спиной к стене, стояла Светка и молчаливо прислушивалась к разговору. Мать попросила ее пойти погулять на улицу и все ждала, пока она оденется и выйдет. Увидев дочь через окно, мать снова вскинула глаза на сына, но в этот момент что-то грузный и тяжелый, громыхнувший дубовой дверью и поскрипывая половицами, затоптался возле вешалки.

— Эй, хозяйке! Дома, что ль?

— Дома, — наскоро вытирая слезы ладонью, ответила мать и пошла на кухню. — Проходи, Федор.

— Эх, Викторич! Опять я к тебе пришел! — пробасил Федор, идя за ней в кухню, и со стуком опустил на стол поллитровку «Экстры». — Больше года уж хожу. Плачь не плачь — не вернешь... — Погорелос плотноту слюно и продолжал: — А я вижу — идешь. Ну как не заглянуть. Скажу я по тебе. Ты, Нинка, баба что надо. Без мужика тебе никак нельзя... Выпьем, что ль, по махонькой. Я сяди себе выходной прописал, — и хохотнул, радуясь, что смог обойти кого-то и увильнуть от работы. — Собрази-ка стакан и луковку.

Нина Викторична со скрытой досадой достала стакан и луковку и села в стороне на край стула. Скрытая, немногословная, она еще при жизни мужа невзлюбила Федора, но встречала каждый его приход с бутылкой молчаливо и почти безразлично.

Погорелос с присказкой «Ну, будем» в два глотка опорожнил стакан, крякнул и шумно потянул носом. Крупная луковича захрустела у него на зубах.

— А что, Нинка, — пьяная, смелой заговорил Федор, — твоё дело вдове, не пригласил ли меня позжее ночью двумя-тремя словами перевербосье? Оно ночью-то сподручнее для разговоров разных.

— Отчего позожее? Можно и сейчас. — Нина Викторична оглянулась, закрыла ли дверь в переднюю, и подолавинулась к столу. — Чего откладывать? — устало проговорила она, уже не в силах скрывать неприязнь, тем более, что все мысли сейчас были о сыне.

Почти со дня смерти мужа Федор Погорелос не давал ей покоя. Часто в ночную смену видела он его одинокую, горой надвигающуюся из темноты, сутуловатую фигуру. Обычно хмельной, подойдет, усядется на рельс и курит, курит. Тоже ведь не сладко больше житье. Как умерла жена, уж: без малого три года прошло, опустился Федор, разляк, на подолы бабын стал поглядывать, шаяло от хмельной одури. К Нине Викторичне он относился особенно, с уважением и даже с некоторой робостью. При встрече с ней, пытаясь заговорить, но чувствуя с ее стороны холодок, безразлично уходил воясье, если, конечно, не был пьян. Видно, чем-то запала она в его заскорузную душу, поставила перед ним невидимый барьер, который он не решился переступить. Нередко заглядывая Погорелос и в дом Самарных, но из-за натороженого отношения к нему Андрея обычно долго не задерживался, боялся, как бы Нина Викторична не запретила ему приходить.

— Ну, что ты злишься на меня, — продолжал Погорелос. — Что Пашка погиб, а я живой! Может, и меня завтра вагоном шибанет, колесом хребет перережет. Так что ж теперь?

— И шибанет, Федор. Слабый ты. Водкой горя не зальешь, а новое кажить легче.

— Зальешь — не зальешь, а оно как-то на время спокойнее на душе. Одиночество, холод домашний забываются. По неделям ведь не топлою.

— Какого еще тебе спокойствия надо? Или у тебя смирно по лавкам за полу тнут, или угла своего нет? Иperi зароботке.

А что угол без хозяйки? Высырел уголок! — Погорелой налил второй стакан, вылил залпом, и тяжелая голова закаталась на шею. К закуске он не притронулся.

Отходчиво бабье сердце, и Нина Викторовна с острой жалостью почувствовала что-то общее между собой и Погореловым.

— Эх, Нинка! — И жесткая ладонь Погорелова как бы невзначай легла на колено Нины Викторовны. — С такой бабой, как ты, всю жизнь бы свою перепрокинул! А одному-то как оно! — Погорелов неуверенно встал за спиной Нины Викторовны и неловко объял ее за плечи. — Дом продам, хозяйством одним зайвем. Хошь — ко мне переберемся...

Нина Викторовна встала и вяло отстранила Погорелова.

— Андрей школу бросил...

— Не пропадет. Не всем институты кончать. Ты о себе подумай. Года, как ветер... Бабий век короток. Не успеешь оглянуться, а он и кончился. Кому нужна-то будешь! — и так крепко сжал руку Нины Викторовны, что та неловко охнула.

— Пусты, Федор! Пусты!

Но Погорелов лишь на секунду разжал пальцы, пытаясь левой рукой обнять Нину Викторовну.

— Уходи, Федор! — выкрикнула Нина Викторовна, безуспешно стараясь выпряться из грубого объятия Погорелова. — Уходи!

— А ну, отваливай отсюда! — пригрозил вбежавший в кухню Андрей. В его руках рогатился ухват.

— Но-но! — отступая боком к двери и нащупывая правой рукой шапку на вешалке, будто предупреждая, проговорил Федор. — Не испугаешь! А у матери тоже одна жизнь! — И Погорелов вышел, на прощание презрительно глянув на Андрея.

Через несколько минут Нина Викторовна, сказав сыну, что она сегодня на четыре часа задержится на дежурстве, тоже ушла. Андрей бросился на диван и закрыл лицо руками, а в ушах все продолжал рожокать голос Погорелова: «А у матери тоже одна жизнь».

Уже поздно вечером, уложив Светку спать и оставив на кухне непогашенным свет, чтобы, если проснется, не испугалась в темноте, Андрей оделся, как обычно одевался в школу, и вышел на улицу, закрыв дом на замок. Он еще не знал, куда пойдет, но одному оставаться в доме не хотелось, появилось смутное желание с кем-то поговорить, посоветоваться, хотя и зл — такого человека после отца не существует. К тому же до сих пор не решил, куда пойти на работу. Попробовать на завод?

Споткнувшись об опендежную кошку, Андрей остановился и осмотрелся. Темная улица обезлюдела, за всю дорогу ему, кажется, не встретился ни один прохожий. Почти в каждом доме желтели подвешенные электрическим светом окна, но свет от них не доставал до дороги, рассеивался в палисадниках или вязнул в густых зарослях сирени.

Заглянуть к Сергею Можаруку? Рядом как раз его дом. Им часто приходилось решать вместе школьные задачи. Сергей решал их с завидной легкостью, и, наверно, потому одноклассники, жившие в поселке, часто заглядывали к нему за помощью, а то и просто так, поболтать о пустяках, послушать новые музыкальные записи на магнитофоне.

Андрей уже повернул к дому Можарука, с крыльцом и четырьмя окнами на улицу, но около калитки остановился, почувствовав вдруг себя чужим там, среди своих одноклассников. Он завтра не будет сидеть с ними в классе, а после уроков не покатылся наперегонки со школьной горки на собственном портфеле... Нет! Лучше в клуб! Где музыка и танцы, где много взрослых.

У входа в клуб Андрей снова встретился с Петькой. Тот стоял, опершись плечом о столб. Из длинной черной трубки, стиснутой зубами, перед Петькиным носом вытаскивался грязно-серый дым.

— Эх и калдо! — удивился Андрей. — Прямо труба паровозная!

— Я ее, понимаешь, — ткнул Петька в жерло «паровозной трубы», — у цыгана одного выменял и специальной смесью начинил, чтобы курилась по-настоящему. А папиросы что? Никакой видимости.

Как ни старался Петька свободно держать трубку во рту, она у него прыгала и моталась, изрыгая дым и пепел. Он поправил зеленую кепку, подкрутил и без того лихой рожок чуб и с неодобрением посмотрел на Андрея.

— Ну, и шмотье на тебе — уголек разгружает!

— А ты что, на свиданье собрался?

— Угадал, — усмехнулся Петька. — Ждал тут одну.

— Ну и как?

— Как видишь... А в клуб неохота — не люблю эти танцы.

— Гнал бы домой. От скуки.

— Думаю...

— Я бы на твоём месте не думал — развернулся и пошел.

— Думаю, как бы триста рублей сотворить. Ты не займешь?

— Смеешься.

— И никто не займет, — обреченно проговорил Петька. — А жаль. Лет через пять, честное слово, отдай бы. — Он со злостью вlepил в стенку клуба плевач и зашагал в темноту, а Андрей пошел в клуб.

Он пробрался в дальний угол зала, сел на свободный стул и без всякого интереса стал наблюдать за танцующими.

Некоторые кивали ему головой, приветствовали улыбкой. В клубе действительно было много его знакомых. Среди танцующих он увидел и одноклассницу Любу Новосильцеву, самую красивую среди девочек класса. В нее были влюблены все без исключения и, может быть, чуть больше остальных Андрей Самарин. Ему нравились ее синие озорные глаза и тонкие каштановые волосы. Когда она украдкой бросала на него взгляд на уроке, он краснел и отворачивался, не замечая, как ее губы вздрагивали от счастливого беззвучного смеха, который она торопливо прятала в кулак. Андрей сидел на первой парте и, чтобы не оглядываться, открывал створку окна так, что Люба хорошо была видна в оконном стекле.

После этого Люба уже не замечала робких взглядов на уроках и очень злилась. О своей тайне Андрей не говорил никому, а Люба стала посылать ему короткие злые записки...

Люба вынырнула из-за спины долговязого парня и едва не столкнулась с Андреем.

— Вот уж не думала, что ты придешь на танцы!

— А я случайно зашел, — ответил Андрей.

— Как же, — перестав улыбаться, с некоторой иронией сказала Люба. — Ты теперь человек занятый, в рабочий класс подаешься. И никому ничего — тайно!

В голосе Любы прорывалась обида. Что мог ответить ей Андрей? Рассказать, как стало трудно в семье без отца, и вызвать сочувственную улыбку? Да и вообще не так уж и плохо у них.

— Это никому не интересно.
— И мне?
— И тебе.
— Ты стал удивительно легкомысленным человеком, а мы в классе все тебя считали серьезным.
— Считали, значит...

— А как же ты думал? Велика ли мудрость — бросить школу. Мне тоже ужасно надоело учиться, но, увы, без среднего образования высшего не получишь.

— Дважды два — четыре. А какое ты хочешь высшее? — не без умысла спросил Андрей.
Люба опустила ресницы, чтобы скрыть минутную растерянность.

— Не важно, какое. Высшее — и все.
Андрей взял Любу за руку и, выбрав момент, вошел в толпу танцующих.

Люба аскинула глаза на Андрея и долго молча рассматривала его, отметив про себя, что он похудел, держится независимо и делает вид, что она ему безразлична. Это разозлило ее, и она поняла, что не успокоится, пока не проверит.

Люба косилась глаза в сторону, заколебалась на секунду и затем ловко подставила голову под работающий, как поршень, локоть долговязого парня. Удар пришепнул в затылок. Люба тотчас остановилась и закрыла лицо руками, украдкой наблюдая за Андреем. Андрей молча смотрел на Любу. Смотрел на нее и долговязый, часто моргая подслеповатыми, близорукими глазами, и виновато повторял:

— Извините, пожалуйста! Так много народа... Извините...

А Андрей все молчал и растерянно смотрел то на Любу, то на парня. Наконец Люба медленно отняла руки от лица, вспыхнула негодуяще и выкрикнула Андрею:

— Трус! Жалкий трусишка! — Круто повернулась, гордо, трянула длинными, до плеч, волосами и направилась к выходу.

Андрей ничего не ответил и отошел к окну, чтобы посмотреть, куда и кем пойдет Люба. Он так и не увидел ее; вероятно, она прошла в другую сторону. Домой он возвращался один. И надо же сказать такое: «Трус!» А если бы он ударил того парня, ушла бы Люба? Возможно, и не ушла бы. Но за что бить парня?

Андрей уже почти дошел до дома, когда решил вдруг проведать мать, зайти к ней на работу. Он представил ее с метелкой на тускло освещенных железнодорожных стрелках, одинокою и маленькою, и конечно, с мыслями о нем, и ему стало страшно, когда представил, как мимо нее на зеленый огонек светофора, не сбавляя скорости, прогрохочет, рождая ветер, тяжелый товарняк, и ей не устоять рядом: захлестнет тугою струей, как веревкой, и швырнет под колеса. Андрей невольно ускорил шаг, затем побежал, часто спотыкаясь в темноте о затвердевшие гребни снега.

Он знал все закоулки на окраине рабочего поселка и не сомневался, что безошибочно выйдет на выходные стрелки или на будку. Скоро уже должны прорезаться в темноте зеленые или красные огни светофоров. Он только успел подумать об этом, как увидел их: сначала один красный, потом еще и еще — значит, станция забита товарняками. Андрей перепрыгнул через сливной ров, нога скользнула по шпале, и он неожиданно для себя упал на щебенку, услышав откуда-то близ и красною светофору:

— Кто тут? По пути — пойдите направо!
— Это я, мам... сиушенно поднимаясь с земли и отряхивая пальто, ответил Андрей и добавил, оправдываясь: — Скользко здесь. Не пришла еще сменщица?

— Не пришла. Дома у нее что-то.
— Метелка у тебя, мать, совсем жиденькая. Я нарежу завтра новых прутьев.
— Нарезь, сынко. Последняя метелка-то пообтрепалась вся, а на складе нет.

— Я с утра пойду, как светать начнет, — осторожно сказал Андрей, вслушиваясь в зачистившее после его слов дыхание матери.

Она ответила не сразу. Андрей не видел ее глаз, хотя она и смотрела на него и, как показало ему, смотрела очень долго, все еще не решаясь сказать главное. Ведь завтра утром он мог бы идти в школу и никто бы там не напаломил ему о взятый накануне справке, что он учится в девятом классе.

— Иди... с утра, сынко.

— Тебе помочь?

— Я управилась. Все уже помычено, повычищено, а заносы кончились. Вот гляжу, как бы не зарынилось чего, стрелку бы не заклинило, — неторопливо говорила мать, и Андрей почувствовал в ее успокаивающемся голосе доверчивую надежду, что он не подведет. И было невозможно жутко от мысли, что все решилось так просто: будто кто-то по его желанию передвинул стрелки и без всякого удивления сказал: «Ты хочешь в эту сторону? Катя!» А в «этой стороне» было все ново и все неизвестно, и «катить» пока еще не представлялось как... Ты иди, сынко, иди. Светка теперь, небось, от страха в одеяло с головой прячется.

Андрей не стал петлять по закоулкам пристанционных построек и пошел между двумя составами — так короче и надежней. Услышав во второй раз предупреждающий голос матери: «Поосторожней, сынко! Скоро на подходе!» — он оглянулся, но уже не смог различить в темноте ее маленькую фигуру, даже зеленый огонек светофора заслонился густым туманом.

Андрей шагал, едва не касаясь плечом товарных вагонов. В тишине слыuche шуршала мелкая щебенка. Ему нравилось, как мимо него медленно проплывала неподвижная гора вагона или округлые баки нефтяной цистерны. А вот открытая платформа, плотно заставленная контейнерами. На одном из них то ли высоко задранная доска, то ли кусок жести, оторвавшийся от крыши. Андрей уже хотел поймать в темноте слезит следующего вагона, вдруг непонятный предмет на крыше исчез, и не было слышно ни звука, ни шороха. Это показалось несколько странным. Неужели человек? Тогда почему он на крыше? Зайцами удобней добираться в тамбурах: и тепло и безопасно.

А может быть, и не было никакой доски, просто почувдился ему?

Не отрывая взгляда от подозрительного контейнера, Андрей на ощупь подобрал несколько крупных камней и побросал их по одному: первый недалеко от себя, потом все дальше и дальше по направлению к станции, и стал ждать. Доска на контейнере появилась снова и стала похожа на человека, стоящего на коленях.

Андрей стало страшно, что-то противно ноющее поползло по всему телу, и не было сил двинуться с места.

— Ты... ты чего там?... тихо спросил Андрей и сжался от сознания, что в ответ движут его чем-нибудь тяжелым, но, к его удивлению, человек поднялся во весь рост и посмотрел вверх.

— Ты... и думать-то ты это. Камушки бросаешь... проговорил человек знакомым голосом. — Я за тобой давно одним глазом слежу. Думаю, чего он тут шастает! Ха-ха! Лезь ко мне. Здесь обозрениче, я тебе скажу, и камушки бросать поточней можно, не по колесам.

— Это ты, Петька?..
 — Ну, я..
 — А чего ты там?
 — Кто-то лису дохлую на контейнер бросил. С вечера вожусь, никак шкуру не сдеру. Мерзлая..
 — Не врешь?
 — Мне никто не верит, а я не жалею,— бодро ответил Петька.
 — Она не протухла? — с некоторым сомнением спросил Андрей.
 — Я ее жарить не собираюсь. А шкуру с хвостом директриса клуба просила достать. Говорит, в кино бесплатно пускать будет..
 — А-а-а,— удовлетворенно промолчал Андрей и, смеясь в душе над своими страхами, стал взбираться на борт платформы.— Дай руку, контейнер какой-то скользкий..
 — Не смеши. В рабочий класс подаешься, а на крышу подсадить просишь!
 — Я так... Заледелено все.
 Андрей скользил по стенке носками ботинок, бился коленями, подтягивался на руках почти на уровне крыши, но так бы, наверно, и не влез, если бы не помог Петька. Поднявшись, осматрелся и заметил под ногами Петьки вместо лисы гвоздодер и дрель..
 — Ты это... зачем? — указал Андрей на инструменты.

— Будто не знаешь,— с иронической усмешкой ответил Петька.— Что, перетрусил! Пройдет. Понимаешь, от весовщика случайно узнал, транзисторы в контейнере привезли. Мне всего пять штук, по шесть червонцев за каждый. Возьму верняком! Как?

— Не хочуй!
 — Тебя никто и не заставляет.— Петька презрительно плюнул с крыши на землю.
 — И ты уйдешь отсюда, понял! Уидеешь!
 — Не ори! — пригрозил Петька.— А то пополам перешью!
 — Я не ору,— чуть тише сказал Андрей, покосившись на гвоздодер в Петькиной руке.— Я матери стрелки помогал чистить, чтоб поезды... А ты грабитель!

— Ну, ты, помягче! — процедил Петька сквозь зубы.— И проваливай, пока цел, к мамкиным стрелкам. Да чтоб без треп! — предупредил он.— На всякий пожарный твои отпечатки здесь остались.

Андрей понуро слез с крыши и действительно зашагал в сторону световоров, где работала мать. Он боялся оглянуться, может, потому что слишком страшным показался в руках Петьки гвоздодер.

Когда ломаная тень Андрея пропала в темноте, Петька еще несколько минут стоял неподвижно, чувствуя, как страх перед неизвестностью охватывает его. Длинные железнодорожные составы будто колыхались в темно-мастовом воздухе и безмолвно надвигались на Петьку. Почему они так давят на него? Ведь он не раз катался в тамбуре до соседней станции и днем и ночью. И было совсем не страшно, когда какой-нибудь железнодорожник гонял его с палкой «от головы до хвоста» поезда. А он смеялся взахлеб: попробуй догони самого быстрого и ловкого среди мальчишек поселка!

Он весь напрягся, как пружина, упрямо боднул головой темноту и сел на край крыши, асфальтивая в знакомые шумы станции. Уловил в темноте шаги и поспешно распрягся на крыше, головой в ту сторону, откуда доносился шорох щебня. Гулко и часто стучало сердце, словно пыталось оттолкнуться от ржавой крыши контейнера. Шаги приближались. Петька настороженным взглядом выхватил из темноты фигуру человека и еще плотнее прижался к кры-

ше. Кровь заколотилась в висках, в голове звенело. Человек проплыл совсем рядом, унося с собой размеренный хруст щебня. Облегченно вздохнул, Петька привстал на колени, осматрелся и взял дрель. Послышалось тихое шуршание сверла, словно в зернохранилище заскреблась мышь. Петька решил сверлить несколько отверстий подряд, чтобы потом проделать гвоздодером дыру в крыше контейнера.
 — Петька! — неожиданно услышал он недалеко от себя дрожащий, приглушенный голос и замер.— Где ты!

Приподняв голову, Петька заметил Андрея и шумно выдохнул:

— А-а-а! Вернулся. Залезь по-быстрому!
 На этот раз Андрей забрался на крышу без помощи Петьки, отыскал у него под ногами гвоздодер и дрель, молча взял и швырнул в соседний вагон с углем.

— Так будет лучше, Петь.
 — Ты чего?.. Сдурел? — И Петька, порывисто дыша, вплотную подступил к Андрею.
 — Петька! Ты же комсомолец!
 — Механически выбыл!
 — А совесть?
 — Заткнись!
 — Уйдем отсюда! — негромко, но требовательно прозвучал голос Андрея.

— Ты чего пристаешь! — И Петька стал угрожающе надвигаться на Андрея.— А ну, катись!

— Не уйду!
 — Не уйдешь? — И оба, сцепившись, глухо упали на крышу контейнера. Замелькали кулаки, загрохнула крыша. Шумно сопел Петька, от его злых ударов сдавленно постанывал Андрей. Не удержавшись, они сорвались с контейнера и упали на щебень. Охнув, Петька отвалился в сторону, а Андрей, поднявшись и не взглянув на него, неторопливо пошел по направлению к станции. Петька выкрикнул ему вслед:

— Ну, обомлел! Я тебе сделал! — Он покажал, что, падая, оказался под Андреем и больно ударился о щебень. А то бы у него была хорошая возможность проучить этого мамкиного сына.

И все же, несмотря на боль в боку, Петька ощущал какую-то непонятную радость. Уж не потому ли, что не вскрыл контейнер и завтрашний день будет таким же, как вчерашний, и все будет по-прежнему называть Петьку Вьюна просто хулиганом?

Глава III

То ли от легкого весеннего морозца, то ли от первого прилетевшего скворца, высунувшего голову из нового скворечника, Петька ощущал такой прилив силы, что, казалось, перемахнет двухметровый забор без разбега или на полном ходу товарища взлетит на подножку. Петька даже представил, как он лихо одолевает забор, за которым его встретит городской тренер по прыжкам в высоту и приглашает к себе в секцию, пророча ему титул олимпийского чемпиона. И вот он уже видит себя во главе спортивной делегации, его показывают по телевизору, и поселковые ребята с Андреем Самаринным и Любкой Новоскопцевой завистливо таращат глаза, слушая диктора, который на весь Советский Союз и на весь поселок объявляет: «А это на ваших экранах идет наш новый олимпийский чемпион Петька Вьюн, взявший с первой попытки целых два с половиной метра. Прыжок двадцать первого века...»

— Ну, в кого ты такой уродился! — оборвал Петь-
гины мечты голос матери. — Я дров жду, а он стол-
бом стои!

— Мама, как думаешь, забор я перепрыгну?

— Тебе калитки нет? Мне чтоб сейчас же дрова у
лечки были!

— Сказал — наколю, значит, наколю. — Петька
взял топор и оглядел кучу напильных с — осени
чурбаков, в беспорядке лежавших у сарая. Он ото-
брал несколько, бросил на середину двора и взгля-
нул на мать. — Чего раздетая вышла? Застынешь.

— Я привычная. Смотри, топор слетает, ненаро-
ком бы в голову не угодил.

— Не слетит. Я топориче расклиню.

Петька установил устойчивой шишковатый чур-
бак, полпал на ладони и занес топор за спину, че-
рез голову.

— Не карауль, мам, а то зашибу! — и с легким вы-
дохом вознил лезвие топора в надтреснувший верх
чурбака.

— Ты его оставь, Петюш. Не раскролю. Вишь, он
какой крепкий.

— А я что — слабак? — И Петька, собравшись в
единий комок мускулов, с натугой поднял чуть по-
выше головы топор с чурбаком, развернул обухом
к земле и ударил в пень, на котором кололи дрова.
К Петькиным ногам легли сучковатые половинки.

Часть наколотых дров Петька отнес в дом, оста-
вшиеся сложил в коридоре. Матери их хватил ддя
на два. Мелькнула мысль сходить к деду Авдею, он,
наверно, дома. Как бы он не вспомнил про лед у ко-
лонки. Петька забыл поколоть его. Надо ночью,
чтоб никто не видел. А что если сейчас?

Петька открыл калитку, посмотрел, нет ли кого у
колонки, появился в нерешительности, затем схватил
приставленный к воротам лом и побежал колоть
лед. Частыми, торопливыми ударами взламывал
трудноперодолимую для деда Авдея «высотку». Острые
пласты льда, которые мешали работать, Петька
отшвыривал ногами.

— Давно бы так, внучок! Не все шалопаем быть.
Вот и за ум взялся.

Бабка Матрена, поставив ведро и уложив на них
кормышко, выжидающе стояла за спиной Петьки.

— Не за ум, а за лед.

— А я иду и думаю, — усаживаясь на переверну-
тое ведро, начала рассуждать бабушка Матрена, — кто
это нашу колонку обхаживает? Няняся али как?

— Угадала. По рублю со двора.

— Ишь какой приткий, за денги-то. За такую-то
уймичу и я смогу. Каждый день али как?

— По средам и пятницам, — продолжала торопли-
во скальывая лед, ответил Петька.

— Везет тебе, Петька, пра, везет, — с завистью
всплеснула руками бабушка Матрена. — У нас, поди,
к этой колонке, никак, дворов сорок ходят. Ден-
жища-то какава.

— Оно ничего, да отец ругается, — бодро ответил
Петька, скосив взгляд на обратившуюся в слух бабуку
Матрену. — Говорит, стыдился бы стариковским де-
лом заниматься.

— Пра, внучок! Святые слова отцовские! — Бабка
Матрена приподнялась в напряжении и подумала:
«За такие-то денги все лето аржаным хлебом поро-
ся кормить и кормить». — Ты уж уступи место, вну-
чок, старухи ради! — простиенным голосом запи-
читала она, подступаясь к Петьке.

— Тяжело-о!

— Нешто не справлюсь? — И руки бабуки Матрены
жадно ухватились за лом.

— Тогда коли, — как бы милостно, но с неохотой,
согласился Петька. — Зарплату у дяди Феди Погоре-
лова получать будешь. Утром, в понедельник! — уже

на ходу крикнул он через плечо, некоторое время
с усмешкой наблюдая, как бабушка Матрена старатель-
но ворочает тяжелым ломом.

Петька смело постучался в дом Новоскольцевых.
Он знал, что в нем, кроме деда Авдея, никого нет,
мать и отец Любки на работе, а сама она в школе.
Дверь открылась не сразу. Петька ждал долго, пока
не услышал шаги в коридоре и сухое знакомое покаш-
ливание. Заскребав крючок в петле, и в приоткрытую
дверь высунулась седенькая голова деда Авдея.

— Как здоровье, дедуль?

— Да хожу помаленьку. Ну, сказывай, хитрая бе-
стия, зачем пришел?

— Про самолет узнать...

— Про какой-то такой самолет? — нахлотившись, пе-
респросил дед и, чтобы поверней слышать, приста-
вил к уху задргающую ладошку.

— Ты же мне рассказывал. — У Петьки вкралось
сомнение, не рассказал ли ему дед успанную от ко-
го-то историю. — Ну тот, что в пруд упал?

— Понятно — рассказывал, — удовлетворенно от-
ветил дед Авдей и стал застигивать верхнюю пугови-
цу на рубашке. — Эх, как меня пронимает. Видно,
помру скоро, Петька. В такое-то солнце тепла не
чую. Заходи в дом.

— Дедуль, пока погода теплая, сходим на пруд, а?

— Это по какой надобности? — насторожился дед.

— Ты мне самолет покажешь. Где упал.

— Ну, чего ты задаешь? — спросил дед. — Самолет? —
всплыл дед. — Упал и упал. Мало ли нас попадало
за войну-то, поди, и косточек не осталось.

— Дедуль! Ну, одевайся, я тебя на улице подожду,
— продолжал нетерпеливо упрашивать Петька,
легонько заталкивая в коридор деда Авдея.

Закрыв за ним дверь, он сел на крыльцо и подумал,
как было бы здорово найти самолет и узнать
имя погибшего летчика. Может, у него родственни-
ки где и отец жив, такой же старенький, как дед
Авдей. Вот здорово будет! А летчику в поселке па-
мятник поставят, высокий белый обелиск с макетом
самолета на вершине. И на крыльях звезды. А Петь-
ке за это вручат путевку на поездку в Москву, в му-
зей Советской Армии.

— Слышь, Петька, — послышался за спиной дедов
голос, — дорога-то, поди, заделена, не дойти мне.

— Дедуль, я же с тобой.

Петька, придерживая за плечи деда Авдея, помог
ему спуститься с крыльца и выйти со двора на ули-
цу. Когда они уже шли по утоптанной вдоль забора
тропке, Петька запоздало смекнул, что их путь про-
ходит как раз мимо колонки, где трудится бабушка Ма-
трена. Поглядывая то на шаткие дедовские ноги, то на
бабку, тыкавшую тяжелым ломом в ледяные нады-
бы, Петька с опаской ждал встречи. Предложить де-
ду пойти на пруд другой дорогой он не решился,
как бы совсем не отказался, но и предстать, что
дед Авдей пройдет мимо бабуки, не перебросившись
с ней двумя-тремя словами, просто невозможно.

— Как пить дать, бабушка Матрена около колонки
кренделя выписывает.

— Она... — неохотно подтвердил Петька.

— Я и говорю. Никак, штукует! — Дед Авдей да-
же губами почмокал от удовольствия, но потом на-
хмурился и посмотрел на Петьку. — Знать, не поко-
лол горку-то, — сказал с обидой. — О мертвых пе-
чешься, а о нас, стариках, не думаешь. Оно, конечно,
Матрене-то воды таскать не перетаскать. Сколь-
ко живности в хозяйстве: и корова, и свинья, и гуси.
Одних курей, считай, полста наберется. Ни один ба-
зар без нее.

Петька, поддерживая деда под руку, пытался уско-
рив шаг и побыстрей уйти от колонки. Он чувство-
вал, как стал упираться дед Авдей, голова его с ост-

рым, посиневшим носом, словно флюгер, упорно держала направление на бабушку Матрену.

— Бог помоги, Матрена! Что это ты, а? Никак, за доброе дело взялась?

— Чего, платить будешь?

— Знаю, ходишь, — подтвердил дед Авдей. — Кхе, кхе, кхе! Ишь, сколько намахал!

— Тяжело, Авдейюшка, руки выламывает, а все прибавка к пенсии.

— Прибавили мне пенсии, уж какой раз тебе говорю — прибавили, — заворчал недовольно дед Авдей. — Ты ей про кучера, она те про лисаеда. Тыфу ты, мать те в горькую! — ругнулся он, порываваясь подойти поближе к колонке.

— Пошли, дедуль, — крикнул Петька на ухо деду и добавил: уше тише: — А то она меня за гусей кормыслом приложит! — И потянул за собой упиравшего деда.

Тот долго ворчал на бабушку Матрену и лишь возле плотины, переводя дух, успокоился. Что-то вдруг мягким светом пролилось в старческих глазах деда Авдея, пролилось и погасло. Он медленно и неуверенно сел на выступавшую из снега коряжину на берегу пруда, положил натруженные руки на острые, выпиравшие из брюк колени и долго, вздрагивая головой и плечами, смотрел на белое, почти не исчеркаемое следами ледяного покла. Петька не мешал ему, не торопил с рассказом. Пусть поживет дед Авдей хотя бы в памяти той жизни, которую не привелось увидеть Петьке и его сверстникам.

— Вот она, судьбинюшка солдатская. Идешь-идешь и не знаешь, где ляжешь, и никто над твоим прахом слезы не обронит. Вот здесь он и лежит, Петька, — указал дед Авдей ближе к тому месту, где плотина подходила к берегу, рядом со ставком, через который местные жители годами спустили воду из пруда на огороды. — А ежели рассудить, мог и дале к середине лечь. Где стоишь ты, окоп мой был. Как раз окоп тебе. Не только мне пришлось увидеть, как он одного с крестами срезал. С крестами-то за станцией свалился, опосля его ребятишки на игрушки растащили, а наш-то сюда, выходит. — Дед Авдей вздохнул, уставившись невидящими глазами в безмолвный лед пруда. — Так мне водой и окатило с ног до головы. Я ить его, сердешного, до самой земли провожал. Авось выпрыгнет, помочь там. А он так и вошел... в самолете... Без вести пропавший...

— Я его найду, дедуль! Честное слово, найду! А это не бомба упала, дедуль? Которая водой тебя?

— Эх, внучок, внучок! — укоризненно покачал головой дед Авдей. — Что вчера было — ветерком в памяти проносится и следа нет, а что в жизни войной тронуто — крепкими узелками завязано. Умирать буду — вспомнится. Она ить меня, война-то, вдоль и поперек железом изездичила. Када мне не веришь, Саньку криво спроси, — обижено закончил дед. — Он поближе меня сидел.

— Какого Саньку?

— Как же ты Саньку не знаешь? — с упреком проговорил дед Авдей. — Федькин Погорелова старшей братьянык.

— Как не знать! Он заходил к нам!

— Ну и поспрошай его, коль знаешь. Промерз я с тобой тут. Приду домой, и погореть нечем, старуха все попортила. — Дед Авдей, похрюхывая, выпрыгивал и повернулся лицом к поселку.

— Дедуль, я сбегал! У меня два рубля есть!

— Цыц! — сердито прикрикнул на Петьку дед Авдей. — Прежде ходить по земле научись, а не за бугорками бегать!

В этот же день Петька отыскал дядю Саню Погорелова, и, к великой Петькиной радости, тот почти полностью подтвердил рассказ деда Авдея.

Глава IV

С утра начало припекать солнце, пробуждая угномонившиеся с вечера ручки. Закаisel набухающий влагой снег. Со старых, с пролезающих крыш станционных складов по сосулькам стекала вода.

Петька в расстегнутом демисезонном пальто в поисках дяди Федя пригнал по шпалам к станции. Лицо его раскраснелось, в глазах пузырилась радость. Застланное узурчатой коркой льда лужи он перелезая с ходу. Не беда, что высушенные за ночь ботинки опять полны водой, а мокрые штанины брюк липли к икрам. Полный вперед! Сегодня у него настоящие дело, и, наверно, потому весь день обещает светить солнце. Только что он отослал на пруд несколько знакомых четверокошек, они понесли туда трубу, которую он купил у Самарина, и лом, взятый со двора. Нужно еще хотя бы пару ломов, но никто из соседей не дал ему, и тогда он решил найти дядю Федю, который должен быть где-то на станции, и попросить у него. Поиск дяди Федя он начал с пивной, но там его не оказалось. Похмелился и ушел, как сообщил буфетчик. Петька не унывал. Он знал все тайники и закоулки обширного станционного хозяйства, где бы мог уединиться и «промочить» горло дядя Федя. Обследовав дальние склады, Петька наконец увидел его. Тот разгружал вагон, наверно, по просьбе начальника станции, так как был воскресный день и бригада грузчиков не работала. Возле массивной двери склада, пригравшей на солнце, дремал веселый — приемщик грузов, а дядя Федя — вся спина в сахарной муке, — похрюхывая, переносил мешки.

Петька прислонился бокон к просящейся стене склада и стал укордкой наблюдать за работой грузчика. Ему нравились смотреть, как многословные мешки с сахаром легко взлетали на спину дяди Федя, словно невесомые пуховики.

«Силён!» — восхищенно подумал Петька.

— Эх-на, разогнись, спина! — заметил Петьку и словно любящей своей работой, воскликнул дядя Федя. — Помогай, заработок поделим.

— Мне бы пару ломов, дядя Федь.

— Чего-о! Ломо-о?

— Ну да, ломов, — повторил Петька. — Лед колоть. Погорелов отряхнул руки, разбудил весовщика, сказав, что придет минут через двадцать, и снова обратился к Петьке:

— Что ж отец, не мог ломами запастись? Такое-то хозяйство...

— Был один, — затерялся, — сорвал Петька и пошел вслед за Погореловым к насхп спеленной пристройке у соседнего склада.

Получив ломы, он с некоторой нерешительностью взглянул на Погорелова, потер нос и сказал:

— Дядя Федь...

— Опять чего-то?

— Мне бы рублей пять, дядя Федь...

— Ишь ты — пять рублей. А как отдавать будешь?

— Папан на кино часто дает. Сэкономлю.

— Экономный какой. Смотри — не напейся.

— Что ты, дядя Федь. На табачок пойдешь, — сказал Петька, торопливо пряча пятерку в карман.

Он еще не знал, куда и как потратит ее, но пятерка лежала в кармане, и от этого как бы прибавляла самостоятельности: можно сходить на танцы, угостить знакомую девочку мороженым и пополнить запас табака для трубки. Кстати, не забыть зайти в магазин за леденцами для пацанов.

С кульком леденцов Петька затерялся к пруду; четверокошки были давно уже там и жаждали его.

Неожиданно повстречалась Любка Новоскольцева. Синеглазая, веселая, как всегда, она стояла перед ним, облизывая кончиком языка капризные губы.

— Петя? — с некоторым удивлением встретила она его. — Почему ты с ломами? На работу устроился?

— Да так, — неопределенно ответил он и поинтересовался: — Что-то я деду Авдее не вижу. Не болеет?

— К сыну в город уехал. На неделю.

— А ты чего там делаешь? — Петя долго подыскивал нужное слово, — расфранчен?

— К Сергею иду. Потом в город поведем. В театр. — Нашли куда, — презрительно усмехнулся Петя. — А я вечером на хоккей поеду. Это тебе не то что фифочек разодетых смотреть.

— Не пойму я тебя, Петя... — Любка заправила выбиившийся локон под шерстяную спортивную шапочку. — Всегда один и один. Скучно быть одному, правда?

— А ты к моему настроению не беспокойся. Оно у меня, как небо: то ясное, то в облаках. Переменчивое, в общем, — усмехнулся Петя и поставил ломы торчком в снег.

— Ты все шутишь.

— А чего ж не шутишь? Время есть. Это у вас все — шнеллер да шнеллер. А я сам себе указка.

— Тебе, конечно, хорошо шутить. Ты в школу не ходишь — уроки не учишь. А тут каждый день графики замучили.

— Ха! — тряхнул Петя вихрстым чубом. — Что же ты тогда не бросишь школу, как я? Так сказать, не возьмешь продленные каникулы для поправки здоровья? Мама не велит!

Любка молчала, поглядывая то на свои лаковые сапожки, то на Петю, потом вдруг резко ответила: — Дурак ты, Петя! — и сама испугалась: такого оскорбления Петя ни от кого не потерпит, даже от самой красивой девочки класса.

Но Петя только презрительно усмехнулся.

— Во-во! Петя — дурак. А Любка умная, она в институт метит, и дед Авдей носит ей воду мыть красивые ножки. А ну, катись, кукла, пока нас не выдернут! — И Петя, нагнувшись грудью на Любку, захлебнулся от душившей его ярости.

Со страхом глядя в злые Петянины глаза, Новоскольцева попятилась, повернулась и побежала. Уже с безопасного расстояния она крикнула:

— Хулиган! Тебя скоро в тюрьму посадят!

Петя не сдвинулся с места, он лишь плюнул под ноги и направился на окраину поселка, к пруду. Уже издали он заметил суетившихся на льду ребяташек. Когда подошел ближе, они с криками «ура!» устремились к нему и наперебей стали рассказывать, где пробрили лунки и какой толщины лед.

— Сколько луноч пробрил? — спросил Петя.

— Пять. Через три метра, как ты и говорил.

— Гожо, — похвалил Петя и быстрым шагом пошел на середину пруда мимо горок свежесколотого льда; рядом с ним гурьбой бежали ребяташки. Петя обследовал каждую пробитую лунку и снова похвалил: — Гожо. Еще штук пятьдесят продавим — хорош. Осилим?

— Оси-илим! — дружным хором ответили ему.

— А где ваш командир? — поинтересовался Петя.

— Колька за плотной. Проволоку ищет, трубу прочищать.

— Хорошо. Ты будешь его заместителем. Значит, у нас три лома. Получается на каждый лом по четыре носа. Собираетесь?

— Так точно, собираемся! — И рука мальчишки ткнулась ладонью в шапку.

— Действуй! А я пойду намечу, где лунки бить...

Петя вынул из кармана перочинный нож и, считывая шагами расстояние, стал чертить на льду круги. К одному из них уже подбежало четверо ребяташек, и самый проворный принялся долбить ломом лед, а остальные за его спиной нетерпеливо ждали своей смены.

Пока Петя размечал лунки, кто-то из пацанов услужливо принес стул и поставил возле лунки. Командир Колька приволок из-за плотной проволоку, очень длинную и погнутую, которую тут же, возле Петин, стал выпрямлять о коленку и заталкивать в трубу. Лед на пруду гудел от стука ломов. Разгоряченные работой ребяташки поспинали пальто и варежки, лед из луноч выгребали голыми руками. Простив трубу, Колька по распоряжению Петин отнес в каждую группу по горсти леденцов, быстро вернулся и устроился на собственной шапке возле Петин. Тот сидел на стуле, следил за работающими и курил свою знаменитую трубку. Вначале он думал отослать Кольку в какую-нибудь группу, но, паразитив, оставил возле себя. Он понимал, что все это игра, но очень уж интересно было почувствовать себя полководцем.

Через некоторое время стали подходить командиры групп, потные и счастливые; они с радостными глазами докладывали о выполнении задания, плотно сгрудившись вокруг Петин. Тот встал, с торжественным видом вручил Кольке, как обещал, трубу и, посоветовав, чтобы начинал с первой лунки, снова ушел на стул. Ребяташки дружно подцепили трубу и затолкали одним концом в прорубь. Другой конец крепко держал Колька.

— Отходи! — приказал он и, подождав, пока все немного отодвинется от проруби, начал дуть в трубу, кося глазами на поверхность воды — не покажутся ли пузыри. Они обязательно должны были появиться, потому что Петя предсудительно наскверил почти до половины трубы на ее стенках небольшие дырочки.

— Ура-а-а! Пошли-и-и! — ликующе закричали ребята, заметив, как запузырилась вода.

— Дуй в следующую, — приказал Петя. — Да чтоб пузырей побольше. Бельмекаешь?

— Бельмекаю.

Петя уже не замечал суетившихся ребяташек, казалась, что ему нет до них никакого дела. Его больше заинтересовал приближающийся к ним незнакомый мужчина. Как бы кто из мальчишек не оказался его сыном, тогда от скандала не открутишься. А посмотришь — с виду добрый дядьком. Видел он таких добряков!

— Уверен, передо мной большой любитель природы.

— Любитель, — нехотя ответил Петя, разглядывая мужчину и словно оценивая, помешает ему тот или нет.

— Приходи к нам на Коммунарную. Я запишу тебя и твоих ребят в активисты по охране рыбных богатств. Молодцы! Рыбу от замора спасаете.

— Ха! Мне эта рыба — как твоей престарелой теще велосипед!

— Что-что? — ошелевший мужчина от такого ответа и некоторое время растерянно смотрел на нахально усмывающегося Петю, потом взглянул на ребяташек и снова на него. — Ну, конечно. Я не по адресу обратился. Ты не из тех, кто дружит с природой.

— Лю-би-тель, — с презрением проговорил Петя и пустил длинный шлейф дыма в спину мужчине, повернувшегося к ребяташкам.

Вскоре Петя услышал, как тот спросил их:

— Что-то я не пойму, ребята, чем вы занимаетесь? Не припомню такого метода...

— А мы по очереди рыбам кислород через трубу

вдуваем. Петька говорит, когда пузыри поднимаются, рыбки их хватают и дышат. Петька все знает! — отвечает один из ребят.

— Какие же вы несмышленики! — с ноткой покровительства и сочувствием сказал мужчина. — Любый ученик должен знать: вдыхаем что? Кислород! А выдыхаем углекислый газ.

— Смотрите кто. Уж вы дыните — угореть можно, услышали все насмешливые Петькин голос.

Оскорбленный мужчина, бормоча что-то о воспитании, зашагал прочь.

Часа два ушло на то, чтобы вдуть в каждую лунку «кислорода», но Петька терпеливо ждал, хотя ему, как он признался, совершенно искренне прохожему, было не до рыб. Главное было сделано, по всему пруду пробито более пятидесяти лунок, а одному ему такую работу за один день, конечно бы, не осилить.

— В последнюю вдудил! — еще не отдышавшись, с довольным видом доложил командир Колька, отстраняя руками сверстников, чтобы никто из них не мог ближе подойти к Петьке.

— Гожо. — Петька встал со своего тронного места и пожал Кольке руку. — На сегодня, я думаю, хватит.

— Мы еще хотим по разу в каждую прорубь поудить! — чуть ли не хором запротестовали ребяташки.

— Идет, — после некоторого колебания согласился Петька. — Но пока отнесите ко мне все три лома, побейте, а после дуйте, сколько влезет... Командир Колька, строй отряд, и на обед.

— А ты оставишь?

— Остаюсь. Трубу караулить. В случае, если меня не будет, отлучусь куда, я ее за плотинкой в снег закапаю. Найдет! —

— Найде-е-е! Ура-а-а! — И ребята, похватав ломы, наперегонки ринулись в поселок, оставив далеко позади командира Кольку.

Петька выждал, когда шумливая толпа ребят скрылась за домами, взял трубу и изо всех сил вогнал ее в прорубь. Десятиметровая труба вошла лишь наполовину. Петька и раньше знал, что даже на середине пруда не слишком большая глубина, в пределах четырех метров. Петька орудовал трубой, как ломом, прощупывая дно пруда. Он переходил от лунки к лунке, возназ трубу вертикально, под углом, стараясь по возможности не пропустить ни одного квадратного метра неисследованного дна. Вода потемнела уже во многих лунках, и Петька стал сомневаться в том, что сможет найти самолет. Он стал склоняться к мысли, что дед Авдей просто ошибся или, еще хуже, придумал. Петька сбросил пальто, шапку, пиджак, его уже покачивало от усталости, когда вдруг труба ударились обо что-то твердое. Петька сделал несколько осторожных тычков в подозрительное место и, убедившись, что не ошибся, повалился боком на снег. Так он пролежал несколько минут, неотрывно смотрел на лунку и грыз кушочки льда. Потом встал, пошатнулся от усталости и побрел к берегу, подобрал у одной лунки шапку, у другой пиджак и пальто.

«Вот повезло! Рядом с плотинкой лежит!»

Привалившись спиной к старому оскоро, Петька долго потирал рукавом лоб и все смотрел на издырявленных лунками пруд. «Надо спросить деду Авдея: воронки от снарядов такие же, как лунки, или нет? — подумал Петька, но тут же поспеялся в душе над своей наглостью. — Снаряд жажнет — весь пед к небу подымается, а уж оттуда, — усмехнулся, — в виде мокрого дождя и снега».

Петька еще раз бросил короткий взгляд на пруд и направился в поселок, но через несколько шагов резко остановился и снова, после секундного коле-

бания, вернулся к лунке, в которой торчала труба. Будто еще сомневаясь, он поворошил трубой по дну, несколько раз наклонно вогнал ее в ил, потом вытащил и отбросил на несколько метров в сторону. Если бы кто был рядом, мог бы услышать, с каким облегчением вздохнул Петька.

«Выходит, не выдумал дед Авдей, — заключил Петька. — Если так, то нужно сгонимый плот. С лодкой дело рывається».

Еще Петька подумал, что неплохо бы найти ребят здоровых и сильных, как он. А одному поднять не под силу. Может быть, и удастся что-то придумать, но на придумывание и на подъем уйдет уйма времени, что никак не увязывалось с его планами. Петька покопался в памяти, кому бы можно доверить тайну, но, к своему удивлению, подходящих друзей у него не нашлось. И это расстроило его до такой степени, что он остановился и с тревогой подумал о своем неожиданном, неприятном открытии. Петька почувствовал отчаянное одиночество: некому рассказать о тревожных сомнениях и не на кого опереться. Не бежать же к дяде Феде с рассказом о находке в пруду! Он же с первых слов засмеет и за пол-литром в магазин отправит. А что, если заглянуть к Сергею Можаруку? Он приглашал и говорил, будто отец его тоже ничего не имеет против Петьки. Может, и действительно не имеет. Еще лучше, конечно, если никого из родителей не будет дома. Научили они в выходной день будут домоседничать?

Петька решительно сунул руки в карманы и пошел по направлению к дому Можарука. С Сергеем можно поговорить о находке. Он неплохой парень, толковый и на математике поменьше. Хотя что, каждый на чем-то поменьше: Любка — на нарядах, а он сам на радостях нежится.

Около дома Можарука Петька остановился, вспомнил, что сегодня поспорил с Любкой и она сейчас у Сергея, злая на него не меньше, чем бабка Матрена. Впрочем, он способен заставить Любку помириться с высказыванием своего мнения.

Петька нажал на дверную ручку и оказался на светлой, с чистыми окнами веранде. Он уже слышал голоса и смех, что-то негромко пел под гитару.

«Да тут целый шалман собрался, — с некоторой завистью подумал Петька. — Одного меня, наверно, не хватает!»

В большой, просторной комнате за столом и около окон сидели парни и девчата, о чем-то спорили. Жидковолосый парнишка, уединившись возле книжного шкафа, брел на расстроенной гитаре. Многие Петька встречал на улице, но близко знаком был только с Андреем и Любкой. Вот тот, у окна, с задоркой в руке и карандаш грызет... кажется, это он у него рубль «одоколки». Петька встретился с ним взглядом, но глаз не отвел: подумайшь — рубль! Раскритичаться надумает, так черт с ним — кричи, от Петьки не убудет и не прибудет, и терять здесь ему нечего — ничего еще не нашел. Да и вряд ли найдет. Разве Серега лишь. Но Любка-то как на него уставилась, с усмешкой богини, к которой пришли на поклонение. Привыкла!

Петька презрительно сморщил нос.

— У кого ты же губами работать научился?

— Не у тебя, конечно.

— Это уж точно. У зеркала.

Сергей Можарук, чувствуя завышающуюся ссору, поспешно поднялся навстречу Петьке.

— Я рад видеть тебя. Честное слово! Садись.

— Боюсь, меня в этой компании обидеть могут, — проговорил Петька с иронией, присматривая себе место.

Петька взял свободный стул и прошел к телевизору, подобрал на полу программу и стал читать. У не-

го не было желания начинать разговор. Начнешь еще не с того конца — и ссора, снова один. А так хоть поговорить есть с кем. Уж больно дни его стали длинными и до того свободными, что он успел их возненавидеть, готов был подарить каждому, кто куда-то торопится, спешит. Дед Авдей говорит, что в жизни у Петьки пока остановка. Ну что ж, у скорого поезда тоже свои остановки!

Петька положил программу на телевизор и с ухмылкой посмотрел на компанию. Почти все — кто урядкой, кто открыто — разглядывали его, и никто не решился заговорить первым, тогда ведь незолдно придется оценивать Петькино появление в квартире Мохарука. Петька как бы принес с собой тишину, которую не так-то просто было нарушить. На это тоже требовалась определенная смелость.

— Слышал, в театр надумали... — начал Петька.

— Надумали.

— Билета у вас, конечно, нет для меня?

— Амилаг.

— Ну, и спасибо. Петька на плохие пьесы не ходит. — Он с силой сдвинул пальцы левой руки, лежавшей на коленях, и добавил: — На хорошие тоже.

— Ну, чего ты, Петь, — примиряющим голосом начал Мохарук. — Ребята на все сто, нормальные. Плохого тебе не скажут.

— А я ненормальный, понял? Видишь, как они смотрят все на меня? Ну, да я стараюсь быть сегодня небидичивым...

— Тебя обидишь, как же! Всем нам ты в этом деле форы даешь! — поддал голос Петькин «кредитор».

— После дождичка! Понял? — осек его Петька и поднялся со стула. — В театр я и без вас схожу. Можете обсуждать образ Павки Корчагина без меня. Я к вам за помощью пришел. Не развезай рот, Любка, больше копеечной монеты не брошу! Так вот, дед Авдей станцию нашу во время войны освобождал. Над станцией был воздушный бой, и одного нашего подбили. Дед говорит, будто самолет в пруд упал. А летчик не выпрыгнул.

— Дедушка мне про то не рассказывал, — пыталась что-то вспомнить Любка, поглаживая красиво изогнутые брови.

— А дед Авдей разве воевал в Отечественную? Он же старее пруда. Я у него не видел ни одной награды на празднике Победы.

— И я тоже не помню наград у него, — подтвердила Любка.

— Мне отец рассказывал, ты медалими в песке играла, когда тебе пять или шесть лет было, — ответил ей Петька. — О его наградах все точно сказано в военкомате. Ну, а самолет я нашел, кажется. Трубой свозь лед проверял...

— Ха-ха! — хохотнул кто-то из сидевших. — Прошлой осенью мой дядя на «Беларуси» дорогу по льду пруда соображал. Сам выплыл, а «Беларусь» плавать не научил!

— Давайте вместе поищем, — предложил Петька. — Я прорубей штук пятьдесят набил...

— А может, действительно трактор? — засомневался Сергей.

— Дед из ума выжил, а вы его слушать.

— Что же ты предлагаешь?

— А ничего не могу предложить, потому и пришел к вам. Хотел лодку купить — отец денег не дал. Плот сколотить!..

— Идем! С плота удобнее рыбу удить.

— Брось шути! — вдруг дед верно говорит!

— Вполне возможно.

— Есть идея, — поднял руку, как в классе, Петькин «кредитор», — взорвать плотину! Нужно только найти динамит.

— А что тебе скажет на это дядя-начальник и разрешит ли он вообще взрыв в поселке? — с иронией спросила Любка.

— Никто, конечно, плотину разрушать не разрешит.

— А я не верю Петьке, — заговорил молчавший до сих пор Андрей. — У меня есть основания не верить. Да и у вас тоже.

— Стрелки вспомнил! — ухмыльнулся Петька. — Ну подожди, я тебе рожу пощичу! — и угрожающе сжал кулаки.

— Да что вы, ребята! Бросьте ссориться, — начал успокаивать Сергей. — Ну и что, если нет там ничего на дне!

В это время «кредитор» взял гитару и стул, сел прямо против Петьки и, побренькивая, запел:

Мя тебе чуть-чуть, конечно, верим,
Но к чему плотину разрушать?
Шепельника своим мозгом серым
И сумей без нас поразмышлять.

Почуяв обидное, Петька жался весь, ссутулился, едва сдерживая закипающую злость.

— А ну поднимись, поз! Под-ни-мись! — Петька! — испуганно закричала Любка Ново-скольцева, но Петька уже поднялся за грудки «кредитора» и с такой силой ударил его в подбородок, что тот мешком повалился под стол. На мгновение все утихло, потом кто-то истошно закричал: — Сережал! За отцом беги! За отцом!

Петька, готовый ко всему, крупными шагами пошел к выходу, у двери остановился и сказал: — Не забудьте умыть придворного сочинителя!

Уже на улице Петька почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Они стекали по щекам и жгли у переносицы. Петька стыдился их, на улице было много прохожих, и он свернул в первый попавшийся переулок, где можно потереть лицо снегом и, ни о чем не думая, смотреть в небо, где нет ни пруда, ни поселка, ни людей. Только облака да ветер, ветер да облака. И еще солнце. Всегда и во все времена. И дед Авдей в войну так же смотрел в небо и видел то же, что Петька. Нет, дед Авдей видел еще воздушный бой и сбитый самолет с красными звездами на крыльях. Все же чертовски жаль, что не родился Петька лет за двадцать до Отечественной войны...

Немного успокоившись, Петька решил идти домой, но, вспомнив про деньги в кармане, повернул к пивной. Сколо нее, особенно по выходным дням, толпился много подвыпивших мужиков. Петька, глотая полусотрятым ротом едкий прокуренный воздух и опасливо бегая глазами по спинам, — нет ли отца в пивной, — с трудом протиснулся к прилавку. С кружкой пива Петька забился в угол. «Шевельви мозгом серым...» Я тебе шевельни!.. Петероичник!..»

Домой Петька пришел, когда начало темнеть. Во дворе его встретила мать. Она была без пальто, с вязанкой дров на левой руке.

— Это ты, Петюш? Что обедать не приходил?

— Я у дру... друга пообедал...

— Да ты никак выпил, Петюш! — И мать с горестным восклицанием приникла головой к дровам.

— Ты чего, мам!..

— Зенуджилось мне, — заплакала в голос. — Что ж мне теперь, обоим по утру в постель воду носить?!

— Не надо, мам... Я же... так получилось... — Петька тоскливо посмотрел на мать.

(Окончание следует)

Анна ДЕХТЯРЬ

26 лет. Искусствовед.
Научный сотрудник
Института востоковедения.
Член молодежного
объединения МОСХа.

СЕНЕЖ-75

Мы приехали в этот дом на берегу подмосковного озера Сенеж в самом начале сентября, когда только появились первые приметы осени. Мы — это 45 живописцев, 25 графиков и 3 искусствоведа со всех концов страны, вместе составляющие группу молодых художников. Большинство из нас здесь впервые, и поначалу «Сенеж» представлялся нам просто одним из Домов творчества Художественного фонда СССР, где мы будем работать в течение двух месяцев.

Но уже в первые дни мы поняли, что «Сенеж» — еще и своеобразный творческий цех, в котором художники объединены, как в студию, не только трудом, но и бытом. Быт этот, однако, особый. Есть в сенежских буднях отблеск праздничности, украшены они творческой свободой, близостью к природе и радостью человеческого общения. Сенеж на два месяца срывает молодых художников с насиженных мест, освобождает их от засасывающей текучки, даже от забот о хлебе насущном, создает ценный для творчества «перерыв постепенности».

Идея создания подобных групп подразумевает встречу, а порой и столкновение разных художественных индивидуальностей и темпераментов. Оттого работа здесь неотделима от бесконечных, порою ярых споров об искусстве. Но Сенеж-тапш не нивелирует и не предлагает готовых рецептов мастерства. Руководители нашей группы известные московские художники И. П. Обросов и О. А. Вукोलов стремятся каждого подопечного побудить к поискам, предостерегают от успокоенности. И действительно, здесь молодой живописец или график обнаруживает, что его путь в искусстве далеко не единственный. Он ежедневно наблюдает работу своих сверстников — коллег из Прибалтики, Средней Азии, Сибири, сравнивает, порой испытывает влияние, порой сам влияет на других. Так день за днем складывается столь необходимая для всех нас художественная среда, которая регулирует вкус, вырабатывает критерий оценок, повышает общий уровень профессиональной культуры.

В нашей группе нет единого для всех рабочего ритма. Одни безвылазно сидят в мастерской, другой целыми днями бродит с этюдником по окрестностям. Новопришедшие сенежцы еще решают, чем бы заняться, а старожилы «Сенежа», приехавшие со своими сложившимися замыслами, уже приступили к работе. Среди тех, чье творчество возросло здесь, — киргизский художник Джамбул Джумабаев.

Творческая манера Джамбула глубоко национальна. В картине «Злой» нежная прелесть девочек, окутанных дымкой мерцающих цветочных частей, становится символом разлито вокруг нас красоты, воплощением вечной молодости мира.

Не первый год на Сенеже художник из Кипинева Михаил Статный. В этом году, несмотря на обилие непредвиденных хлопот (Миша был избран старостой живописцев), он завершил работу над рядом портретов. В одном из них, «Портрете Ольги», художнику удалось воссоздать сложный внутренний мир молодой женщины, показать человека в момент проявления сокровенных сторон его личности.

Освоенный жанр группового производственного портрета нашел неожиданное и свежее решение в полотне московского живописца Павла Малиновского «Девушки Трехгорки». Это произведение продолжает новый этап в его творчестве, который характеризуется использованием острых и точных средств художественной выразительности, лаконизмом пластической формы.

Теме труда посвящена картина художника из Новосибирска Михаила Омбыш-Кузнецова «Артерия Нефтехима». Четкий ритм ее, образующийся сопоставлением гигантских труб и динамичных фигур рабочих, ошутимо передает грандиозные масштабы современного производства.

Совершенно иным настроением наполнено полотно тбилисца Джамала Гвирадзе «Любимая улица». С теплым юмором оно воспроизводит неповторимый колорит старого Тбилиси, рисует обжитой уютный мир, с детства знакомый художнику. А вот Виталия Бубенцова из Мурманска, автора картины «Романтика», больше привлекает неизведанное, мотив дальнего плаванья, воплощения юношеской мечты.

Гаяя Стязан по собственной инициативе приехала на Сенеж из Саранска с просьбой принять ее в группу, куда работа уже была в разгаре. Отоздание не помешало ей успешно завершить «Портрет двух мордовцев», где с любовью и подлинным знанием своего края представлены образы женщин из народа, влетевшие в скупой мордовский пейзаж.

Широко разнообразие жанров, в которых работают художники на Сенеже. Здесь и многофигурные тематические композиции А. Ахалдзев, В. Владыкина, М. Файдыш; живописный триптих Т. Цигаля; этюды с натуры А. Бирштейн; портреты карандашом В. Пономарева и многое другое.

Но «Сенеж» — это не только работа. Это новые знакомые и старые друзья. Это вечерние песни у сибиряков и крепкий чай в любое время суток в мастерской у туркменов. Здесь есть свои спортивные чемпионы, заправские танцоры, лучшие рассказчики и певцы. Это дни рождения, которые «всем миром» справляют счастливицами, родившимися в сентябре и октябре. Удивителен быт «Сенежа», minutно становящийся предметом искусства, — в окрестных пейзажах, живущих на хостах; в многочисленных портретах, где художник и модель попеременно меняются ролями; в традиционном пропальном каталоге, испещренном картинками-автографами.

В день нашего отъезда озеро уже подернулось льдом и растянулось перед глазами, словно белый лист бумаги. Но теперь Сенеж был для нас не просто географическим понятием, а символом нашей творческой и человеческой общности.

**Валерий
ДАШЕВСКИЙ**

Валерию Дашевскому 23 года,
живет в Харькове.
Студент 5-го курса
Харьковского инженерно-
строительного института.
Печатается впервые.

ИНЦИДЕНТ

РАССКАЗ

Мы сидели в палатке, когда в нее прямо-таки ворвался наш старик.

— Только что, — объявил он нам, — мне звонил из города Вадим Петрович и сообщил, что Олег Задорожный будет до конца месяца тренироваться с нашей командой.

— Задорожный? — переспросил Витька. — Это тот Задорожный, который призер первенства Союза?

— Именно. Олег Задорожный. Теперь вам будет у кого поучиться.

Алексей Семенович оглядел палатку и сказал: — Эти две койки передвиньте сюда, а вот эту поставьте боком. Нужно принести тумбочку и кровать. Вы бы сходили на склад. А я пока выпишу ему талоны. Он должен приехать после завтрака.

— А как получилось, что Задорожный будет тренироваться с нашей командой? — спросил Витька.

— Его взяли работать на кафедру физкультуры. Ну и повезло же вам! Вадим Петрович сказал, что сейчас на Украине едва ли есть ему равный.

— А вы его когда-нибудь видели? — спросил Толик Сукач.

— Еще был! И не однажды. — Алексей Семенович еще раз окинул взглядом палатку и вышел.

Солнце проникало в палатку прямыми лучами, в которых бурлила пыль.

— Дела, — сказал Витька.

Мы сидели молча.

— Вот это здорово! — сказал наконец Толик Сукач. — Лично я рад приезду Задорожного. Теперь у нас в команде будет свой мастер спорта. И какой мастер!

— А кто такой этот Задорожный? — спросил Сашка Маленький.

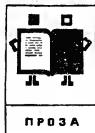
— Боксер, — сказал Витька.

— Еще какой боксер! — воскликнул Толик. — Чемпион Украины, призер первенства Союза прошлого года. Должен был работать с американцами, но повредил руку за неделю до матча.

Сашка Маленький вскопился.

— Приедет Олег, а ничего не готово. Нужно все переставить, иначе его поселят с другими.

Рисунок
М. ФЕДОРОВА.

Мы с Виткой отправились на склад и получили все, что надо.

— Ты возьми спинки, — сказал Витка, — а я понесу тумбочку. За сеткой потом вернемся.

— Не повезло Саше Большому, — сказал я по дороге. — Задорожный ведь тоже весит семьдесят пять. Придется Саше с ним работать.

— Да.

— Старик наш, ты видел, прямо ног под собой не чувствует. Шутка ли, призёр Союза будет у него тренироваться целый месяц!

За завтраком только и разговоров было, что о Задорожном. Потом мы всей командой вышли из столовой и расположились на скамейках у входа в палатку. Мы ждали, пока к воротам лагеря подкатит автобус. Сашка Маленький то и дело выбегал за ворота. Мы все посмеивались над Сашей Большим, гадая, как его ступит Задорожный на первой же тренировке, и над Толиком, который надел новую полостную рубашку.

Но всех перешеголял наш старик. Он явился в костюме и при галстуке. На пиджаке были орденские планки. Брюки едва доходили до щиколоток, открывая зеленые носки и модные лет восемь назад остроносые туфли. Седой пух на его голове от возбуждения встал дыбом. Не обращая на нас внимания, он принялся прохаживаться по аллее, то и дело вынимая отглаженный носовой платок и промокая лоб и виски. Он был похож на кого хотите, только не на тренера по боксу.

А солнце между тем пекло во всю. Сашка Маленький еще раз вышел за ворота и, бросившись назад, заорал:

— Глядите, едет!

Мы вскопили со скамейки. Алексей Семенович выхватил платок, быстро-быстро отер лицо и затолкал платок в карман.

Облупленный автобус остановился около ворот. Дверцы его открылись, и на утоптанный песок дороги прыгнул парень. Он пожал руку шоферу и направился к нам, размахивая огромной синей сумкой с белыми буквами «Adidas». На нем была розовая рубашка, джинсы и вельветовые туфли на мягкой подошве. Он шел не к нам, а на нас, я почувствовал его мгновенный взгляд, которым он окинул всех, будто прикидывая, кого первым сбить с ног.

— Что? Давно ждете? — спросил он, подойдя к нам вплотную.

Внезапно Алексей Семенович оказался между нами.

— Вот, ребята, — сказал он. — Это Олег Задорожный. Он будет с вами тренироваться.

И дальше наш старик заговорил о том, что все условия для тренировок боксеров в спортлагере есть, водная станция дает лодки, режим нестрогий, и соблюдение его никому не в тягость. Он говорил, поминутно вытирая платком лицо и заглядывая в глаза Задорожному. Когда он сказал, какой тут воздух, Задорожный усмехнулся.

— Вы, конечно, подумались, — сказал Алексей Семенович. — Тебе отвести место в первой палатке. Если возникнут неудобства, обращай ко мне...

Тут Задорожный жестом остановил нашего старика, повернулся к нам и неожиданно подмигнул. Или мне показалось, что подмигнул? Жара была адская.

— Пойдемте, — сказал Задорожный. — Посмотрим на ваше гнездо.

Алексей Семенович шел впереди, указывая дорогу.

Мы оглядели нашу палатку и кровать, предназначенную для Олега Задорожного. Алексей Семенович

предложил показать ему, где находятся столовая и ринг, но Задорожный отказался.

— Не будем опережать событий, — сказал он. — Ребята покажут.

— Ну, правильно, — ответил Алексей Семенович. — Отдыхай.

Он повернулся и пошел прочь от палатки.

— Обиделся, — сказал Задорожный. Он поставил сумку в проход между кроватями и повалился на свою постель. — Эти старики, — сказал он нам, — ужасно вздорная публика.

Толки понимающе ухмыльнулись.

— Я его знаю, — продолжал Задорожный. — Я ведь начинал у вашего первого тренера, Прилуцкого. А старик — ходячий анекдот. Да сидьте, чего вы стоите?

Только теперь я хорошо рассмотрел Олега Задорожного. Он был загорелый, но не так, как люди загорают на отдыхе. Кожа у него была будто выдублена, золотистые волосы закручивались плотными, тугими завитками, и лицо такое, что видно — как бы его ни ударить, он ничем не замкнут. Зато, когда он улыбался, трудно было не улыбнуться в ответ.

— Правда, что ты должен был работать с американцами? — спросил Толки.

— Правда, — ответил Олег.

Сашка Маленький пристроился рядом с Толиком. Мы не сводили с Олега глаз.

— Сломал палец на спарринге за неделю до матча, — сказал он. — Изменило бойцовское счастье, — Олег поднял руку, растопыря пальцы. Сустав большого пальца был увеличен, как от укуса осы. Мы все глядели на его руку. Потом он сжал ее в кулак. — Теперь прошло, — сказал он. — А то совсем не мог ударить.

Некоторое время Олег лежал молча, и я было подумал, что он задремал.

— Ну, — сказал он наконец, — А у вас что слышно?

— Готовимся к Универсиаде, — сообщил Толки.

— А-а. Тренер вас не мучает?

— Почему он должен нас мучить? — осведомился Витка.

— Так. Вздорный старик. Главное, ни черта не смыслит в боксе. Ну, да ладно. Расскажу как-нибудь. Он зевнул и потянулся так, что кровать застонала под его телом.

— Ты будешь работать у нас на кафедре физкультуры? — спросил Толки Сучак.

— Ага. Будете сдавать мне зачеты. А может, и тренироваться.

— Как так? — спросил Сашка Маленький.

— Возможно, я буду работать у Прилуцкого второго тренера.

— Но у нас уже есть второй тренер, — сказал Саша Большой. — Алексей Семенович. Разве ты не знаешь?

— Вот-вот. Алексей Семенович. — Олег глубоко вздохнул и совсем зарылся в подушку. — Не выпался, — сказал он едва слышно.

Толки Сучак поднялся и сделал нам знак, чтобы мы вышли из палатки. Уходя, я видел, как Олег Задорожный лежит ничком на заправленной нами постели. Мы вышли на залитую солнцем площадку между двумя рядами палаток и остановились у фонтанчика с питьевой водой.

— Ну вот, — сказал Толки Сучак. — Теперь у нас будет настоящий тренер.

— Понятно, — сказал Витка. — А чем тебе плох наш старик?

— Он не тренер. Он ничего не смыслит в боксе. Слыхал, что Олег говорит?

— Слыхал.— Витка сощурился.

— У боксера должен быть свой почерк, своя манера боя. Свой индивидуальный стиль. Наш же понятия не имеет о таких тонкостях.

— Ну, тебе-то манера ни к чему. Проигрывать новичкам можно и без манеры. Особенно, если бояться их так, как ты.

Толки стоял, склонившись над фонтанчиком. Он глядел на Витку снизу вверх. На шее у него проступили красивые пятна.

— Вот именно,— сказал он с расстановкой.— Считаю, что я хочу научиться не проигрывать новичкам. И уж лучше я буду брать уроки у Олега, чем у какого-то старого дурака!

— Ну, ты!

Толки отскочил от фонтанчика и поднял кулаки к жигову. Я взял Витку за руку. Саша Большой стал между ними.

— Хватит,— сказал он.— Кончили.

Витка резко высободил руку. Он все смотрел на Толка. Потом повернулся и пошел от нас по аллее.

Я догнал его у лодочной станции. Мы спустились к самому берегу, туда, где над водой росла осока. Витка остановился и погладил ладонью темный ствол дерева.

— Не нравится мне, что Задорожный приехал,— сказал он, не оборачиваясь.

Я смотрел, как под нами в темной воде, среди сплетений водорослей снуют мальки. Солнечные зайчики, словно лужицы света, трепетали на самой поверхности.

— А на меня Задорожный произвел неплохое впечатление,— сказал я.— Сразу видно, что он человек дела.

Витка прижался щекой к стволу дерева и поглядел на меня.

— Послушай,— спросил он.— Ты никогда не слышал о Толе Батыренко?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Так... Ты действительно не мог знать его. Ты ведь начал тренироваться год-на два позже меня. — А какое отношение к этому имеет Задорожный?

— Хочешь, расскажу, как Олег Задорожный становился чемпионом Украины? Он дважды проигрывал Толе на областных соревнованиях. Из-за этого давал на первенство республики не мог попасть. В один прекрасный день является Задорожный в первую сборную и просит дать ему потренироваться. Наш Полужан даже обрадовался, что Толе будет с кем поспостать. Говорит: «Олег, только ты поосторожней, мы ведь сплелзззззз на первенство уезжаем». В общем, они начали боксировать, а Полужан стоял за рингом и только остановил их, чтобы сделать замечание. Задорожный что было силы трахнул Толю правой командой «Стоп!». Потом он извинился, сказал, что не услышал команды, и ушел. А Толю увезла «Скорая». Так Задорожный стал чемпионом.

— Не может быть! — сказал я.

Виткины глаза стали совсем маленькими.

— Говорит, такой же номер не прошел у него с Баевым. Рассказывают, что Баев вовремя уклонился на отборочных, а не то ехал бы Олегу первым номером на первенство Центрального совета.

— Ладно. А что стало с тем парнем, с Батыренко?

— Ему нельзя было боксировать по меньшей мере год, да и потом не следовало пропускать ударов, но толкно он никак не мог поверить, что все кончилось. Не прошло и полгода, как он начал выступать. Его

нокаутировали на первенстве профсоюзов, потом еще раз, и тут уже он понял, что бокс не для него, но было поздно. Он начал терять зрение. Я встретил его за два дня перед отъездом сюда. Он узнал меня, лишь подойдя вплотную.

— Может, Олег все-таки случайный?

— Говорю тебе, это не единственный случай. А теперь приезжает сюда и берет в оборот нашего старика.

— Ну, его-то он не трахнет после команды «Стоп!»

— Как знать,— сказал Витка.

Теперь он тоже смотрел на воду, в которой у самого берега сновали мальки.

Обед прошел, и мы вернулись в палатку. Олег Задорожный и не думал просыпаться. Он по-прежнему лежал на животе, обхватив руками подушку. Мы тихонько заперли полы палатки, чтобы было не так жарко, и тоже улеглись. Толки Сукан с нами не разговаривал. Он достал из тумбочки журнал «Вокруг света», устроился поудобнее на постели и стал читать его с середины. Мы лежали и ждали, пока спадет жара. Потом около пяти собрались и пошли на тренировку.

Алексей Семенович уже подкидвал нас у ринга. Он назначил Сашу Большого дежурным — замечать основные иглы, нападавшие за ночь на ринг. Мы повесили мешки на перекладные у ринга, укрепили пневматические груши на станках и принялись разминаться.

— А где же Задорожный? — поинтересовался наш старик.

— Олег еще не проснулся,— ответил за всех Толки.

— Он и обед проспал,— сказал Сашка Маленький.

— Ну, правильно. Пусть отдохает.

Мы закончили разминку, и Алексей Семенович сказал:

— Вова и Саша Большой отработывают в ринге. Остальные — к мешкам. Саша Маленький пусть потренирует по груше... Тебе надо больше стоять на снарядах,— добавил он Сашке Маленькому.

У нашего старика это вышло точь-в-точь, как у Прилуцкого. Отвернуться — и можно подумать, что это Вадим Петрович распорядился. Сашка на дух не переносил снарядов, а пневматическую грушу вовсе видеть не мог.

Потом наш старик дал команду, что кому отработать. Задания были те же, что назначал Вадим Петрович.

Тренировка уже подходила к концу, когда в глубине аллеи показался Олег Задорожный. Он шел к площадке, держа в руках свернутое махровое полотенце.

— А, боксеры! — сказал он, подойдя к рингу.— Что новенького в искусстве кулачного боя?

Да, если он кому улыбался, трудно было удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

Все прекратили боксировать. Только Сашка Маленький машинально продолжал удерживать левой по груше.

— Да вот, тренируемся,— сказал Алексей Семенович.

— А я надумал искупаться,— заявил Олег.— Здесь, конечно, не Флорида, но какой-то пляж все-таки имеется?

Мы объяснили ему, как пройти на пляж.

— Комиссии все ясно,— сказал Олег. Внезапно он фсхмнулся, шагнул к станку и легонько отстранил Сашку Маленького. Проткнул Сашке полотенце: — Подержи-ка.

Потом, как был — в розовой полотняной рубашке и в джинсах,— подошел к пневматической груше,

остановил ее ладонью и мгновение смотрел на нее, будто собирался запомнить, как она висит. Затем встал в стойку, легонько повел рукой, словно примериваясь, и сейчас же груша исчезла, будто вся разстворившись в ровном рожкоующем гуле, возникшем вместо нее. Что он с ней вытворял! Упрямо нагнув голову, он наносил удары из любых положений, все убагряя немислимый, назерятный, невообразимый темп; звук ударов стал похож на перестук колес поезда, несущегося на полном ходу, а потом и вовсе слился в густую неразличимую дробь; когда он достиг апогея, Олег пробил три акцентированных страшных двойных удара и остановил грушу ладонью, как бы материализовав ее из пустоты, и все кончилось.

— Приехали,— сказал Олег. Он опять усмехнулся, взяв у Сашки потепевшее и забросил его за плечо. Дышал он едва ли чаще обычного. Потом повернулся, оглядел нас всех и спросил:— Так где, вы говорите, пляж?..

..Наш старик заглянул в палатку положже. Он оставил Задорожному тапаны в словосую.

— Глядите,— сказал он нам уходя.— Завтра вам придется с ним боксировать. Так вы уж постарайтесь использовать такой случай. Сами видите, у него есть чему поучиться.

Ужинали мы вместе. За столом только и разговоров было, что о боях. Олег говорил об этом спокойно, и, хотя он и не старался хвастать, выходило, что побил чертову уйму народа.

— А были такие, кому ты проигрывал! — поддал голос Сашка Малеыч.

— А как же!

— В нашем городе?

Олег на мгновение задумался.

— Только Батыренко,— сказал он. На миг лицо его стало жестким, будто бы он сидел на стуле не в столовой, а в углу ринга.— Хороший был боксер.— Он помолчал. Потом сказал:— Ну, ладно. Это дело прошлое.

Мы вернулись в палатку, зажгли свет и принялись собираться на танцы.

— Олег, что ты хотел рассказать насчет нашего старика? — спросил Витька.

— Какого еще старика?

— Ну, Алексея Семеновича.

— А-а...— Олег Задорожный стал к Витьке спиной, причисляясь перед зеркалом, укрепленным на перекладине у входа.— Там довольно занятная история.— Он взял с тумбочки графин, вылил немного воды в ладони и смочил волосы сбоку и на затылке. Потом снова пригнулся, смотря в зеркальце.— Прилуцкий, ваш тренер, был до войны призером Союза,— сказал он, не оборачиваясь.— Потом, когда война началась, он угодили в разведроту к вешему, так сказать, старнику. Тот был вообще кадровый всяк. Ну, а потом с ним, с вашим стариком, что-то страшное, и его увололи в запас за год до окончания войны.

Он замолчал, оглядел себя в зеркальце, дунул на расческу и спрятав ее в карман.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Дальше было то,— сказал Олег, передаваясь,— что старик не умел ничего делать, кроме как верховодить там, в армии. Естественно, выбыв из строя, он оказался не в деп. И вот Прилуцкий—как, я уж не знаю,—умудрился отыскать его, когда закончилась война. Мама того, он взял его к себе вторым тренером. Зато эта история в том, что старик в жизни не надевал перчаток. Стало быть, тренер из него никакой. Но манера лезть со своими замечаниями и командовать осталась у него еще со

службы. Не могу взять в толк, как Прилуцкому не надоест делать работу за них обоих.

— То есть как? Он вовсе не был боксером? — спросил потрясенный Толик.

— Говорю вам, не был. Когда-то до армии он имел разряд по борьбе.— Олег еще раз оглядел себя в зеркальце.— Да черт с ним,— сказал он. Потом повернулся к нам.— Ну, кто со мной на танцы?

Толик поднялся с постели и, присев на корточки, стал искать под кроватью туфли. На нас, на меня и на Витьку, он даже не глядел.

— Пойдем,— сказал ему Олег.— Покажешь мне какую-нибудь королеву Шантклеру.

— Слыхал! — сказал Витька, когда Толик с Олегом Задорожным отошли достаточно далеко от палатки.

— Да,— сказал я.— Не по делу получается. Думаешь, он не врет?

— Не знаю,— сказал Витька.— Ни разу не интересовался.

— Спихнет он нашего старика. Выживет его отсюда как пить дать?

— Увидим,— сказал Витька.

Утром Олег Задорожный ушел бегать кросс по лесу еще до того, как мы проснулись.

За завтраком разговаривали мало. Зато Алексей Семенович чувствовал себя именинником. Видели бы вы, что творилось с нашим стариком. То же самое было на тренировке. Пока мы разминались, он прохаживался вдоль помоста ринга, заложив руки за спину, и разглядывал нас с таким видом, будто тем, кто сюда приехал Олег, мы обязаны ему, нашему старнику.

Тем временем Олег разделся — снял новехонкий шерстяной костюм и остался в форме: темно-синяя майка, голубые атласные трусы и высокие боксерки с торчащими языками. Он долго разминался, последним забинтовал руки и, надев перчатки, вошел в ринг.

— Пойдем,— кивнул он Саше Большому.

Мы обступили помост, чтобы лучше видеть, как наш Саша будет работать с Олегом Задорожным. Они были почти одного роста.

— Поработайте на одиночные удары,— посоветовал Алексей Семенович.

— Будешь работать левой. Когда пробую по печени, отвечай справа.— Олег даже не посмотрел на нашего старика.

А наш старик вовсе не замечал этого. Или не хотел замечать, я уж не знаю.

— Глядите! — подталкивал он нас.— Сейчас они начнут отрабатывать. Олег будет бить левой снизу. А Саша должен не подставлять себя под удар.

Задорожный нетерпеливо глянул на него из ринга. Он уже вложил капу и ждал, пока наш старик перестанет трепаться и даст команду боксировать.

— Алексей Семенович,— сказал я.— А нам что делать? Может, мы пока постоим на мешках?

— Нет. Лучше поглядите на Олега. От этого будет больше пользы.

Мы так и остались стоять с надежными перчатками. Алексей Семенович поднял руку, будто давая старт забегу.

— Время! — и включил секундомер.

Что говорить, Олег, конечно, был на высоте. Даже когда бил левой подготовительные удары, у Саша всякий раз откидывалась голова — настолько точно Олег их посыпал. Быстрый, собранный, неутомимый, он не просто механически повторял отработываемый удар. Впечатление было такое, будто Саша в один миг разучился защищаться. Да, пожалуй, Олег боксировал лучше всех, кого мы с самого доследились видеть на ринге. Саша снова замешкался у ка-

натов, Олег мгновенно сократил дистанцию, нырнул, минув встречный удар, и пробил левой по печени. Саша согнулся пополам.

— Клас! — сказал рядом со мной Толик Сукач. Наш старик совсем разнервничался. Он вскопился со скамейки, на которой сидел, и крикнул Саше: — А ты не давай себя ударить! Он бьет, а ты не давай!

Потом опомнился, виновато посмотрел на Олега и опустился на скамейку.

— Придурок, — прошептал Толик.

Начонец Саша отдышался, и они начали снова. Не прошло и полминуты, как он повернулся к Олегу спиной и пошел от него по рингу, прижимая перчатками правый бок, куда только что получил удар.

— Слушайте, — сказал я Алексею Семеновичу. — По-вашему, раунд вообще никогда не кончается?

Он посмотрел на меня так, будто я не Сашу, а его самого спас от неминуемого нокаута.

— Время! — выкрикнул он.

Они разошлись по углам. Алексей Семенович вскарабкался на помост и начал что-то втолковывать Саше. Сашино лицо было залито потом. Думаю, он и сам сообразил, что ему надо делать.

Во втором раунде Саша стал бить в место предполагаемого ухода. Когда он попал по Олегу, тот обомлел, под глазами у него зажигались красные пятна. Теперь он всего себе складывал в удары. А Саша Большой знал свое: для того, чтобы ударить слева, Олегу надо выйти в левую сторону, туда Саша и бил.

Самое смешное, что со стороны казалось, будто они просто отрабатывают технику боя, только Олег сердится, что у него не выходит задуманный удар. Конечно же, наш старик решил, что так и надо и что благодаря его советам Саша удачно защищается. По-видимому, нашему старику здорово не терпелось высказаться. Верите ли, он дал «временя» гораздо раньше, чем надо. Верных двадцать секунд до конца раунда.

Теперь он обошел помост и влез в угол, в котором отдыхал Задорожный. Олег стоял спокойно, облокотившись на канаты, но за версту было видно, что он зол как черт.

— Ты вот чего, Олешек, — сказал ему наш старик. — Ты не лезь направо. Если не знаешь, как бить, — отступись, подумай. А то, видишь, и тебе начинает попадать.

Не зря Олег был призером первенства Союза. В жизни не поверил бы, что человек способен так молниеносно обернуться.

— Катись отсюда, старый дуралей! — заорал он в лицо нашему старику. — Выдали наставника? Я кому говорю, уйди от ринга!

От неожиданности Алексей Семенович подался назад и, не схватившись он за верхний канат, точно упал бы с помоста. Лицо его дрогнуло, и я успел подумать: сейчас он заплачет. Он поднял руки к груди и медленно вытер ладони о старую рубашку. Оглядел нас всех, потом отвел глаза, будто никого не увидел. Неловко взмахнув руками, он прыгнул с помоста, повернулся и, подняв плечи, пошел прочь от площадки. Ветер шевелил седой пух на его голове.

— Наконец-то, — сказал Олег, глядя в удаляющуюся спину Алексея Семеновича. — Жаль только, секундомер унес. Ну, да ладно. Эй, гвардия, у кого есть часы?

— У меня! — крикнул Толик Сукач. Он мигнул стащил перчатки, порвался в сложенной на скамейке одежде и, найдя часы, поднял их над головой.

Мы глядели, как наш старик идет обратно в лагерь. Он шел не по аллее, а напрямик... Шел, как

незрячий, оглябая деревья лишь приблизившись к ним вплотную. Старый, выцветший его костюм мелькал в сплетении солнечных пятен.

— Годишь, — сказал Олег Толику. — Будешь давать «временя». Ты еще можешь работать? — обратился он к Саше Большому. — Если нет, то отдыхай. Кто хочет работать вместо него?

— Я, — сказал Витка.

Прежде чем мы успели опомниться, он вскопился на помост, стремительно нырнул под канат и вошел в ринг.

— Ты пока отдохни, — сказал он Саше, придержав ему канат, потом повернулся к Олегу.

— Я хочу с тобой поработать, — повторил он.

— Ладно. Что будешь отрабатывать?

— Свободный бой, — сказал Витка.

— Свободный бой?! Ты хочешь отрабатывать свободный бой?! — изумился Олег.

— Ага, — сказал Витка.

— Что ж. Можно... Три раунда по три минуты.

Олег все смотрел на Витку. Потом спросил:

— Ты еще не передумал?

— Когда передумаю, я дам тебе знать.

— А, — сказал Задорожный. — Ладно.

Мы молча стояли у помоста.

— Оставь его! — не выдержал Сашка Маленький. — Он же тебя убьет!

Витка даже не посмотрел в его сторону.

— Время! — выкрикнул Толик Сукач.

Они сошлись в центре ринга. Задорожный — огромный и вместе с тем легкий, как бегун или футболист, словно стремительность, заключенная в нем, предназначалась вовсе не для того, чтобы увертываться от чужих ударов и тем более сокрушать самому. И Витка — хрупкий, в аккуратной стойке, будто позиция могла его уберечь. Да, Витка показал, на что способен. Дважды Олег пробовал подойти к нему без удара, и оба раза Витка бил навстречу. Когда Витка со второго раза попал по нему, Олег только головой тряхнул. С этой минуты он ввязался за Витку всерьез. Низко пригнувшись, он перемещался по рингу, с каждым движением подбывая к Витке все ближе и ближе, и, когда ворвался в ближний бой, Витка попробовал сделать накладку, да только это было совершенно бесполезно, Задорожный разорвал дистанцию, послал Витке в голову длиннейший правый прямой и в миг, когда Витка подставил перчатку, пробил левый сбоку. Виткина голова отлетела в сторону, и медленно, будто садясь мимо стула, Витка опустился на пол.

— Раз! — крикнул Толик.

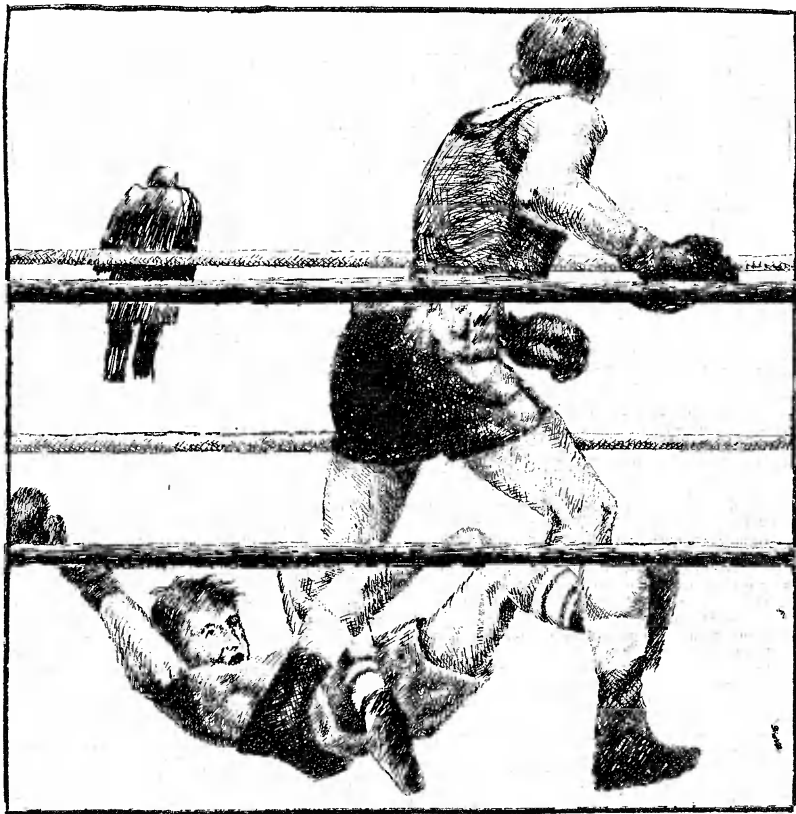
Витка лежал на брезентовом полу ринга, запрокинув голову. Задорожный оглядел его, потом вынул перчаткой капю из рта и пошел в дальний угол.

С трудом мы вывели Витку из ринга и усадили на скамейку в тени. Сашка Маленький намочил два полотенца. Одно мы приложили Витке к сердцу, другое — к затылку. Саша Большой сел рядом с Виткой, обняв его за плечи и придерживая полотенцем. Белесая Виткина голова запрокинулась назад.

— Наверное, сортасение, — шепнул мне Сашка Маленький. — Если начнет тошнить — надо доктора.

Внезапно я увидел, как Олег смотрит на нас с помоста.

Он стоял, расслабившись, облокотившись на стойку ринга, и глядел, как мы возмущаемся в Виткой. Лицо у него было, точно у мальчишки, разглядывающего разорванный муравейник. Верно, так же он смотрел, когда пытался привести в себя Толо Батыренко, которого я уже никогда не увижу на ринге. Солнце светило между деревьями у Олега за спиной.

Нельзя было не залюбоваться Олегом, поверьте моему слову.

И только тут я заметил, что все еще не снял перчаток.

Я взобрался на помост и, пригнувшись под канатом, вошел в ринг.

— Поработай со мной, — сказал я Олегу.

— Номер второй! — провозгласил Толик.

От восторга, что сейчас Олег Задорожный еще и меня собьет с ног, он готов был петь.

— Послушай, паренек, — мягко сказал мне Олег. — Лучше присмотри за своим приятелем. Целее будешь.

— Нет, мы с тобой поработаем.

— Ты и впрямь настроился подраться, а?

— Да, — сказал я.

— Что ж, — сказал Олег. — Тогда не будем откладывать.

Он вложил капю и кивнул Толику.

— Время! — выкрикнул Толик.

Олег пошел на меня из угла, я что было силы трахнул его в голову со скачка и, конечно же, промахнулся. Он оттолкнул меня и снова стал приближаться, вызывая на удар. И тут я понял, что чувствовал Витька несколько минут назад и почему Саша Большой, боксируя с Олегом, производил впечатление человека, впервые надевшего перчатки. Я понял, что он нокаутирует меня, когда ему вздумается: захочет — сейчас, захочет — через минуту. Я совсем не видел его, знаете, это бывает на ринге. Потом Олег начал бить. Я лишь защищался. Я только и мог — ударить его справа, если он пойдет на меня. Когда Олег вошел в дистанцию удара, я послал ему правый в голову. Он ударил вразрез, и подбородок у меня будто замерз. Я метнулся к нему, увернулся от встречного удара, пробил левый сбоку и пустил правый в голову. Я увидел, как лицо его отклонилось и удар прошел мимо, и тут меня ударила в лицо ты-

жая, обжигающая волна. Я протянул руку, нащупал канат и взялся за него, стараясь сохранить равновесие. Под полом ринга словно проложили доску, и мне почудилось, что я упаду, если сойду с нее, а немного погодя я испытал дурноту, будто целый день курил. Потом все кончилось, и только тогда я почувствовал, как что-то горячее течет у меня по щеке.

— Что и требовало доказать! — услышала я торжествующий голос Толика. — Номер второй — расценивание!

Я вытер перчаткой лицо и открыл глаза. Точнее, один глаз. Другим я все равно ничего бы не увидел. Скружающиеся повинуясь передо мной, как бы собираясь опрокинуться, потом все стало на свои места: Сашка Маленький, протгивающий мне из-за канатов полотенце, его перчатка, круглая и блестящая, а дальше, за ним — плотная стена напряженных лиц и разноцветных маек — наши ребята, обступившие помост. Я взал победно, приложил его к лицу. На нем было полно крови.

И тут Сашка Маленький высочился на ринг.

Олег Задорожный стоял в дальнем углу, с виду безразличный, и с первого взгляда можно было подумать, что ему все нипочем, но я-то чувствовал, что ему не по себе.

— Боксируй со мной! — крикнул Сашка Маленький и поднял перчатки к подбородку.

Толик Сукач засмеялся.

— Еще один самоубийца, — сказал он.

— Боксируй со мной! — крикнул Сашка Маленький, подступая к Олегу.

— Вы что? — спросил тот холодно. — С ума посходили?

— Будешь ты драться или нет?

Теперь они стояли друг против друга, и Сашка Маленький едва доставал ему головой до локтя. Неожиданно Олег шагнул вперед и, обойдя Сашку, пошел по рингу, развязывая зубами шнуровку на перчатках. Там, видно, был завязан хороший узел. Олег спрыгнул с помоста и протянул перчатки кому-то из ребят.

— Развяжи!

Парень смотрел мимо него.

Олег шагнул к другому. Тот тоже отвел глаза.

— Ладно, — сказал Задорожный.

Он подошел к скамейке, на которой сидели Витяка и Сашка Большой, взял в охапку свои новехонкий шерстяной костюм и, как был — в форме и боксерах — направился к палаткам.

Он шел тем же путем, которым уходил отсюда наш старик.

Толик Сукач схватил свои вещи и бросился догонять Олега Задорожного.

Мы ответили Витюке к врачу, тот осмотрел его и сказал, что надо делать. Потом замазал мне бровь мастикой, дал нам свиной жир, примочки и мазь. Он сказал, что Витке лучше не боксировать полгода, а то и больше. Он сказал это мне и Саше Большому.

Когда мы вернулись в палатку, ни Олега Задорожного, ни его вещей там уже не было. Толик, по-видимому, провожал его до ворот.

— А все-таки какой боксер! — сказал Сашка Маленький.

— Да, — сказал Витка. — Боксер он классный, ничего не скажешь.

— Мастер есть мастер. Но каков Толик! — засмеялся Сашка Большой. Лицо его было опухшим, особенно губы.

Едва я лег, в палатку вошел Толик Сукач.

— Умники, — сказал он. Он отглядел нас по очереди и ухмыльнулся. — Выжили Олега и думаете, это

вам сойдет. Вас вышвырнут из команды в ту минуту, как Вадим Петрович узнает о вашей самостоятельности. А вот когда Олег станет у нас вторым тренером и преподавателем физкультуры, я хочу увидеть ваши рожи. Старик вас не спасет, не надейтесь.

Он засмеялся и сделал нам козу.

Саша Большой подмигнул мне, и я спустил ноги с кровати. Голова болела, и, когда я сел, перед глазами у меня полыхали радужные пятна.

— Давай, — сказал Сашка Маленький.

Саша Большой взял постель Толика и свернул матрац так, что простыни, одеяло и подушка оказались внутри. Я достал из-под кровати чемодан Толика и заглянул в него содержимое его тумбочки.

— Что вы делаете? — зарорал Толик.

Сашка Маленький снял со спинки кровати его полосу рубашку и толкнул Толика к выходу.

— Проваливай, — сказал он.

Мы подвели Толика к забору неподалеку от ворот. Саша Большой перекинул матрац по ту сторону забора, потом рубашку и чемодан.

— Мы объявим, что ты уехал, — сказал Саша Большой. — Если ты вернешься, получишься, что мы соврали. Ты ведь не допустишь, чтобы о нас так думали. Алексей Семенович зашел к нам в палатку спустя полчаса. Он оглядел пустые кровати Толика и Олега и тяжело сел.

— Болит голова? — спросил он Витюку.

— Нет, — сказал Витка. — Пока не особенно.

— А ты как?

— В порядке, — сказал я ему.

Видно было, что нашему старику здорово неловко.

— Может, сейчас не время говорить, — он откашлялся. — Но посмотрите, что получается. Олег уехал, Толик жалуется, что вы не даёте ему жить в палатке...

— И не дадим, — сказал Сашка Маленький. — Будете уверены!

— Вот видите. Врач сказал, что Витя не сумеет боксировать полгода. У Вовы расценивание. Что я скажу Вадиму Петровичу? В каком виде я представлю команду?

Похуже было, что наш старик здорово струхнул. Витка слушал его, закрыв глаза. Неожиданно он сел на кровати и поморщился от боли.

— Неужели вы испугались, Алексей Семенович? — спросил он нашего старика. — Если да, то скажите. Он помолчал. Потом сказал: — Вы ведь воевали. Как же вы испугались сейчас?

Видели бы вы, как наш старик побогровел.

— Никого я не боюсь, — буркнул он. — И сейчас не война.

— Правильно, — сказал Витка. — Тогда скажите Вадиму Петровичу, что мы выжили Олега и выгнали Толика. И объясните, почему.

— Расскажите Вадиму Петровичу все, как было, — сказал Саша Большой.

— Вы наш тренер, и не о чем вам беспокоиться. Мы же вас любим, — сказал Сашка Маленький. Он улынулся.

Витка снова поморщился и лег на постель. Наш старик смотрел на нас, сидя на кровати. Потом взгляд его остановился на Витке, лицо стало совсем старческим.

— Здорово тебе досталось, а? — спросил он Витюку.

— Нет, — ответил Витка. — Это спасибо.

г. Харьков.

**Марина
КНЯЗЕВА**

Марина Князева
учится на факультете
журналистики МГУ.
Ей 23 года.
Статья в «Юности» —
первая критическая
публикация Марины.

С ЧЕМ ПРИХОДЯТ В СТРАНУ ПОЭЗИЮ

(По страницам
поэтической серии
«Молодые голоса»)

Сложные процессы происходят в наше время с человеком в юности: биологическая зрелость обгоняет социальную. Еще более сложно эти расхождения отражаются на литературе. Сейчас изменяются темпы самого литературного процесса: если смена поколений прозаиков «начинает» все заметнее обгонять смену поколений в общепринятом значении этих слов», как было отмечено критикой, то, наоборот, смена поэтических поколений начинает все больше «отставать». В самом деле, в течение шестидесяти годов появились и «упали» в классики поколения Ч. Айтматова и Ю. Бондарева, затем В. Шукшина, В. Быкова, потом — Г. Матвеевская, В. Распутина и других. В поэзии, которая искони считалась привилегией юности, как «молодые» запомнились те, кто и был таковыми... в середине пятидесятых годов.

Понятие «молодой поэт» ныне так же расплывчато, как общепринятое обращение «девушка». Возрастные рамки дебюта растягиваются от 14—15 до 40 лет, так что на первый сборник интересно посмотреть не только как на заявку, но и как на капитал, с которым человек приходит в страну Поэзию.

Единый облик молодой поэзии середины семидесятых годов еще не сформировался, скорее можно говорить о диапазоне наклонностей, о тенденциях. Изменившееся общее звучание поэзии не нашло еще законченного выражения. С одной стороны, постоянная тяга к постижению общего смысла жизни, а с другой — поэтизация ее деталей, часто бытовых. В эти пределы умецаются и удачи и просчеты современной молодой поэзии. Стремление к глубине зачастую оборачивается чересчур общим, а следовательно, размытым и невыразительным изображением. Поэтизация конкретности нередко приводит к легковесным зарисовкам. За ошибками первого рода укрепилось название «книжность», второе говорит о бытовизме.

Тоненькие книжечки с рубрикой «Молодые голоса» (издательство «Молодая гвардия») тут могут быть красноречивой иллюстрацией. Зачастую голоса молодых поэтов звучат ученически-неопределенно или ученически-прямолинейно. Но есть и такие, которые несут в себе дыхание настоящей поэзии, и, читая их, испытываешь то чувство просветления, которое пробуждает встреча с подлинным творчеством.

«Березы за стрельбищем» Виктора Сычева — один из самых выразительных сборников в серии. Поэзия Сычева — что вообще характерно для «Молодых голосов» — автобиографична.

Долгое время он служил в рядах Советской Армии, и это во многом определяло для его героя «дней связующую нить». Молодой человек служит в армии в мирное время, но его творческий мир начинается с грозной ноты...

Рассвет вставал,
исочным дождем промывтый,
но показалось —
грохнула гроза.
Сказал посредник:
— Бы, сервант, убиты.
— Командуйте!
Кому-то он сказал.

Командуйте...
Растерянно смотрели
мой ребята молча на меня.

А я — убит.
Разорван эги, застрелен,
но нет меня с сегодняшнего дня.

Острота гибели! Погибли, павшие... Как много открывают эти слова для нас, сегодняшнего поколения, во многом начинающего понимать свою историю с постижения Великой Отечественной войны. Для нас земля — не только поле и вечное первоначало человека — она отбита и земля, ее спасли. А окружающие — не просто живые. Они не убиты.

Смотря на свою и общую жизнь как бы из Вечности, поэт ищет самое важное, ответственное, болевое в мире, чтоб туда себя — живущего — направить. Максимализм? Возможно! Но в его позиции чувствуешь такое достоверное, человеческое, а главное — такое честное стремление к самоотдаче, такую силу нравственных идеалов, что и самому хочется жить по законам максимализма. Верится, что искренни, выплывшие стихи в сборнике «Березы за стрельбищем» и что такие стихи, такая позиция необходимы, и не только для В. Сычева.

Иногда даже кажется, что, чем больше мы удаляемся от войны, тем обостреннее и осознаннее чувствуем ее. Плотность, контрастность, обаятельность военного бытия, наложенные на нынешние события, словно помогают четче и фундаментальнее выделить в них систему этических и эстетических ценностей.

Осмыслить войну не как прочувствованное чужое прошлое, а как бы заново, непосредственно, принять ее в свою жизнь, в свой опыт — к этому стремятся сегодняшние молодые поэты. И это единство прошлого и настоящего не замкнуто. В него врывается мысль о будущем. И ее В. Сычев преодолевает по-своему: трагично и ответственно. Где-то на натовских полигонах его ровесник делится с него.

Где-то на натовских полигонах
его ровесник делится с него.
Как велит армянские устывы,
под обрез мишини,
не дыша,
целится,
слоняясь мушкету правую,
где предполагается душа...

Не смотри, что парни бес регалий,
что мишень бес лица — не гляди.
Это я — расчерченный кругами,
с яблочком-десятой поспреди.

Весь свечусь я от сквозных пробоин,
зубы стиснул,
и ни шагу вспянуть...

Тема мнимувшей войны так или иначе, более или менее явной нотой звучит у многих дебютантов «Молодых голосов», у одних обаятельно и усиленно, другие же находят ее пересечение с иными, новыми темами.

Именно так воспринимаются стихи Станислава Золотцева из книги «Зимняя радуга». Он знает, что «небо... всегда параллельно земле», что «дыханье городов, которые «под тобою живут», зависит от наших общих усилий...». Все, с чем встречается его герой в мире, воспринимается им в движении, взято в деятельный, острый момент преодоления. «Вражда с дремотой и покоем» составляет для Золотцева как бы сквозной нерв жизни. Образы сборника динамичны и напряженны.

Посмотри на эту ель, когда она,
отряхнув свои пружинистые крылья,
острой маховой в зенит устрелена,
вырастает под осевой снежной пылью.
На бревенчатые храмы посмотри,
чья смола пережила судьбу крутую, —
как проносятся они время в час зари,
на холмах к столетиям будущим стартуя.

Все в этом стихотворении подчинено единой волевой интонации:

А в изгибах деревянного коша —
облик лебедя, и это не причуда:
это в дереве старается душа
воспитать над назначением посуды.

Воспитать! Преодолеть, утилитарное, осилить промежуточное, достичь звенящей высоты. Не случайно слово это в книжке, логично воплощает оно в себе представление о цели и смысле общего порыва. Вот эта сквозная связь движения в сборнике:

Не обманывайся внешностью вещей:
это — дерево, а это — самолет.
Но у дерева в глубин его ветвей
тяга к небу нераскрытая живет.

Золотцеву найти достоверный и неожиданный подход к изображению сегодняшней жизни в какой-то мере помогла судьба, реальная биография. Но к этой же цели ведут и другие пути, означенные другими характерами, другими интонациями.

Нужно сказать, что для молодых поэтов сегодняшние трудовые ритмы оказалось передать гораздо сложнее, чем военные. Здесь нередко дебютанты, не умея воплотить огромность нового, переходят на простейший, рекламно-лозунговый стиль. Начинающий поэт сегодня — это, как правило, человек интересной биографии, судьба которого складывалась в стремлении многое повидать и попробовать, а главное — приобщиться к разным профессиям. Сегодня дебютанты склонны показывать себя в своем творчестве не столько как поэтов «в чистом виде» (такие заявки в серии почти не встречаются), сколько утвердить свои широкие жизненные связи, свою чисто рабочую принадлежность и нужность этому миру. Отсюда в их поэзии проявляются неизбежные черты документализма. В орбиту поэтического изображения попадают обычные житейские моменты: спуск в шахту, изготовление деталей, рабочий перекрут. В этом новом материале — и сила и слабость серии.

Есть в серии книги, о поэтическом качестве которых абсолютно ничего сказать: слишком много здесь случаев, вопиющих против самой грамотности — не то что версификации, или идейного смысла. В одной книжке, о которой в предисловии сказано, что молодой автор «обладает определенной культурой письма» и имеет в учителях своих Баратынского и Заболоцкого, уже первая строка безграмотна: «Знаю дело — и дела величайшее нет».

У другого начинающего читаем: «но явилось к земле тяготение, коли матерью стала сама»; у третьего: «море стучало о землю»; у четвертого: «расслабляйте ремешки, кто поест здоровый!», у пятого: «тубы трижды втрепенулись в поцелуях бабушки»; у шестого: «и, словно души запыля (?!), и словно больше так нельзя(?)», мы наш суботник намечаем. Идем на фабрику, на стан, идем на трактор и на край...; у седьмого: «На людях безгорестный с виду, прилягу один на траву. И буду все ниже (?) клониться над вами на воле степной...» Несуразности, нелепости.

И если я не называю фамилий молодых поэтов, то уж имена их редакторов и рекомендателей назвать обязана — Б. Лозовой, Вад. Кузнецов, С. Соложенкина.

В современном поэтическом мире очень высок эстетический ценз. Чужеродно и наивно звучат строки, в которых бодрячески, да и еще не совсем

грамотно перечислены трудовые операции или просто показана смена жизненных впечатлений.

Потому истинными и свежими кажутся голоса тех поэтов, кто идет по другому пути — ищет собственное видение окружающей жизни, дает волю фантазии, чувству, образу, а не «отражательски» видит мир. Тут можно назвать книгу Лады Одицовой.

Удивление — начало начал творчества, сила, вызывающая звук там, где, казалось, раньше была пустота, ничто. Л. Одицова воспринимает мир не просто удивленно — потрясено, Он, такой близкий, переполнен тысячами жизней и в силу этого огромен, часто гиперболчески персонализирован: «Смеясь и размахивая руками, по городу ходят улицы...».

А потрясенность порождает трансформацию привычного. Весом и значим каждый день, потому что он — «день из бесконечности». В таком контексте, в таком общем звучании каждый миг и эпизод, даже радовой, вырастает в выразительную укрупненную картину.

То был карьер гончарной красной глины. В нем стрелы длинные оставил дождя июньский.

Как будто здесь побойце свершилось. Кровавая вода со дня светилась...

Но пацаны, а тоненькие свечи
Колесбют вечность пламенем волос.
С прощалью-изумрудными глазами
Врели они к остышему карьеру.

У каждого сквозь теремок ладоны
Просвечивалась ящерца живая.
И все брели приятно пацаны —
То был карьер гончарной красной глины.

Странное свойство преувеличения! Казалось бы, будничная зарисовка — гурьба мальчишек, идущих к заброшенному глиняному карьеру. Но, остранный замедленной архаичной ритмикой и лексикой, построенный на протяжных интонациях, стих дает мгновенно иной ракурс — некоей загадочности, возвышенности.

Путь переосмысления будничного, поэтизации привычного, когда на первый план выступают переживания, сопутствующие будничной жизни, постижение которых требует повседневных же усилий души, определил примечательность поэтических сборников двух москвичей: Татьяны Бек и Николая Зиновьева.

Проблема для Н. Зиновьева — в попытке слить два начала нашей жизни: сверхкороткий, делающих неустойчивым, как бы «проходным» наше бытие, и глубины подлинных, нерасторжимых связей. Соединения, нерасторжимости ищет и жаждет поэт в мире. Вот почему одна из светлых фигур в его сборнике — Паромич, соединяющий берега, и в противовес ему то и дело возникает мотив расставания, прощания. Сборник Н. Зиновьева «Столкновения» драматичен, трепетен, тревожен.

Как соединить «пропающую жизнь» и вечные ценности? Может быть, поэтому почти в каждом стихотворении «Столкновения» присутствует мотив Памяти, переводящий нас в другую плоскость — внутреннее пространство человека, где действуют иные громкости, иные ритмы...

А Русь узнаешь по росе
еще с обрыва,
когда вся роза и кони все
в росе по гриву...

И хлеб тяжелый от росы,
и все обою...
С двух до пяти, в ее часы,
спят хлеборобы.

Внутреннее пространство человека. Именно о нем больше всего размышляет Татьяна Бек. Ее сборник «Скворечники» привлекает прежде всего тонкостью восприятия, а также ощущением достоверной связи между творчеством и жизнью поэтессы. Стихи как бы напрямую ведут в ее жизнь. Т. Бек не пытается возросить себя и предстать более законченной и бывалой (с чем зачастую встречается у дебютантов). Ее книга полна юным, прозрачно-веселым мироощущением. Она прислушивается к миру и к себе, пытаясь найти целостность, согласование внутренней и внешней действительности. Создать себя, построить свой внутренний мир так, чтобы он в конце концов содержал в себе общие начала жизни, а потому был нужен другим, — вот какое направление поиска избрала поэтесса.

Мой внешний мир с одной читальней,
троллейбусом и телефоном,
завидовал дороге дальней,
лесам глухим, полям бездонным!

Не знала я, что суть не в этом,
что дух...

невескаанный, пленный,
И был бескрайним белым светом,
огромной маленькой вселенной.

Бек стремится не к эффектности, а к подлинности. Поэтому ее сборник звучит живо и как бы с той неровностью, какая бывает во внутренней речи или диалоге. Стихи естественны и даже, я бы сказала, умудренные настолько, насколько это возможно в творчестве молодого поэта.

Одна из важнейших постоянных сил в творчестве — стремление к гармонии. Но понимание ее может быть разным.

Для одних она означает динамически-напряженное, волевое противостояние многих сил, для других — снятие конфликта, благополучие.

Способность воспринимать повседневную жизнь напряженной — один из главных компонентов того, что я назвала бы «капиталом» дебютанта.

В диапазоне между напряженным, глубоким миром столкновением и спокойно-поверхностным миром-пребыванием можно расположить звучание «Молодых голосов».

..Теперь речь пойдет о поэзии Другого рода. И названия тут иные. Сборник Сергея Чухина — «Дни покоя».

Исчезла поэтическая публицистика. Пропали остроосложные темы. Нет больше контрастов, парадоксов, сыров интонаций, поэтической живописи пауз и многоточий. Ровные блоки обкатанного «классического» стиха.

Поэзия С. Чухина означена двумя именами: А. Яшнина и Н. Рубцова. С первым мы знакомы, а с провозвестником «тихой» лирики дружим. И в одном из последних стихов сборника, посвященном Н. Рубцову, С. Чухин определяет свою роль в поэзии так: «уходим за последними грибами — за первыми ходили и без нас».

Сбор последних даров направления, открытого в шестидесятых годах Н. Рубцовым, выход «на промысел» на закате, на исходе сезона — вот какой видим и мы его судьбу.

Благословенны дни покоя,
Милы, безоблачны, близки
И эти лодки на приколе,
И всплески мягкие реки.

Музыкальность, напевность. Стих звучит замедленно, он должен заворачивать, обернуть звучание мягкой. Легкое касание звуков.

Перед вами — панорама. Пейзаж за пейзажем. Медленно движется камера. Замерла, затихла природа. Есть странная привлекательность в этих чуть элегичных, лирических взлетах и падений интонациях сборника. Начинают возникать какие-то ассоциации — далекие, детские... Пока не прозвучит внятное, внутреннее «истон!». Что же это за идея, так последовательно разрабатывает поэт, в чем суть избранного им жизненного стиля? Чем живут «Дни покоя»?

И вот тут видишь другое в сборнике — то, что называется устарелым словом «благость». Благолешие. Утешенность.

Как ясно, как чисто, как строго
Под соснами на ветерней
Еще потянем немного
От дома недалеко?

Успеем к вечернему чаю...

Тихое, неторопливое, безоблачное существование. Дни погоды, леса простодушные, все мирно, округло, просто. Жизнь людей и вообще жизнь до этого замкнутого в самом себе, обтекаемого мира долетает слабым эхом, ненужным, отдаленным. Легонько. Приятно.

И постепенно вырисовывается идеал этойкой милой патриархальности. Это приятное существование оборачивается не открытием природы и человеческих корней в мире, как то было у Н. Рубцова, а... благодушием.

Оно же неизбежно влечет за собой укрупнение мелочей существования, наслаждение рыбалочками, прогулочками. Вот уже и мажорские интонации появляются: «Мой добрый друг, он счастлив, как дитя, что я не нахвалю его местами».

В то же время должны же быть какие-то тревоги у современного молодого человека, и вкрапливаются в сборник туманные намеки на «заблужденность наших отомлений», и такие «траги-плачи» по «великим» поводам:

Подкосили наше лето, ах, под самый корешок,
Покатилось красно солнышко, позолотило рожки...
И ногами выступают в речке камень да песок...
Что, кузнечик, что ты плачешь? Плачем лета
не вернешь.

Вот такие переживания.

Судьба этого обладающего, по всей видимости, неплохими задатками поэта отразила процессы, происходящие со многими добросовестными последователями «тихой» лирики. Изображение «сфинкса природы», взятого вне живых, требующих разрешения проблем, становится рисованием тех мелочных картинок, в которые превратился сборник «Дни покоя».

Увы, голос С. Чухина в серии не одинок. Близок по звучанию к «Дням покоя» и сборник другого дебютанта «Молодых голосов», Александра Ревенко, «Степная грамота».

Лирико-нейзаконная повесть, в центре которой — бесконечная блуждания полного неопределенной «горести» лирического героя, превращается в развернутую, монотонную проповедь безысходного, анемичного пребывания на лоне природы. Его степь переполнена родничками, цветочками, овражками.

А закрываешь сборник, представляя себе, что в ней, степи, царствует туманная хмарь и нудное осеннее увядание деревьев, и сама она «выливается» в росы. Но на самом деле в степи особая, резкая, континентально-тубоватая осень. Утром и днем сухо и жарко, ночью — холодно, но, как и знойным летом, как и всегда, как и типично для степи, сухо.

А. Ревенко рисует не степь, а абстрактный, условный пейзажный антураж для своего героя-дичка, у которого на душе постоянно «густина и тепло». И степь его подобна миражу, и сам он — более мираж, чем живой, воспринимающий мир человек.

Я по траве бродил не раз
И провозжал родную стая...
Тепло под крыльшком у вас
Моей любви к степному краю.

Лучшие стихи «Степной грамоты»: «Я медлил с выстрелом...», «Крестыanka», «Матери», «Вок» — написаны сдержанно, с чувством меры и достояния, но эти островки подлинной поэзии буквально тонут в расплывчатых туманностях, сентиментальной красоты. Говоря словами самого автора: «заветных мест не распознать...»

И вот — закономерность поэзии — вслед за анемичным мелкотемьем идут мелодраматизм или красноречие. Ярчайшее подтверждение этому — «Черемуха» Татьяны Батуриной. Ее сборник некогда представляли бы романтические девицы в виде маленького спектаклика. В центре действия, конечно, Она, которая казалась «не в меру весенней». Но вот «вызрала ликующая радость в стальной доселе крови». Она просит некоего Его, чтоб он открыл «золотые мне клады своей потаенной любви». Но ой — человек ненадежный, каверзный, и поэтому «помахивал вербою...» чтоб «подготовить»(!) этим «вероломство свое». А ее лицо дрожит в его зрачках, «как вербный лист на язычок водной глади» — наверно, он еще и слезлив, ведь в зрачках все дрожит, как правило, от влаги слез. Но, как водится:

Не удержат моих тусей
Завывной рощей оосновой,
И не с того ль в груди мой
Прощальное созрело слово?

То есть он покидает ее.

Она страдает. Тут и «стинуется» моей осыни неприкаянная дрожь, и «поваликовые» слова, и «позабытая сирень», бесконечные слезы, сны, «тяжкие прощания», бесплатное смя на губах.

Читай сборник, подчас думаешь, что загнута в альбом провинциальная поэзия прошлого века.

Но чем же кончается песня? Да тем, чем и кончались песни подобного рода: героиня «ушла от злойшей беды», уединилась, и теперь она считает, что «за молодыми да ранними только следы да следы», потому что «всякое в жизни случается, долго ли тут до грехов»

Вот она, эволюция слащавого, псевдоромантического подхода к жизни: от эффектно обставленного «срыва» к житейски-послоской осторожности, тому, что называется «обыденностью».

Конечно, эти разные дебюты, разные поэтические миры мы воспринимаем по-разному. Но в любом случае важно, из чего исходит поэт, из философской меры жизни или из житейской нормы. К чему стремится — к объемному воспроизведению мира в его динамике и сложности или к самоуспокоительному рисованию милых и эффектных картинок. Вот та грань, что издавна поделяла стихи на два противостоящих лагеря — литературу и литературшину.

Вклад, достойный серьезного рассмотрения, — или бездельца. Долг жизни, молодости — или гражданское издвигенчество.

необходимые дополнения

Дебют критика — явление серьезное. В литературе все серьезно, но суждение о произведении искусства, по-видимому, все же дело ума зрелого, плода известного жизненного опыта, возможно, имеющего больший вес именно для этого многоаспектного рода литературной деятельности. Талант, мастерство, знание предмета в критике, мне кажется, особенно неполны, если они не опираются на широкую объективность взгляда — объективность не в смысле справедливости и принципиальности в суждении — это «элементарно», — а как учет всех сторонний и диалектический многих и многих слабеющих, которые приходится брать в расчет, говоря о произведении, анализируя его.

Слов нет, молодой критик покупает нас порой именно отсутствием «гибкости» — за этим ощущаются максимализм требований, желание избежать соблазна за «диалектикой» потерей направления, целью, определенности вывода. (Что греха таить, такими качествами «объективности», которые незаметно сползают в «лагунирование», — как называл трусость, боязнь говорить правду Валентин Овечкин, — мы, увы, тоже богаты.) Но речь не о том. Молодой критик в процессе своего идейного и профессионального роста должен вырабатывать умение идти труднейшим, но и единственно достойным путем: доказывать свое, отстаивать свое, не гнущийся и не приспосабливающийся к обстоятельствам, но... вывода это «свое» из объективного анализа многих и многих фактов жизни и литературы, иными словами, бесстрашно поверяя прочность своих построений общественным опытом.

Нам всем кажется, что мы достаточно терпимы и справедливы. На деле же нет ничего труднее, как пожелать ознакомиться с чужими доводами, понять внутреннюю логику оппонента, а потом уже, с высоты действительного понимания, можно и отвергнуть этот опп.

Принципиальность, как итог упорного труда и знания, — вот

это принципиальность! Тут не просто убеждение. Тут — убеждение на фундаменте проверки фактами, утверждения своей правоты итогом анализа, отвержение других гипотез ради этой, твоей проверенной и только потому победившей.

Вот к чему мы зовем молодых критиков.

Хорошо, что Марина Князева, чей дебют сегодня состоялся на наших страницах, человек принципиальный, убежденный в том, что она пишет. Сейчас я не говорю о правотности или, наоборот, слабости положений ее статьи. Об этом ниже. Хочу подчеркнуть главное: нравственную позицию молодого критика. Случай принципиального поведения начинающих достойны самого резкого осуждения.

Другое дело — неопытность молодого критика. И тут при всех добрых качествах Марины Князевой, при верной направленности ее статьи, принципиальной требовательности к поэзии — а она представляется ей делом не только чувства, но и ума, долга, гражданской активности — есть в рассуждениях молодого критика и просчеты. О них я и хочу сказать, чтобы, с одной стороны, помочь М. Князевой в ее дальнейшей работе критика, а с другой стороны, придать ее статье в «Юности» недостающий «объем». «Юность» и впредь не будет чураться метода «комментариев» к произведениям дебютантов.

Это при царе Горохе выезжали для битвы два рыцаря и бился на глазах двух станов. Тогда и двух героев было достаточно для определения победы. М. Князева понимает, что смешно ныне даже для определения приоритета «тихой» или «полуморской» поэзии выводить в чисто поле критических полемик два противоборствующих имени. Но хотела ли критик этого или нет, а объективно В. Сычев резко противопоставит С. Чухину, как антипод, где первый только поддержан, а второй только посрамлен.

М. Князева вполне справедливо заметила, что сегодня время не

лимен, а «наклоностей», «тенденций». Но тенденции познаются в изучении немалого числа вариантов, проб, сопоставлений. И далеко не всегда за именем одного стихотворца стоит направление. Чаще, как в нашем случае, мысль критика, напутывающего некие главные линии анализа, обнимает разные стороны разных индивидуальностей.

Жаль также, что критик ограничил разговор только русскими поэтами. Между тем среди переводной поэзии есть стихи весьма показательные.

Один из мотивов серии — автобиографизм, приход в литературу от жизни, профессии. Это тоже отметили наш критик. «Капитал», с каким стихотворец приходит к дебиюту, или включаешься, или не включается в его стихи. Тут нет автоматизма. Опыт может оставаться на уровне любительной, свежей детали. Но не вносить в работу качества в искусство. В духовной сфере важнее духовный же опыт общественный и психологический. Важна культура чувства. Круговой.

М. Князева обеспокоена: взлохотанно предупреждает она, что в мире высоких страстей и глубочайших противоречий века поэзия молодых нередко отстает от благодатные идеалы тусовливого немецкого штифта, под модными названиями «тихой» лирики, «Философской линии Фета» и т. п. Все явственнее вырисовывается идеал обломовской, говоря современным языком, изжившейся, а не трудной жизни, кудей эстетики жестокого романа, анимешного и безвольного стиха. И ее опасения имеют под собой основания. Это на поверхность.

Мне ни холодно
Ни жарко.
Продувает ветерком.

Но вот незадача! Никто ведь не выносит эти слова в эпиграф И, выписывая иные цитаты, мало что докажет. Дело в преимущественном внимании к определенному типу героя, типу отношения к жизни. М. Князева верно почувствовала опасность, но именно почувствовала, а не доказала бесспорно для возможных своих оппонентов.

А в одном случае, в анализе стихов Сергея Чухина, ей явно изменила чуткость критика. «Все мирно, округло, просто», жизнь «до этого замкнутого в самом себе, обтекаемого мира долетает слабым зовом, ненужным, отдаленным»... Правильно, если подходить к этой поэзии с требованиями другой поэзии. Если забыть, что и в стихах С. Чухина — тоже жизнь...

(Я не очень согласен с Виктором Коротавым, что поэзия С. Чухина «человечней и понятней» той, которую автор хорошо вступительного слова к сборнику С. Чухина называет «солнечной» поэзией «науткинского активизма», — ведь существует и истинно активная поэзия в жизни, активный, современный стих с более широкими интересами, и широта эта не в ущерб глубине и истинности поэзии! Думаю, что утверждение В. Коротавеа идет от издержек внутренней полемике о «тихой» поэзии, полемике, порядком уже поднадоевшей в силу своей бесплодности обоим сторонам спорящих.)

Но вернемся к С. Чухину. За «простой» поэзией его героя стоит — да, простая, но от этого не менее сложная — жизнь и обманчиво «мирная» духовная сфера ее. Для того, чтобы читателю было яснее, обратимся к стихотворению о плаче кузничка и «таких переживаний», как иронически говорит М. Князева. Дело тут не в кузничке. Начну цитату немного ранее, нежели это сделала М. Князева, а закончу чуть позже:

Колокольчики, ромашки, дикий
клевер луговой,
Все скопили, просушили и
поставили в стога.
У кузничка хромого
с треугольной ногой
Не шумит над головою
разноцветная тайга.

Вот уже и намечилась новая мера вещей: «разноцветная тайга» — намеком, а дана соизмеримость человека, с заботой не кузничка, а нашей, людской тоскою о природе не мертвой, не скошенной и засухнувшей...

...Посажу тебя, пожалуй, не в
карман, а в коробок.
Поживи на теплой печке, духом
люблю подыши.
Тихой радостью осенней
запасаться надо впрок,
Свежим сеном и листовью
устлая дно души.

И далее лишь по недостатку места не цитирую хорошие строчки о том, что, когда настанет стужа, напомнит кузничка, «мелкозелый человек», «типл, дуга, ржаное поле» — «лопастный прикроватный диван да растопим нашу печь, и погреемся немного от веселого огня. Ах, кузничка, я не в силах это лето уберечь, как товарищ по несчастью понимаешь ты меня!» Не «мелочные картинки» здесь — чувство очень чистое, человеческое и, я бы сказал, дальновидное... Да, не раз обеспокоится эта муза «покой» непокоем серьезным, глубоко

ким — о «мертвой воде» реки, например, «как в страшной сказке» («Покрывают плаваем берега реки...»), а всего-то и делов, кажется, что рыбака испорчена... Так, в другом стихотворении на уютную «марианскую» интонацию («Мой добрый друг, он счастья, как дитя, что я не нахаживал его местами...») слова попались М. Князева, усмотревшая «прогулочку» в стихотворении о том, что счастье и радость — общее наше достояние и делить его с людьми — не высшее ли благо? («Тчелания вокруг играет выгода, и, топясь среди млеющего дуга, мы радуемся радости друг друга, как радуемся солнцу и реке».) Вообще «безоблачное существование» героя стихов С. Чухина, о котором говорит молодой критик, часто мнимо. В превосходном, на мой взгляд, стихотворении «Пуршат сухие ивынки...» оцененные осенней природы с постоянным рефреном «спокойной» реки, облаков и лошадей на водопое исподволь готовят ощущение назревающей стужи, забот, тревоги: «Приходит матушка домой и, прислоняясь к печи спиной, подолгу говорит со мной, что зянут за деревней скосы и, зная, зима недалеко... Стоят спокойно облака, спокойная тихая река, и только люди не спокойны» (разрядка моя. — В. О.).

Да, в молодой поэзии нашей есть и недостатки. Но, борясь с равнодушием к социальности, отказом от волевого начала, мелко-травчатостью, — не утратить бы и крутицы ценного, утверждающего себя по праву — реализм обстоятельств, несуетность, небоязнь выгадать самим собой...

Умение распознать в скромном рисунке стиха существенное содержание — тоже мастерство. Оно приходит не сразу.

Тут важнейшее мерило — чутые таланта. Многие стихи, о которых говорит в своем обзоре М. Князева, просто плохие стихи, а не ошибочные позиции, заблуждения. Однако и тут требуется уточнение.

От первой книги начинающего вряд ли уместно требовать безусловного качества. Тут достаточно, я думаю, ощущения дарования автора. Разве все так уж гладко и бесспорно, скажем, в стихах А. Коркиной, С. Минацкаяна, В. Забаштанского, А. Мишина? Не была ли строчка, проглянувшая безразность интонации... И тебя обмануть нельзя: способный человек, видит по-своему, пытается и сказать свое... Одно стихотворение «Суд» — свидетельство уна-

жительного отношения к жизни А. Мишина, а его «Теща», «Уже не первый снег на крыше...» Я бы даже сказал, что Т. Батурина, хотя и досталась ей крепко (и подолом) от М. Князева, вовсе не случайный гость серии — да, мешает ей этот несомненный антураж: все эти колючихи, приворотные зелья, огонь нежданый», «примолвленная» жизнь, «притихший голубок любви»... Праничное, ржаное, заимное одяние... Но рекомендуемый П. Сухов, поэт самобытный, полагаю, не ошибся — есть в Т. Батуриной и свое, идущее от чувства неприятия обыденностью, пошлостью. Только слова, видимо, нужные, единственные еще не пришли.

Вот я и хочу сказать, что, вовсе не амнистируя тенденцию превратить серию «Молодые голоса» в почтовый ящик, откуда каждый желающий может попасть в стихотворцы, я тем не менее склонен разграничить требования к качеству этого типа издания и издания зрелых поэтов. Не законченности и беспорядочности форм требуем мы от «Молодых голосов», а определенности, заявки на осуществление надежд.

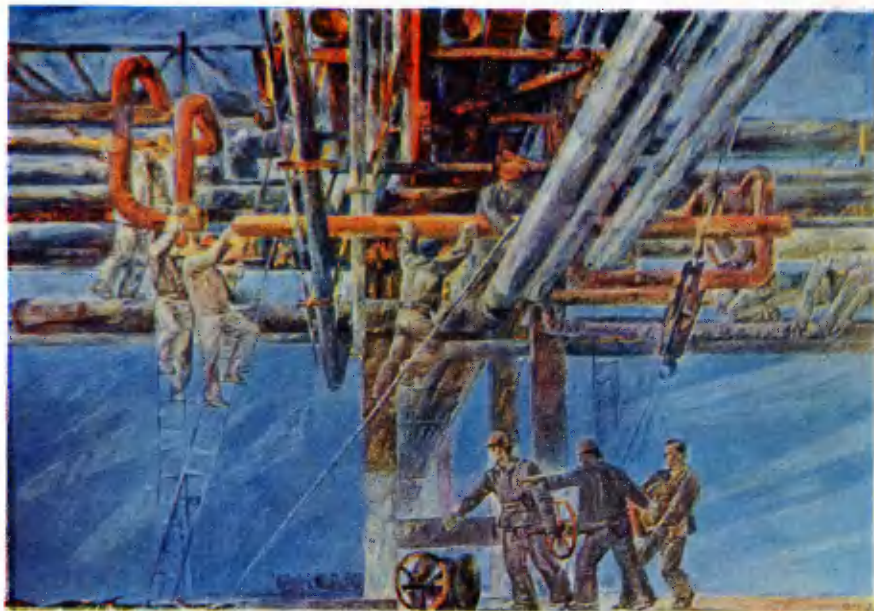
Дело огромной важности, начатое несколько лет назад издательством «Молодая гвардия», требует безусловной поддержки. Летучие книжки стихов современных молодых поэтов наших республик, как правило, раскупаются в тираже 20—35 тысяч экземпляров, установленных издательством.

Стоит, безусловно, стоит поддержать издательство, но и посоветовать в дальнейшей работе сделать упор на поиск талантливых имен и на качество, качество в первую очередь, чтобы ставшие потом известными молодые поэты 70-х—80-х годов могли связать свои дебюты с книжечками в гостеприимных обложках массовой серии.

Время летит быстро. Не так давно, кажется, читал я первые стихи поэтов, которые сегодня — гордость нашей советской поэзии.

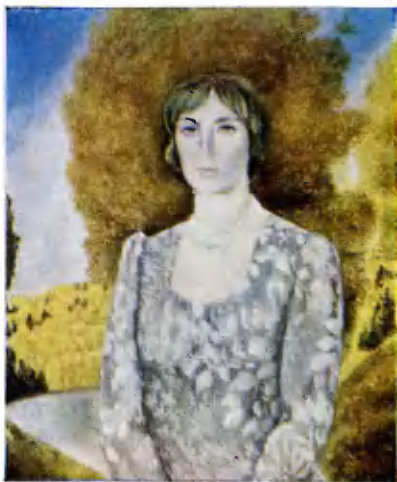
Хорошо бы в будущих книжках серии «Молодые голоса» не пройти мимо и вовремя заметить дарования такого масштаба. А то, что они есть и будут, таланты, мы не сомневаемся. Поэтому с заинтересованностью и ждем новых книг этой серии.

Владимир
ОГНЕВ

М. ОМБЫШ-КУЗНЕЦОВ
(Новосибирск).
Артерии Нefтexима.

М. СТАТНЫЙ
(Кишинев).
Ольга.

**ИЗ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКОВ.
СЕНЕЖ-75.**

Г. СТЕПАН (Саранск).

Мордовские девушки.

Д. ГВИМРАДЗЕ (Тбилиси).
Любимая улица.

В. БУБЕНЦОВ (Мурманск).
Романтика.

Д. ДЖУМАБАЕВ (Фрунзе).

Зной.

Этот двухтомник в синем переплете (Константин Ваншенкин. «Избранные стихотворения в двух томах», «Художественная литература», 1975) открывается коротеньким авторским введением, озаглавленным «О себе». Содержанные слова автобиографии поэта неожиданно удивляла меня, читателя поколения пятидесятых, послевоенных годов: да ведь это же словно о моем отце написано! Константин Ваншенкин, как и мой отец, родился в двадцать пятом году: как и он, семнадцати лет ушел на фронт; и тот и другой воевали на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Это, разумеется, случайное совпадение, но оно заставило меня задуматься: значит, в известной мере эти два тома не только «лирический дневник» поэта, но и летопись жизни, духовного становления и мужания всего поколения, к которому принадлежит и сам Константин Ваншенкин, и мой отец, и еще тысячи и тысячи тогдашних мальчиков и девочек, чьи семнадцати—двадцатилетние жизни втянулись в свою железную воронку войны. Они вышли из войны, что-то утратив,—может быть, из-за того, что так страшно и внезапно превратилось их отрочество, юность, но гораздо больше приобрели. Они созрели и возмужали слишком быстро, но раз и навсегда познали цель и смысл жизни и свое место в ней. Они с опозданием кочали институты, работали, встречались с удаленными товарищами, вспоминали потерянных. Они стали нашими родителями...

Двухтомник на то и двухтомник, чтобы возможно более полно представить читателю всю судьбу поэта, все многообразие жизни, его мысли и сердца. В этом сборнике мы найдем и первые, в прямом смысле этого слова, «юношеские» стихи двадцатилетнего автора, в которых только еще возникает завязь будущего мастерства, будущего поэтического характера Ваншенкина — любящего мир и склонного к раздумью.

Мне бы хотелось сказать об одной только стороне творческой личности его — об удивительно остром, обнаженном ощущении минуты, мига, об особенно каком-то ярком и резком восприятии всего, чем богата эта минута, что она несет с собой. Вот пример (собственно, любая строфа, открытая наугад, могла бы подтвердить это):

Лишь порой взлетает ворон круто,
потревония царственную ель,
и бушует целую минуту
маленькая тихая метель.

нам, не знавшим войны...

Глубокое понимание неповторимой ценности каждой минуты — врожденная черта характера; часть души, часть личности поэта; да война, уступившая это свойство мировосприятия, развила именно эту сторону характера. Близость смерти и любовь к жизни — в две эти краски был окрашен весь мир, лежащий перед глазами юноши, вступившего в войну.

Да, мир был окрашен в две краски. И только на расстоянии, сквозь призму лет начинаешь понимать, что в этих двух цветах — белом и черном, живом и мертвом — все богатство спектра; между рождением и смертью, в противоборстве бытия и небытия — вся жизнь с ее полнотой, с ее радостью и бесконечным удивлением, которое она дарит человеку.

И пока не станет перед взором
Вдруг темно,
Вдаль смотреть счастливыми глазами
Нам дано.

Лил:

И единственной мыслью беспечной
Каждый душу заливает рад,—
Что лежит еще день бесконечный
Между вани, восход и закат.

Это ступенное чувство своего существования на земле, напряженное стремление жить отдавая поэта умение сказать о жизни так просто и тепло, что его слова становятся близкими тысячам людей. Может быть, поэтому так часто кажутся на музыку стихи Ваншенкина. Через весь сборник пунктиром проходят тексты песен: «Я люблю тебя, Жизнь», «За окошком свету мало», «Я сплел, извините меня».

О внимании Ваншенкина к повседневности, к ощущениям и мыслям каждого говорят строки, посвященные человеку, «в послевоенный первый год» начинающему заживать раны родной земли. Человек просто-напросто сажает картошку, думает о том, как все зазеленеет и зацветет в июне; казалось бы, сцена самая что ни на есть прозаическая. Но Ваншенкину и тут не изменяет его драгоценное свойство ощущать всю полноту минуты, понимать и предвидеть все то, что она несет с собой, — словом, свойство видеть большое в малом.

Отмена карточек не скоро,
О ней не слышно ничего.
Еще вскопать придется горы
Лопатке старенькой его.

Стон серьезный, ратобатный,
В пальто, поношенном слегка.
И с дужкой вешалки, торчащей
Из-за его воротника.

Константин Ваншенкин умеет видеть, умеет любить людей, умеет говорить о жизни внимательно и добро. Думается, что это качества, вынесенные из железной бури всем военным поколением. Поэтому не воспоминанием — названием, обращенным и к своим сверстникам и к нам, молодым, не знающим войны, звучат строки поэта:

Как здорово эпоха нас лепила,
Как у нее наляжен был поток!
А после окунать еще любила
То в ледяное нас, то в кипяток.

Т. ПИСКУНОВА

Тане Пискуновой 16 лет. Она ученица 10-го класса 152-й школы г. Москвы.

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО

Дорогая редакция! Через несколько месяцев многие читатели вашего журнала, как и я, окончат школу и будут искать свой путь в жизни.

Поэтому я прошу рассказать на страницах «Юности» о профессиях, которые особенно нужны и овладеть которыми можно за сравнительно неограниченный срок.

Для поступающих в высшие учебные заведения и техникумы есть справочник, есть программы вступительных экзаменов. Но не все готовы сразу после школы держать конкурсные экзамены, не все выбрали себе специальность, есть и такие, кто, подобно мне, по самым разным соображениям не может проложить обучение еще на пять лет. Мне, как и многим моим товарищам, хотелось бы получить специальность, заработок, а значит, и самостоятельность как можно скорее.

Не буду писать о причинах, но они у меня есть, и вполне уважительные. В «Юности» мы хотели бы прочитать, не справочную таблицу «Куда пойти учиться», а рассказы о своей работе людей разных специальностей, ветеранов труда и молодых, рано начавших работать.

Мне кажется, это будет многим полезно.

Фамилию свою я не указываю не из скромности — не хочу, чтобы меня ругали порицали и знакомые уговаривали и осуждали, если вы вдруг решите письмо мое опубликовать.

Подпишите просто:

г. Москва.

Михаил К.

Просьба Михаила К. вполне естественна: прежде чем выбрать профессию, быть может, на всю жизнь, выпускник школы хочет получить исчерпывающую информацию о том деле, которому собирается себя посвятить. Понятно и желание Михаила и многих его ровесников прочитать на страницах «Юности» не «справочную таблицу», а познакомиться с рассказами людей разных специальностей, узнать их оценку той или иной профессии, почувствовать «атмосферу» заводского цеха, строительной площадки, научной лаборатории или торгового зала.

На страницах нашего журнала в минувшем году под рубрикой «Рассказы о профессиях» выступили токарь, продавец и шофер такси. В этом номере рубрика продолжается публикацией очерка Виталия Шария «Мастер и мастерок», где молодой человек рассказывает о профессии каменщика. В ближайших номерах выступят молодой врач и сельский механизатор.

Кроме того, мы предлагаем читателю несколько писем, авторы которых рассказывают о радостях и сложностях своей работы.

ПЕСЧИНКА ПОД КЛАПАНОМ

Дорогая «Юность»! Ты просишь рассказать твоим читателям о рабочих профессиях. Охотно откликаюсь на эту просьбу. Я слесарь по гидравлике, пневматике и смазке на большом металлургическом комбинате. Это не значит, что моя специальность есть только в металлургии, — она все больше и больше используется во всех видах техники. И у нас на комбинате много гидравлики. Я работаю по этой специальности двенадцать лет. До этого испытал многие рабочие профессии. Все они по-своему хороши, но нынешняя мне особенно нравится. В этой специальности есть что-то свое, неповторимое, здесь можно проверить свою смекалку, свое чутье к работе каждого механизма, инженерный расчет, а по еле уловимым толчкам в трубах определить, какая появилась в механизме неисправность. Я могу привести много примеров.

Однажды оператор автоматической линии упаковки пачек металла пожаловался на неправильную работу подъемника. Кажется, мелочь, но эта мелочь отняла у рабочего 8 часов рабочего времени. Разбирали золотники управления, пилоты, даже сам подъемник, а причина была в маленькой песчинке, которая попала под шаровый клапан, и на устранение этой неисправности потребовалось лишь пять минут. Этим примером я хочу отметить сложность и тонкость своей специальности.

Мне приятно смотреть, когда 45-тонный рулон металла плавно и спокойно благодаря гидравлике занимает свое место на прокатном стане, а за плавною и правильною работ механизмов я отвечаю как хозяин. Да, вот в этой работе я каждый день нахожу для себя новое. Иногда каким-то шестым чувством улавливаю грозящую аварию и устраняю ее. Однажды не было запасных лопастных гидронасосов, — по паспортам завода-изготовителя эти насосы не подлежали реставрации. Слшком точной подгонки требуют лопасти ротора к статору. Но мы поломали мнение завода-изготовителя и из нескольких старых насосов собрали один новый, и он работал.

Многое я мог бы рассказать о своей специальности, но это было бы очень длинно — очень уж она разносторонняя. Вот где можно проявить все качества, которые присущи человеку!

А. ГЛУШКОВ,
слесарь

г. Темиртау.

МОЯ ПЕРВАЯ «МАРИОН»

Мне скоро стукнет тридцать лет. Работая преподавателем ПТУ-30 г. Кыштыма, Челябинской области, Готовым слесарей и токарей.

Рос я без отца. Одно время воспитывался в Московском доме беспризорников. Затем вышел в люди (спасибо нашей партии!), стал токарем, кончил вечерний рабфак, служил подполковником на подводной лодке «Ленинец-10», участник боев на озере Хасани, Великой Отечественной войны, вице подполковник запаса, преподаватель ПТУ. Это я пишу потому, что я горжусь своим рабочим происхождением и высоко ценю рабочий класс.

Приведу маленький пример из собственной жизни. 30 апреля 1933 года на нашем Бакальском руднике (Челябинской области) случилась авария — вышел из строя мощный экскаватор, сломался главный вал. Нужно было в праздничные дни выточить новый вал с тем, чтобы добыча железной руды не прекращалась. Были сделаны срочные заявки на изготовление вала в города Златоуст и Челябинск. Там заявок на такие сроки не принимали. Тогда решили изготовить вал в своих мастерских. В конце рабочего дня собрали всех токарей механических мастерских нашего рудника. Среди токарей были и пожилые, высококвалифицированные специалисты, и мы, тогда молодые ребята, недавно окончившие ФЗУ. Не знаю почему, но никто не решился браться за изготовление вала. Видимо, боялись сложности. Экскаватор был только что привезен из США. Назывался он «Марин», в честь дочери хозяина фирмы. Вал этой машины был длиной пять метров, несколько ступеней, шпек с высокой точностью. И что вы думаете? Я, семнадцатилетний парнишка, вчерашний ученик, решился точить новый вал! Первого и второго мая сорок восемь часов я не отходил от станка. От усталости у меня слепались глаза, но я продолжал работать. Мастер смачивал носовой платок холодной водой и прикладывал мне на щеку, солившись от времени проходила. Утром 3 мая у моего станка собрались все работающие на руднике. Тут были и директор и главный механик рудника. Ровно в семь утра я остановил станок. Еще горячий, блестящий новый вал спилил и повезли на рудник. В часы ожидания я пережил больше, чем за двое суток работы. А вдруг не подойдет? А вдруг «запороло»? Но, к моему счастью и счастью всего коллектива рабочих, а может, и всего рудника, вал встал на место, и машина заработала. Руда продолжала поступать в домны.

Вот такую радость хотел бы я пожелать пережить каждому молодому человеку — создать своими руками что-то необходимое, важное, нужное всему народу. Больше радости нет.

Преподаватель ПТУ
М. СИДЯКИН

г. Кыштым, Челябинская область.

пими столыарями. Они мне и привили с самого раннего детства любовь к старинному ремеслу краснодеревщика. Но не пришлось ни отцу, ни деду увидеть третьего в семье столыара-краснодеревщика. Оба погибли на фронтах Великой Отечественной войны: дедушка в 1942-м, а отец в 1943 году. Я тогда был ребенком.

Остались мы одни — я, мать, сестра и бабушка. Жилось тяжело, и мать была очень довольна, что я сразу после школы поступил в техническое училище, так как это был более быстрый путь к получению зарплате.

Семья очень интересовалась моими делами. И я с большой радостью рассказывал, как осваиваю свою профессию. К учебе и работе моей все отнеслись с уважением, и это было мне дорого, заставляло смотреть на себя серьезнее.

Почему я говорю, что к учебе и к работе, не огорчился ли я? Нет. Из двух лет, что мы учились, целый год мы работали на заводе, вернее, проходили практику. Причем проходили ее и в деревооблачном цехе и на судах, где нам впоследствии и предстояло работать. И мы уже во время практики получали 30% заработанных денег да плюс стипендия — это была уже помощь для семьи.

Из моего выпуска осталось на заводе имени Жданова восемь человек. Каждый из нас проработал здесь по 16 с лишним лет, а все вместе — 128 лет, цифра внушительная.

В «великолепной восьмерке», как нас прозвали, есть и столыари, и мастера, и начиналки ОТК, и инженер. У нас всегда есть о чем поговорить, посоветоваться друг с другом. Наша общая цель — строить суда.

Были ли у нас радости раньше и теперь? О, сколько угодно!

В день окончания училища было торжественное посвящение в рабочий класс, принесенное много радости.

А какая была радость — первая получка! Ведь это большой день в жизни человека. Я помню, когда получил свой первый заработок, который ждал с нетерпением, пошел сразу по магазинам покупать подарки матери, сестре и бабушке.

Спуск корабля на воду — праздник, сдача корабля морскому флоту — уже двойной праздник. А ведь за это время, начиная с 1959 года, наш завод построил много судов.

И вот сколько построено кораблей, столько и профессиональных праздников было у нас, столько же было и радостей и волнений.

Прошли годы с тех пор. Многие из нас успели окончить институты и техникумы, но до сих пор мы с благодарностью вспоминаем и своих учителей, и нашу бригаду, и свою первую рабочую профессию.

Федор ШАПОВАЛОВ,
инженер.

г. Ленинград.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВОСЬМЕРКА

После окончания десяти классов в 1957 году мой друг Леонид Башук поступил в финансово-экономический институт, а я — в Ленинградское техническое училище № 14, где стал учиться по специальности столыара-краснодеревщика.

Профессию эту я выбрал потому, что мой дед Афанасий Ильич и отец Никита Афанасьевич были хоро-

**Виталий
ШАРИПОВ**

Автору 23 года.
После окончания факультета
журналистики Белорусского
Государственного университета
был радиожурналистом в Могилеве.
Сейчас живет
и работает в Абхазии.

МАСТЕР И МАСТЕРОК

Тихим зимним утром я спешу на стройку. Улицы еще погружены в предрабачью мглу, но по крепкому морозцу чувствуется, что денек будет отапливающий: ясный, безоблачный.

Невольно замедлил шаги, когда впереди замаячило недостроенное здание — будущий 9-этажный жилой дом. Сейчас я войду в ворота строительной площадки, увижу бригадира Павла Афанасьевича Бреля, увижу своих будущих товарищей по работе.

Было совсем темно, но работа уже началась. По бродям вокруг здания и никого не встретив, я поднялся на рабочую площадку. Красна была стройка в эти предрабачьи минуты. В густо-синее небо влетали белоснежные полосы досок, сбитых в леса и ошалубки. Проекторы ярко высвечивали подмости. Сложенные в большом деревянном ящике электроды покрылись за ночь инеем и серебрились в лучах прожекторов. Город, погруженный в темноту, казалось, еще спал, а стройка уже входила в ритм трудового дня: затюкали топоры плотников, замзали сплюхи электросварки.

Я ходил по площадке, ища мастера Олега Харитонов, чтобы предъявить свое направление, и заодно присматривался к тому, что делали вокруг каменщики, плотники, монтажники. Все здесь представляло передо мной в новом, необычном свете, совсем не таким, каким всегда казалось издали, с улицы. Подъемный кран, например, уже не был похож на аиста, который стоит на одной ноге и высматривает внизу свою добычу, а нависал громадой, тревожно звоня, когда груз пропалывал у кого-нибудь над головой.

Харитонов я так и не нашел — он в тот день был вызван в управление. Оставалось искать самого Бреля.

— Слушай, парень, а где же бригадир ваш, Брель? — обратился я к высокому худощавому рабочему, который рылся в ящике с инструментом.

Рабочий повернул голову, и я невольно смутился: судя по лицу, ему было лет сорок.

— Ну, я Брель. А чего надо?

Окончательно растерявшись, я протянул ему свою бумагу. Пока Павел Афанасьевич читал направление отдела кадров, я успел хорошенько рассмотреть его лицо. Было оно сухоощаво, обветрено, с резкими чертами, а ватный подшлемник, плотно облежавший голову, придавал Брелю сходство со старым, многоопытным рыбаком с какой-нибудь рыболовецкой шхуны.

— Ладово. Каменщики нам нужны. — Он сунул бумажку в карман ватника. — Ну, так давай, рассказывай о себе: где родился, где учился... В армии служил?... На стройке никогда не работал?..

То правде сказать, мое первое впечатление о нем было не слишком благоприятным. Спрашивал он отрывисто, сухо, даже как будто сурово, причем, как мне показалось, почти не прислушиваясь к ответам.

— Значит, так, первым делом — как ты знаешь технику безопасности? Без этого тебе даже нельзя было вообще-то сюда залезать.

Он положил передо мной толстую книгу и отметил ногтем «от сих до сих».

— Через час приду и буду спрашивать.

Брель появился ровно через час и, открыв книгу, кивнул:

— Ну, рассказывай, что запомнил.

Примерно минуту я строчил как из пулемета, а Брель, подняв бровь, недоуменно наблюдал за мной.

— Это ты что... все как в книжке? Как скворец!... — не выдержав, расхохотался он. — Как скворец, зубрил.

Бывает такое: встретился тебе где-нибудь в купе вагона неразговорчивый попутчик. И ты уже почти окончательно решил для себя: сухарь какой-то, не

людям. А он вдруг взял и засмеялся или улынулся так открыто и располагающе, что у тебя сразу улетучилось плохое настроение.

Так и Брель своим заразительным смехом как-то изменил мое отношение к нему. Сразу исчезли неловкость, скованность.

— Ну, ладно, — посерьезнел вдруг он. — Давай, что там дальше.

Тут-то и начался мой страдания. Отвечая я через пятое на десятое, Брель мрачнел, крутил головой и наконец захопнул книжку.

— Почитай еще полчаса и приходи к бытовке, спецпоку выдам.

Можно было бы больше и не читать, тем более что параграфы эти падали мне уже до чертиков, а устраивать новую проверку Брель вроде бы и не собирался. Но доверие, убежденность в том, что человек не подведет, действуют порой гораздо сильнее, чем грозные предупреждения: еще полчаса я добросовестно усваивал технику безопасности.

И вот наконец я получил в бытовке каску, ватник, полукombineзона и рукавицы. Полукombineзон был новенький, чистый, а ватник старый, в пятнах засохшего раствора, так что в нем я уже ничем не выделялся среди строителей.

Мы поднялись на площадку, и Брель дал мне первое задание — забавлять в незастынувшую бетонную стену электродом.

Дело для земнойстройки обычное: чтобы бетон остывал постепенно, не схватываясь, не набрав прочности, «напихивают» в тело бетона электроды, замыкают цепь электропроводом и ведут подогрел.

Каждый, кто хоть немного знаком со строительным делом, наверное, улыбнется: это же самая легкая работа, какую только можно придумать.

Ничего сложного она действительно не представляет, но является, как мне кажется, непохожим испытанием для новичка, потому что требует определенной спорности и глазомера. И я покрывало душой, если скажу, что выдержал это испытание на «отлично».

Брель подробно объяснил мне, как и что делать, и сам забил в щели между досок оцалубки несколько первых электродов. Затем он передал мне молоток-кирку, но я медлил. Сказать по правде, я очень боялся промазать во время самого первого удара и показаться неумехой. И Брель, будто почувствовал мое состояние, засмеялся куда-то по делам.

Я начал забивать электроды, но рука быстро затекла и стала ватной. Длинный железный прут — электрод упирался, не хотел лезть в стену или начинал вдруг так вибрировать, что по нему совсем уже невозможно было попасть. К счастью, рядом со мной никто не работал, хотя вдалеке слышались плотники, и, когда они поглядывали в мою сторону, я чувствовал себя под их взглядами очень неутоно. Правда, на следующей стене дело пошло полегче. Бетон здесь еще не застыл, и я приловчился не забивать электроды, а просто втыкать их, используя при этом для упора ручку молотка.

Рабочий день уже подходил к концу, и я боялся, что не успею закончить третью, только что залитую стену. Однако тут подоспели другие рабочие, и мы живо расправились с ней. Я немного задержался, втыкая последние электроды, и, смертельно уставший, плелся в бытовку позади всех. В бытовке было шумно. Я потихоньку вошел и остановился у окна, ожидая, пока освободится место и можно будет переодеться. Вскоре я понял, что разговор идет обо мне.

— Ну и работничек... гуды надул и не знает уже, как электрод в стену забить, — сердито гудел какой-

то толстяк, видно, из плотников. Он сидел ко мне боком и, сопя, переобувался.

Я предчувствовала эти слова, но обиды всегда кажется неожиданной и несправедливой. «Почему же гуды надул!» Как будто я не старался! — сразу закипел в голове мысли. — И разве он не понимает, что это только первый мой день?» Как я нечаянно в ту минуту эту толстую красную шею, эту спину в клетчатой рубашке!

— Ну ладно, Микшалыч, что ты хочешь от человека в первый день? — будто прочитав мои мысли, хлопнул его по плечу Брель.

Я протиснулся к шкафчику одного из строителей, в котором оставил утром свои вещи, — свободных мест в бытовке тогда не оказалось. Кто-то о чем-то спросил меня, а кто-то, кивнув в сторону шкафчика, недвусмысленно намекнул:

— За вселение падалаюсь бы пляшкы поставить.

Я старался сделать вид, что не рассматриваю этих слов. Нет, я вовсе был не против того, чтобы выйти с ребятами за знакомство, но когда все это делается в такой директивной форме, то сразу пропадает всякое желание. В общем, домой я шел совершенно разбитый и физически и морально, словно бегу после тяжелейшей марафонской дистанции, пришедший к финишу последним. Единственным желанием было добраться до кровати и забыться.

Вскоре Брель сказал мне:

— Ну, пора, видно, тебя уже на кладке попробовать. Я там из дому книжку принес. «Каменные работы» называется. Напомни, чтобы после работы отдать тебе не забыл. Практика — оно, конечно, хорошо, но без теории не обойтись. А пока бери кельму — и пошла.

Моей первой напарницей оказалась Галина Артемовна Родионова. Галка, как звали ее в бригаде, — каменщица третьего разряда. Почему именно она, а не ребята с четвертым разрядом, которых в бригаде было немало?

Впоследствии Брель объяснил мне, что за многие годы бригадирства он выработал свою «бестропильную» систему обучения новичков. Главный упор в ней делается на совпадение индивидуальных особенностей учеников и их старших напарников. Все каменщики, считает Брель, делятся на две группы. Первые из них — асы своего дела; простенки, углы — все, что захочешь, кладут, как боги, а вот объяснить на словах, как это у них получается, не могут. Вторые не так, может быть, поваторели в работе и кладку ведут медленней, но зато уж все объяснить. Так же делятся ученики: на тех, которым надо показать, — и их руки сами научат подражать движением мастера, и тех, которым надо рассказать, — и они запомнят все это, чтобы потом применить на практике. Меня Брель отвес ко второй категории.

Вначале он сам продемонстрировал мне простейшие элементы кладки. Показал стороны кирпича — тычковую, ложковую, рассказал, какие существуют способы перевязки швов. Уходя, посоветовал:

— В первый день лучше побольше смотреть. Лучше запомнить, как уложен один отличный ряд кладки, чем самому уложить десять абых каких. Раньше времени все равно мастером не станешь. Даже если через пару месяцев разряд получишь — все равно это еще не мастер, считай, а так... — он шуточно взмахнул своим инструментом, — ...мастерок.

Мы остались вдвоем с Галей. Галка — приветливая, улыбающаяся, круглолицая — была из тех людей, которые моментально располагают к себе. Смеялись

ее губы, смеялись щеки, смеялись глаза. Пока я укладывал один кирпич, она успевала уложить десять, и ни на минуту не смолкала ее шутки-прибаутки.

— Ай, Брель, ну, Брель! Вот так кирпич дает — чуду целую! — сокрушалась она, яростно тыча молотком в ледяную корку подмерзшего за ночь кирпича.

— Ну, а как вообще у вас бригадир, ничего?

— Хороший мужик, покладлив, кинула Галя. — Над душой никогда не стоит, есая не получается, а помочь — всегда поможет. Вот даже смотри: как он тебе сегодня все объяснял. Нас-то раньше так не учили... Помню, как я сама начинала. На «Спутнике» это было. Магазины знает? Мастером у нас тогда Заречкий был. «Кладби», — говорит. Взяла я мастерок в руки — и пошла шлепать. Сложилась стенку — слышу, все смеются. Отошла — мамочки, вкривь и вкось! Так Заречкий взял тогда меня за шиворот и носом, носом в эту кладку. И стыдно, и оно болит, но зато уж на следующий день, помню, раза три посматриваю со всех сторон, прежде чем кирпич положить...

На кладке мне очень понравилось. Увлекало то, что я стою, как заправский каменщик. Увлекал сам процесс превращения груды кирпичей в ровную, гладкую, красивую стену. Не все, конечно, получалось. Не раз Галя поправляла уложенные мной кирпичи, но делала это всякий раз спокойно, не ворча, не сетуя на то, что в этот день будешь мало выработки. А когда появлялся Брель, она, являя преувеличивая мои успехи, докладывала ему: «Парень что надо, так все в руках и горит».

Надо ли говорить, что после работы настроение у меня было веселое и приподнятое. В бытовке Брель подзвал меня к себе и дал книту, о которой говорила утром. — «Каменные работы». Конечно, это уже были не скучные параграфы техники безопасности, а теория кладки, с которой мне сегодня пришлось столкнуться на практике. Сравнить то, что я увидел и услышала днем, с тем, что написано в этой книге, было довольно интересно, и я засиделся над ней до поздней ночи.

На следующий день Брель поставил меня на кладку с Володией Свиридовым и Валерой Миньковым. Возможно, он решил поближе познакомиться меня со всеми членами бригады, а заодно и показать иной темп работы.

У этих ребят сразу установилось ко мне дружеское, хотя и немного снисходительное отношение: учись, мол, друг, пока мы живы. Поначалу я только мепал раствор да сбивал ледяную корку с кирпичей. Потом они начали оставлять мне забутку — пространство между внешним и внутренним рядами кладки, которое обычно заполняют нетерпеливым, битым кирпичом. Наконец, однажды, уложив за считанные секунды внешний ряд простенка, Валера — невьяский художавый паренек — протянул мне кельму:

— Ну-ка, попробуй рядок...

Сам он чиркнул, прикуривая, спичкой и стал, облокотившись о штабель кирпича, чтобы удобнее было наблюдать за моей работой. Всклок к нему, закончив слою стенку, присоединился и Свиридов — плотный рыжеватый парень. Они тихо переговаривались, время от времени подавая мне советы, а когда я с трехом пополам закончил ряд, Миньков протянул мне сигарету.

После обычных расспросов, кто такой да откуда, Свиридов спросил меня:

— А чего тебя на стройку потянуло? Можно ведь было и на завод какой устроиться? На «Давсан», например, чем плохо? Все работа почище.

— Ну, а сами-то вы чего?

— Мы? Так мы давно уже привыкли...

— Но когда-то вы тоже в первый раз пришли!

Пожалел печамии...

Кстати, откуда у меня возникла заинтересованность этим делом? Ведь ни каменщиков, ни вообще строителей в нашем роду не было. Интерес к этой профессии развился у меня сам собой, заочно.

Пытаюсь разобраться в этом. Просто, наверное, ремесло каменщика всегда казалось мне самым древним и самым основательным из всех строительных ремесел. Действительно: не было еще на земле ни маяков, ни шпугаторов, ни лопатников, не говоря уже о монтажных или стропальщиках, а первобытные строители давно складывали из камня свои примитивные жилища.

Недавно смотрел я художественный фильм, действие которого происходит в средние века. Все так бесконечно далеко от нашей жизни: рыцари, закованные в железные латы, костры, на которых сжигают еретиков, монахи под старинными сводами храмов, и вдруг — кирпичная стена. И я тут же невольно вспоминаю уроки Бреля: однорядная перевязка, многорядная, толщина стены в два кирпича, в два с половиной... И чем-то знакомым повеяло на меня из глубины веков.

«Что за профессия такая — каменщик? — рассуждал однажды Брель, когда после работы мы шли вместе с ним до автобусной остановки. — Ведь как оно повелось везде: «Каменщик? Ну, значит, уж такой недотеха, что не мог ни в каком другом месте устроиться». Так ведь я в школе говорят: «Будешь плохо учиться — пойдешь на стройку работать». Вот и получается: в аттестате у него один тройки, и ничего ему, как говорится, не светит, а от кельмы и от бады с раствором он все равно нос воротит: что вы, что вы, уж и так найдешь себе работу «опишломатическую» — бумажки где-нибудь с места на месте перекладывать. Или в крайнем случае на завод пойдешь. А я вот, скажу тебе по секрету, я до стройки на заводе в Ленинграде работал. Пороботал пару лет, а потом вижу: нет, не мое все-таки это дело. Может, кому-то и нравится в машинах этих, в деталях промышленных возиться, а мне невмостогу стаю. А каменщиком пошел — совсем другой переплет».

Что ж, подумалось мне, так оно и должно быть. Один, склонившись над кульяном, находит истинную поэзию в строгих линиях чертежа, другой, у которого уже от вида этих линий начинается зевота, идет продавцом, потому что ему интересно работать с живыми людьми. И каждый из них по-своему прав.

Я вспоминаю столовую в одном южном городке и парижку-грузина в белом поварском колпаке, стоявшего на раздаче. Уж какое тут, казалось бы, признание, какое творческое отношение к труду — ведь это даже не официант: налил первое, положила второе — вот, как говорится, и вся любовь. Но посмотрел бы вы на него! С какой радостью, с каким беспощадным изысканием нес он на подносе одной левой рукой огромные тарелки, наполненные супом харчо, те самые тарелки, которые посетители тащили потом к своим столикам, держа обеими руками и семеня, чтобы, не дай бог, не расплескать их, — нес по дуге, наклонив под углом градуса в тридцать, и с размаху ставил на стойку — так, что, помнится, дамочка, стоявшая в очереди рядом со мной, даже попыталась от испуга. Глядя на него, я почувствовал: да, он получает от своей работы удовольствие.

Такое же чувство возникало у меня, когда я смотрел на Минькова. Вот он вошел в азарт и ведет кладку, будто играючи: подбросит кирпич, взглянет, с какой стороны его положить, тут же перехватит на лету, и вот уже кирпич плотно уложен в «постель»

из раствора. В такие минуты он казался мне жовтлевым, который упивается ловкостью своих движений, а кирпичи в его руках казались невесомыми.

Свиридов работал по-другому: не спеша, по-мужичьи основательно. Но этот, если уж взял кельму, не выпустил из рук, пока есть работа. Как пойдет махать — только пар идет. Одно слово, мастера. А я, конечно, еще мастерок. Но уже кое-что понимаю. «Учись, присматривайся», — вспоминался слова Бреля. — не суетись. Раньше времени мастером не станешь. Умение, оно само придет. Главное, сердцем полюбить нашу работу».

Ну и кашу заварил в тот день ветер: в холодную, колючую мглу с размаху сыпался ледяной крупы и закрутил, закрутил, с каждой минутой расходясь все сильнее. Руки немели на этом ветру, промозглая сырость сковывала движения.

Ясно, что работа у нас не клеилась. Даже неумолимый Володя Свиридов чертыхался и все чаще бегал греться в катерку. Да тут еще постоянные задержки с кирпичом и раствором: в такой ветер — а на высоте он еще крепче — крановщику очень трудно точно опустить груз, все на него кричат, ругаются, а он просто не в состоянии успеть все доставить. Нам уже надоело кричать ему о своем растворе, и перекурь у нас стали длиться по полчаса.

В один из таких перекуров видим: лезет к нам наверх Брель. Ну, думаем, будет сейчас разнос: времени к обеду близится, а мы втроем не больше пяти-шести кирпичей уложили. Но Брель начал весело, как ни в чем не бывало:

— Ну что, ораы, крылья опустили! Я сейчас только что с небесной канцелярией по телефону разговаривал: после обеда обещают погоду-люкс. Так что давайте-ка поджмакнем все вместе. Предлагаю соревнование: я и Виталий на этом простейке кладем, вы — на том. У вас какие разряды? Третий и четвертый — в сумме, значит, семь получается. У меня пятый, у тебя, — обернулся он ко мне, — никакого еще пока, но ничего, экзамен скоро сдать — второй получишь; будем считать, что в сумме тоже семь. Силы равны? Тогда начали.

Мастерки так и замесались в воздухе. Я еле успевал подавать Брелю кирпичи и разравнивать серую, похожую на грядку «постель». Но Володя с Валерой старались изо всех сил: уже очень им хотелось обогнать своего бригадира. Мало-помалу они начали выходить вперед, и наконец выбившись из сил Брель кинул мастерок:

— Все, загнали, черти... Хотя особо не радуйтесь: сбросит бы мне десяток годовок, и нищайи б вы, как котят. Ладно, постарайтесь к обеду эту площадку закончить, а я пойду посмотрю, чего там плотники ругаются.

Короче говоря, площадку мы закончили за 20 минут до обеда. перерыва.

Боюсь, что складывается неправильное представление о Бреле как о каком-то добрячке и балагуре, толстом Карласоне, который прилетает, чтобы время от времени развеселить и приободрить нас. Нет, никогда он бывал очень суров, и под его взглядом приходилось буквально ежиться. Помню, как однажды он распекал меня за плохо уложенный ряд кирпичей.

— Мы же не на годы, а на десятки лет строим, пойми ты это. Тебя уже на свете не будет, а в этом доме люди еще будут жить. А когда на этом вот месте трещина образуется, знаешь, что они скажут: ну и халтурщики раньше дома строили... Лопаткой плевать и падая в песчанице умеет, а ты вот настояще жилье строить научись.

Обеденный перерыв. Как есть, в ватниках и касках, идем с ребятами в столовую. Шагать недалеко, метров триста. Но по дороге надо пересечь людную улицу. Мне уютно в стареньком ватнике. Да и каска успела подараться. Попробуй отлучи от запрасского строителя!

Навстречу — девушка. Мы знакомы всего несколько недель. Она студентка пединститута, милое, восторженное существо, обожающее все голубое и пушистое. Бонтеворт Баха. Удивленно вздернула брови, окинула быстрым взглядом мою заявленную раствором робу, потом скользящим взглядом по доминирующей фигуре Бреля, кирзовым сапогам Свиридова. Как-то открылостно подозрительно и помчалась дальше, кутаясь в пушистый воротник. Я не придал ее проинческим взглядом никакого значения, но скоро выяснилось, что все обстоит гораздо серьезнее. «Голубое и пушистое» существо перестало мне звонить, да и на мои звонки к телефону подходила родители. Всякий раз оказывалось, что моей знакомой «нет дома».

Да, между престижностью профессии на словах и на деле существует определенная разница. Как ни красиво звучит слово «строитель», не столь уж много находится охотников идти в камешники, плотники, штукатуры. И не только идти, но даже дружить с таким человеком кое-кто считает зазорным. Думаю, что дело тут не столько в малозастегном виде рабочей одежды, сколько в некоем «образовательном цензе», которым некоторые студенты и выпускники вузов отлучают, отделяют себя от прочих. Работа же строителя — как ошибочно считают многие — требует не мнимума знаний...

После обеда мастер Олег Харитонов, молодой, пышущий здоровьем парень, скопился с двумя плотниками. Те неправильно сделали какой-то замер, и работа почти целого дня пошла насмарку. «Да же ты раньше был? Самому смотреть нужно было», — возмущался ему плотники, — тем более тут в проекте изменение. А теперь переделаем будем — кто нам за это заплатит? Но Харитонов ругался и требовал немедленной переделки без всякой оплаты.

Брель появился как раз в тот момент, когда перебранка грозила перерасти в настоящий скандал.

— Ладно, мужики, стойт ли нервы трепать, — сказал он. — Давайте переделаем вместе.

И он быстро организовал всех плотников, сам взялся за топор, и через час работа была закончена.

Когда мы шли домой, я, пристроившись сзади, слышал, как он втолковывал Харитонову:

— Так, брат, нельзя. Ты ведь не хозяйчик, а такой же рабочий человек. Плотники эти заслуженные, к грубому обращению не привыкли. Вот ты Васильча халтурщиком обзовал, а для него это, может, самое большое в жизни оскорбление. Нет, паря, так с людьми никогда не столкуешься.

Харитонов слушал его, вздыхая и кивая головой.

Дома я вновь шел за «Камеиные работы». Интересная все-таки книга. Наверное, потому, что работа мне нравится. Интересно с ребятами, с Брелем. Мне нравится наша девятиэтажка. Я листую страницы, а в голове стоит слова бригадира: «Когда укладываешь кирпич, ты его пошатывай. Для чего? Чтобы плотнее ложился, что свободного пространства не оставалось. Трехчетверку на угол нужно класть из лучшего кирпича, без трещин. А этот — в забутку пойдет. Вот так — раз-раз, и в дело его. Так-то, мастерок».

Галина Букалова

Галина Букалова —
ленинградка.
Окончила мехмат МГУ.
Она инженер
в исследовательском отделе
института
Проектавтоматина.

Камчатка — Ленинград

Предлагают садиться.
И сперва самолет
Провожающих лица
У меня отберет.

А потом будет синий,
Непонятный чертеж,
Что далекостью линий
Лишь на карту похож.

Черный кратер вулкана,
Белый ладожский лед
Завязал без обмана
Узелком самолет.

И нескоро, нескоро
Я задерну окно,—
Ибо чудо простора
Для раздумья дано.

Радость гордой свободы
Мне не даром дана:
Вместо близких — народы,
Вместо дома — страна.

Жизнь спрессована прочно
И со мною плывет.
...Видишь, черная точка?
Это мой самолет.

Баллада о моей фотографии

Ни подарка, ни письмаца,
Переводы — и вся-то весть!
Говорили, мол, нет отца.
Отвечала: а вот и есть!

Просто я не девочко — бес.
Руки в цыпках, шумна, резка.
Ну, какой ему интерес
Слать мне письма издалека!

На уме — одна беготня.
За душой — одно озорство.
Тройки в четверти у меня.
Что и ждать-то мне от него!

Письм потом, в восемнадцать лет,
Сделаю стрижку, наден кольцо,
Я фотографию «на портрет»
Заказала свое лицо.

И коричневым гладкий тон
Так солидно меня облек,
Чтобы вздрогнул отец, чтоб он
Загрустил и стал одинок.

Чтоб воскликнул: «Вот это дочь!
Не какое-нибудь дитя!
Как положено все, точь-в-точь,
И перчаточки до локтя!»

Так отправила я отцу
Независимый, взрослый взор,
Поручив своему лицу
Без меня начать разговор.

...Ни открытки, ни письмаца
До сих пор не пришло в ответ.
Говорю я, что нет отца.
Что ж подделаешь, если нет...

Баллада о синей чашке

Полюбила ты сперва
Чашку синюю мою.
Ты вошла еще едва —
Сразу чашку подаю.

Так тверда и так скромна,
Так надежна ты была,
Что в руках твоих она
Пуще прежнего цвела.

Полюбила ты потом
Все, что было, весь мой дом.
Полюбила ты его,
Не оставив ничего.

Дом мой стал теперь твоим.
Я в трубу ушла, как дым.
Так живи в моем тепле,
В синей чашке на столе!

Только, знаешь, не забудь —
Все на свете может быть.
Вдруг полюбит кто-нибудь
Приходить, из чашки пить —

Я хочу, чтоб ты смогла
О другой сказать тогда,
Что она была светла,
И надежна, и тверда.

Сергей Александров
родом из с. Гниляково,
на Одессчине.
После десятилетки служил
в Советской Армии.
Потом работал каменщиком,
грузчиком, рабочим сцены,
директором Дома культуры,
ассистентом режиссера
на киностудии.
Заочно окончил
университет.
Работает в Одесском бюро
путешествий и экскурсий.

Сергей Александров

✱

Забывши тишину, из боя в бой
Мы мчались по дорогам революций,
Так наклонившись, будто бы рукой
К грядущему хотели дотянуться,

Отяжелев от горя и свинца,
Мы занимали города и годы,
И вовсе не для красного слова
Нас называли красивыми в народе.

Мы красные, как знамя у виска,
Как трудная дорога до Победы.
Мы красные, как красная строка
В нелегкой биографии планеты.

✱

Рябит тельняшкой полосатой
под белой форменкою сад.
Здесь шли бои, и здесь когда-то
Морской был высажен десант.

За двести метров от залива,
Под корни виноградных лоз
Все полегли. Но над могилой
Один за всех стоит матрос.

Погибших слава не согрела,
А на ветру тугом звеня,
До чистой бронзы загорел он
От света вечного огня.

✱

Тягуча осенняя нега.
Кузнечик стучится в висок.
Но первую восточкой снега
Упало перо на песок.

СЗ

Ему уже в небо не взвиться
За стаяй ушедшей послед.
Но, может быть, дело не в птицах —
А землю покинул поэт!

Даниил Чкония

Воспоминание

Там утро начиналось с поездов,
В ущелье узком гулко грохотавших.
С двух ласточек, укромное гнездо
Перед рассветом самым покидавших.

Неслась ручья прозрачная вода,
И высота была на вкус холодной,
И отступали горечь и беда.
Душа была, как ласточка, свободной.

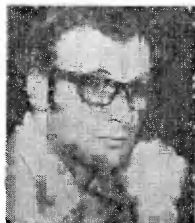
✱

А что тебе ночью приснится!
— В мелькании ярких огней
Грохочет, летит колесница,
Доносится топот коней...

А может, песа и озера,
Видения северных стран!
И звуки могучего хора,
Гремящие, как океан!

✱

Я знаю, что пройдет и это,
Но дай мне силы пережить.
Клочок чердачного просвета
Не перестал со мной дружить.
Сверчок прохладного подвала
По струнам водит свой смычок:
— Такого разве не бывало!
— Бывало, милый мой сверчок.

Даниил Чкония
в 1970 году окончил
Литературный институт
имени А. М. Горького.
До этого
работал слесарем
на «Азовстали»,
старшим пионервожатым
в школе.
Сейчас живет в Тбилиси,
литконсультант
Союза писателей Грузии.
Был участником
VI Всесоюзного совещания
молодых литераторов
и фестивалей поэзии
в Ашхабаде.

Оне Балюконите
работает в литовском
журнале
«Мокслейвис»
«Школьник».
Принимала участие
во Всесоюзных
совещаниях
и фестивалях поэзии.

Ночной поезд

Вагон стучит вагону вслед,
И ждешь, и ждешь — когда ударит
Пржекторков сквозящий свет —
И ты увидишь замок Джвари.

Он выплывает над землей,
Подсвеченной мерцаньем снега,
Над затаившеюся мглой —
Подобье белого ковчега.

Сплошная снега полоса
Ложится при дрожащем свете
На храм, глядящий в небеса,
На облака и на столетья.

Домик перевозчика

У застывающей воды
Остановилась осень,
И чьи-то темные следы
Заносит снег, заносит.

И смотрит медленно река
На берега пустые —
Сопротивляется слегка
И стынет, стынет, стынет.

Ей чудится: она хрипит
Прощальное словечко...
Не время — перевозчик спит,
Постлав тулуп за печкой.

Оне Балюконите

✱

И вдруг создать Вселенную. И там
такою долгой солнечною ночью
жить будут двое. Птицы забормочут
на стенах, в рамках. И цвести цветам

в ней будет странно. Но цветенье будет.
Раздвоенная молнией сосна
взметнется ввысь, и расцветет она,
и камень расцветет, и дождь, и люди.
Два любящих... Два сердца-одиночки,
создавшие из ничего судьбу...
Шиповник оплетает городьбу,
безмолвен, словно крик последней строчки.

Цирк

Вместо меня пусть тебе приснится
поле, и солнце, и клевер кругом.
Пусть цирковой горластый фурун
нас понесет — замелькают спицы —
снова свой труд совершать всегдашний
к шумной, веселой и жадной толпе.
Пусть над толпою будет тебе,
словно ребенку, светло и бесстрашно.
Словно на крыльях взлетаешь ввысь,
выше улыбок, цветов и ахов,
выше восторгов и выше страхов,
выше шепота: «Поберегись...»
Вдруг соскользнет в этот радостный круг
тихая песня любви и печали...
Пусть за меня тебе снятся ночами
поле, и солнце, и клевер вокруг.

✱

Веселых подсолнухов нету давно,
осталось лишь черное, мокрое поле.
Я слышу, как время течет, и оно
меня от стыда очищает и боли.

Смывает с души осеннюю грязь,
и завтра я буду, как снег, первозданна,
и веток безлистных свободную вязь
я так благодарно разглядывать стану.

Мой ветер, мой север, повязка моя
на ране, оставшейся с этого лета,
когда, весь свой мрак до поры затая,
играла Вселенная волнами света,

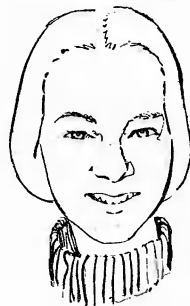
подсолнухов, бабочек, алых цветов.
О время меж завязью и созревaniem,
любовью и смертью цветов и плодов,
меж радостью горькой и сладким

страданием ..

Перевел с литовского
Б. ХРАМОВ.

ДЕВУШКИ МИРА И МИР ДЕВУШЕК

Студентка факультета филологии и филологии Льежского университета (отделение истории) Доминини КАПАНТЬЕ — член коммунистической организации молодежи Бельгии. Необыкновенно тонкая (так и хочется сказать — хрупкая), она в своих суждениях не по-девичьи категорична.

В этом номере «Юности» мы открываем «Клуб двадцатилетних». В первом заседании клуба участвуют только девушки, представительницы разных стран и континентов.

В октябре прошлого года эти девушки приехали в Москву на Всемирную встречу. Они знакомились с жизнью своих советских сверстниц, присматривались, сравнивали. Они много спорили, высказывали интересные мнения и единодушно осуждали войну, произвол, всякое насилие над человеческой личностью. Тогда, в дни Всемирной встречи, мы подумали, что право открыть наш клуб должно принадлежать им. Во-первых, клуб открылся в Год женщины. Во-вторых, наши собеседницы оригинально мыслили, их разговоры были злободневны. Немаловажно было и то, что девушки скоро уезжали — когда еще удастся с ними встретиться?

А вообще на идею создания клуба нас натолкнули наши читательницы.

Мы получаем много писем, в которых двадцатилетние интересуются мнением и своих сверстников и старших по самым разным вопросам — образования, моды, выбора профессии, взаимоотношений между юношей и девушкой, развития музыкальной культуры и т. д. В письмах содержится и справедливые и спорные суждения. А что, если вывести спор на страницы журнала?

Так родилась идея клуба.

Мы предполагаем устраивать заочные (по письмам) и очные (непосредственно в редакции) заседания клуба. Темы подсказываются вами, дорогие наши читательницы. Ведущими в спорах и дискуссиях будут и ваши ровесники и самые авторитетные и знающие старшие ваши товарищи.

Итак, первое заседание «Клуба двадцатилетних». Его ведет журналистка Татьяна Любецкая, мастер спорта, экс-чемпионка мира по фехтованию. Татьяна побывала во многих странах. Ей знакомы многие проблемы молодых за рубежом.

Мои собеседницы — девушки из Перу, США, Франции, Бельгии, Англии, Советского Союза, Польши и Японии. Первый вопрос, который я задаю им, считается традиционно женским, однако ответы убеждают, что девушки понимают его гораздо шире.

— Считаете ли вы современ-

ными мнения, что слабость украшает женщину?

ВИОЛЕТА ТЕЛЛО (Перу): Я думаю, современная женщина должна во всем идти на равных с мужчиной. Нет такой сферы деятельности, которая была бы ей недоступна.

ДАИАНА СТЕНТОН (США): Безусловно, тяжелые физические работы по-прежнему не для женщины. Что же касается остального, я считаю — женщина должна участвовать во всем.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ (Франция): Думаю, женщина должна пол-

Диана СТЕНТОН — член Коммунистической партии США, состоит в молодежной рабочей организации. Училась в колледже, но окончить его не смогла, пришлось зарабатывать на жизнь, работая секретаршей одной из строительных контор (г. Нью-Хейвен, штат Коннектикут).

Франсуаза КРОНБЕ — студентка юридического факультета парижского университета (Университет Париж XI), член социалистической партии. В беседе предпочитает подольше подумать, нежели ответить неточно.

Английская комсомолка Джин КАЗИНС — активистка Национального совета защиты гражданских свобод. По профессии Джин переводчик, филолог с дипломом Кембриджского университета.

ностью освободиться от своих слабых сторон. Круг ее интересов вполне может быть таким, как у мужчины. Но поскольку женская натура отягчается от мужской чисто физиологически, то это и определяет ту границу, которая все же существует. Например, тяжелые ручные работы, безусловно, противопоказаны женщине. А в остальном... имея такие же умственные способности, как мужчина, женщина в состоянии быть на любой работе, на любом посту, со всеми вытекающими отсюда интересами и увлечениями.

ДЖИН КАЗИНС (Англия): Здесь трудно ответить и «да» и «нет». Но если иметь в виду сферу деятельности современной женщины, то, думаю, она может заниматься решительно всем. Ну, разумеется, исключая те виды работы, которые могут отрицательно сказаться на развитии будущего ребенка.

ЕКО ХОСОИ (Япония): Я не считаю, что женщина слаба. Вопрос в том, чтобы ей дали возможность проявить свои способности и силу. Если коротко, то я считаю предварительным условием равноправия — охрану функций материнства. И в связи с этим, конечно, не

все занятия годятся для женщины. То есть с физиологической точки зрения она не может во всем равняться с мужчиной. Но создать для женщины условия, равные с мужчиной, необходимо, чтобы она имела возможность хотя бы попытаться заняться тем или иным делом.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ (Бельгия): Я считаю, что женщина должна освободиться от всех слабостей. Помимо тяжелых физических работ, я могу заниматься и увлекаться всем, чем увлекается мужчина. Политика — хороший тому пример, у нас женщины всерьез занимаются политикой. С другой стороны, мужчины могут заниматься домашним хозяйством, хотя, как правило, они считают, что это не для них. Все же, думаю, им можно это доверить. Они, безусловно, должны делить с нами домашние обязанности.

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК (Польша): Конечно, эти слова не устареют! Никогда! Я говорю так на основе собственного опыта. В моей работе часто бывало так, что мне удавалось уладить дела, с которыми мужчина, я уверена, ни

когда бы не справился. Женскую мягкость, чисто внешнюю беспомощность не заменит никакая сила, и порой они могут действовать совершенно неотразимо.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ (СССР): Если говорить о современной женщине вообще, подразумевая ее положение в обществе, работу, спорт и т. д., то, конечно, эти слова уже совсем не звучат. Но если иметь в виду личную жизнь, семью, то, по-моему, они остаются в силе. Я вожу машину, хожу в горы, занимаюсь общественной деятельностью. Но... думаю, женщина все же должна оставаться женщиной. Есть вещи, доступные только ей. И если она будет делать все вровень с мужчиной, у нее не останется сил, времени на чисто женскую сферу. Детям ничто не заменит женскую ласку, заботу... И этот быт, которого я немного боюсь, тоже требует времени. С другой стороны, я допускаю, что мужчина может проникнуть в исконно женскую сферу и быть полезен, скажем, в домашних делах, на кухне... Что касается меня, то я не люблю, когда мужчина «работает» на кухне, поэтому что я еще не встречала такого, который делал бы это, как

Работница библиотеки Токійского университета Ёко ХОСИ с огромной энергией участвует в деятельности Лиги социалистической молодежи Японии. Удивительно скромна. Но и удивительно принципиальна.

Виолета ТЕЛЬО — студентка факультета управления и администрации Университета в Лиме (Перу). Работает в книжном магазине. Виолета — член организации «Перуанская коммунистическая молодежь». Эта смуглая, голубоглазая девушка всегда серьезна.

Малгожата ДОМИНИЧАК — студентка 5-го курса медицинского института в Целіне. В своем вузе она руководит организацией Социалистического союза польских студентов. Малгожата легко и искренне общается, сопровождая свои слова широкой улыбкой.

я. Я говорю только о кухне. Если говорить о проникновении мужчины в сферу женских дел, то речь, вероятно, может идти лишь о домашних делах. Что еще они могут делать? Вязут, по-моему, только англичане? Во всяком случае, у нас я не встречала вяжущих мужчин.

Вязущий мужчина? Это звучит любовито. Намного любовитней, чем, скажем, женщина — общественный деятель. И это говорит, вероятно, о том, что женщина более решительно занимает исконно мужские позиции, чем мужчина — женские.

И все же до сих пор существует мнение, что удел женщины — дом, семья, дети и ничего другого ей не нужно.

— Скажите, пожалуйста, что лично вам дает ваша общественная работа?

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Для меня это способ образования, самовыражения. Я могу высказываться, спорить о многих вещах, которые потом, возможно, помогут улучшить мою жизнь и жизнь других людей. Общественная деятельность помогает мне лучше разбираться в современных проблемах и, что особенно важно,

позволяет занять определенное место в обществе.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я думаю, что женщина, которая занимается только кухней, детьми, своим мужем и собой, является женщиной-вещью. Это как раз то, против чего мы боремся. Я верю, что своим каждодневным участием в общественной жизни приношу пользу.

ДЖИН КАЗИНС: Общественная работа? Для меня это путь к справедливости, к более полному пониманию людей разных слоев и возрастов. И, кроме того, я просто приобретаю дружбу людей, с которыми работаю в союзе.

ВИОЛЕТА ТЕЛЬО: Действительно, широко распространено мнение, что общественная деятельность — не для женщины. А у нас, в Перу, участие в общественной жизни иногда просто опасно. Однажды я была арестована. Это случилось во время университетских выборов, когда местные маоисты организовали провокацию. Мы пытались их утихомирить, но из этого ничего не получилось, и дело кончилось столкновением. В результате нас всех арестовали и выпустили только через два дня.

Мои родные осуждают меня за вступление в организацию «Перуанская коммунистическая молодежь», но я... я чувствую себя счастливой.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Для меня общественная работа — это школа общения... Я имею возможность встречаться со многими людьми, говорить, спорить о разных вещах, о проблемах современности... это помогает мне расти, находить себя... Для меня это еще и способ раскрепощения: я от природы застенчива.

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Мне кажется, общественная деятельность помогает человеку в самовоспитании. Я многому научилась, познакомилась с хорошими, умными людьми... Я нахожусь в центре жизни своего вуза, своей страны... Но это еще не все. Общественная работа — всегда школа общения. Я хочу стать врачом. И мне очень важно уметь общаться с людьми, чтобы лучше понять их и уметь помочь.

Обсудив первые два вопроса, мы выяснили, что круг интересов, дел и увлечений современной молодой женщины широк и разнообразен. Вы работаете, учитесь,

Будущий инженер-экономист **ВИАЛЕТТА СТУКАЙТЕ** — член бюро ЦК ЛКСМ Литвы. В своем Кавнаском политехническом институте она участвует в руководстве школой комсомольских активистов.

занимаетесь спортом, участвуете в общественной жизни...

Остается ли у вас время на личную жизнь? Есть у вас друг (любимый человек)? Соответствует ли он вашему идеалу мужчины? Как вы относитесь к понятиям «семья», «дети», «домашний очаг»?

ВИАЛЕТТА ТЕЛЮ: Очень трудно выкроить время на личную жизнь, даже в воскресенье я работаю в организации «Перуанская коммунистическая молодежь». Я не замужем, и у меня нет возлюбленного... Если я выйду замуж, то только за человека, который будет разделять мои убеждения. У меня будет четверо или пятеро детей. Я должна быть хорошей матерью. И нужно будет найти время для создания домашнего очага. И я уверена, что мои дети не будут получать меньше ласки оттого, что я работаю и занимаюсь общественной деятельностью. Я не знаю, как я буду делить время между работой и семьей, но уверена, что сумею это сделать. Когда я была маленькая, родители часто оставляли меня без присмотра, и я на своем опыте знаю, как горько быть одной.

ДАИАНА СТЕНТОН: К сожалению, остается очень мало времени для себя... С моим мужем мы познакомились еще в школе. Что нас объединяет? Общие взгляды на жизнь, любовь к развлечениям — театру, кино. Мы очень любим танцевать. Красивый? О да! Вероятно, его можно считать моим идеалом, потому что я знакома с ним с 15 лет и никого другого себе не представляю... Очень не люблю противопоставлять семью всему остальному, но все же семья, пожалуй, самое важное.

Собственно говоря, все, что я делаю (моя работа, общественная деятельность), я делаю в конечном итоге ради семьи, ради дочерей... Я бы хотела иметь трех-четырех детей, но, вероятно, не смогу себе этого позволить.

ЕКО ХОСОИ: Я уже замужем, муж также состоит в Лиге социалистической молодежи. Мы познакомились на национальном фестивале мира и дружбы. Тогда он мне показался человеком оригинальным, с очень широким кругозором и... заботливым. Он и сейчас очень заботливый. Прежде всего нас объединяет борьба за наши общие цели... Хотя понятия «домашний очаг», «семья» я считаю очень важными. Но сейчас мне трудно говорить об этом — у меня нет семьи в общепринятом смысле... Я редко бываю дома, мы с мужем мало видимся, нам не хватает интимных, задушевных бесед. Но я бы очень хотела иметь настоящий домашний очаг, семью, детей.

ДЖИН КАЗИНС: На личную жизнь у меня, конечно, остается время, если только это можно назвать временем. Человек, которого я люблю, тоже занимается политикой, и иногда мы видимся едва ли пять минут в день. Но это все же лучше, чем ничего.

Об идеале мне говорить трудно. Нас объединяют более или менее сходные политические взгляды, одинаковые вкусы в музыке, любовь к природе. Я не могу сказать, чтобы мы во всем сходились. У нас есть свои проблемы... Поженимся? Сомневаюсь. Он принципиально против женитьбы. А я? Я все же попытаюсь его переросить... Да, я очень хочу, чтобы у меня были дети. И как можно скорее. Один или два... Я даже готова на некоторое время оставить работу, чтобы довести детей до определенного возраста.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Любовь? О да, я считаю, что современная женщина должна все успевать. У меня даже остается время на ка-

раты и гимнастику. У меня есть парень, которого я люблю, но это ведь не вечно. Красивый? Нет, не очень. Я еще не замужем, но мне кажется, что очень здорово жить в хорошей, сплоченной семье... Я бы хотела иметь двух-трех детей, не больше. В противном случае в нашем обществе не будет возможности их воспитать и дать им образование.

МАЛОЖАТА ДОМИНИЧАК: У меня есть парень. Мы познакомились в горах, катались на лыжах... Он живет в другом городе, поэтому мы очень редко видимся, примерно раз в месяц. Но зато тогда накапливается много новостей, нам есть о чем рассказать друг другу... Домашний очаг, семья были бы моим самым счастливым местом в мире. Хочу иметь двух детей: мальчика и девочку.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Вообщем-то для устройства семьи времени мало, но я, конечно, стараюсь его находить... Нет, мой друг не очень красивый, но симпатичный. Мы познакомились в Союзе коммунистической молодежи, когда он был куратором нашей группы, и теперь вместе ведем политическую борьбу. Он преподаватель истории, это как раз то, чем я собираюсь всерьез заниматься после окончания университета. Так что и тут у нас много общего... Пожалуй, он мог бы быть моим идеалом, если бы мне не нравились высокие блондины, а он не был бы брюнетом невысокого роста... Но я люблю его... Я, конечно, хочу создать свою семью, иметь детей, но не сразу. Я еще слишком молода... Думаю, прежде чем выйти замуж, нужно как следует друг друга узнать, чтобы не надевать ошибок...

ВИАЛЕТТА СТУКАЙТЕ: Я действительно очень занята. Но, наверное, нужно уйти отключиться... А кроме того, моя любовь — всегда со мной... Скоро я собираюсь выйти замуж... Я знаю его три года. Когда мы познакомились, он был президентом интерклуба в нашем институте, а я училась на первом курсе. Он понравился мне, как только я его увидела, а когда заговорил о жизни, о главной своей цели — создать счастливый мир, — у меня появилось такое чувство, что я нашла свою судьбу и что мы останемся вместе... Я думаю, у супругов отношения, чувства меняются со временем. И, как во всем, люди и в любви могут идти дальше, выше, снова влюбляться... И ведущая роль в этом, мне кажется,

должна принадлежать женщине, но так, чтобы мужчина думал, что это его заслуга... От улыбки женщины многое зависит... Я уверена, что при всей занятости найду силы для семьи, воспитания детей. Я бы хотела иметь двух или трех детей... Думаю, что для женщины самое ее время, — как бы это сказать — «должность» — семья. Мы ответственные за поколение, и каким оно будет — это в большой степени зависит от матерей.

По-моему, Виолета очень хорошо сказала насчет первой «должности». Но ведь при всем том женщина должна оставаться красивой и обаятельной.

Что думаете вы по этому поводу? Влияют ли на наше мнение в этом вопросе ТВ, кино, журналы мод? Считаете ли вы, что обаяние, привлекательность требуют каких-то специальных усилий (упражнения, диета, косметика и т.д.) или в вашем возрасте это достигается само собой?

МАЛОГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Женщина постоянно должна выглядеть красивой, отдохнувшей, быть хорошо одета. К сожалению, мне это не всегда удается, но я стараюсь... У меня очень мало времени, чтобы думать об этом... Конечно, и кино, и ТВ, и журналы — все в какой-то степени влияют на мои вкусы, но я никогда не копирую написанное, нарисованное. Стараюсь выбрать то, что подходит моему типу. Я, например, не худенькая, поэтому не хожу в брюках. Думаю, это было бы не ладно для меня; по той же причине я не ношу коротких юбок... И еще я думаю, женщина должна как можно больше улыбаться, быть приятной, воспитанной и... оставаться собой.

ВИОЛЕТА ТЕЛЪО: Я не считаю физическую красоту женщины, ее обаяние чем-то значительным. К глубокому сожалению, капиталистическое общество требует от нас соблюдения определенных условий в этом плане. Например? Модны широкие брюки, и я вынуждена носить широкие брюки. Надеть узкие я уже не могу — не продаются. Вообще же все это меня очень мало интересует. Я думаю, чем проще ведет себя женщина, чем меньше ухаживает, тем лучше.

ЕКО ХОСОИ: Я не считаю те образцы женственности и красоты, которые нам преподносят ТВ, кино, журналы, настоящими. Они искусственные. А если смотреть глубже, все это направлено на то, чтобы отвлечь женщину от сер-

езных проблем. Я, конечно, слежу за модой, но не в той степени, в какой хотят нас заставить многочисленные средства информации. Такая пропаганда на руку капиталистам, они на этом зарабатывают...

ДИАНА СТЕНТОН: На журналы и кинозвезд я обращаю мало внимания и в основном слежу интуиции. Когда я выбираю платье, я не имею в виду никого, кроме себя. Но если бы все же для меня существовал эталон, то это была бы Анжела Дэвис. Не только потому, что она красива, но — и это в первую очередь — потому, кем она является. В женщине я ценю прежде всего аккуратность, доброту и ее взгляды.

ДЖИН КАЗИНС: Я думаю, стремление к красоте должно идти от желания выглядеть здоровой и быть здоровой. Например, если женщина соблюдает диету для стройности — это хорошо и для здоровья. Ухаживает за кожей? Прекрасно, от этого кожа будет здоровой, а значит, и красивой. Если женщине нравится косметика и украшения — в этом тоже нет ничего плохого. Я даже не осуждаю мужчин с подобными вкусами. У нас в Лондоне есть молодые люди, щедро употребляющие косметику. Ну, если им нравится...

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я против журналов мод... Их так много и они отвлекают женщину от более серьезных проблем. Думаю, нет необходимости быть самой красивой, вполне достаточно — только приятной. Мне кажется, среди огромного количества способов сделать искусственно красивой важно не лишиться чувства меры, не потерять себя.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Главное — найти и сохранить индивидуальность. Впрочем, если в моде я могу найти то, что соответствует моему вкусу, я с удовольствием это приму, лишь бы не жертвовать своей индивидуальностью. Я пользуюсь косметикой, делаю прическу, но больше всего стараюсь, чтобы была видна изюминка.

Итак, большинство моих собеседниц не придают решающего значения женской красоте в общепринятом смысле. Во всяком случае, материнство, общественные обязанности, работа — вот что составляет содержание их жизни.

Кстати, какие, на ваш взгляд, профессии, сферы деятельности наиболее престижны для современной молодой женщины?

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Думаю, что это те профессии, в которых женщина не уступает мужчине в интеллекте. На мой взгляд, привлекательность современной женщины идет не столько от душевных качеств, мягкости, но в большой степени от интеллекта. Этим я объясняю выбор своей профессии. Я хочу учиться и дальше, изучать социальную психологию.

МАЛОГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Мне нравится профессия медсестры.

ЕКО ХОСОИ: Затрудняюсь назвать какую-нибудь определенную профессию, но думаю, что скорее всего она будет связана с техникой.

ДЖИН КАЗИНС: Сейчас все больше женщин занимаются юриспруденцией. Существует много законов, дискриминирующих женщин. И чем больше женщин будет заниматься юриспруденцией, тем быстрее мы сможем изменить эти законы.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я хочу стать адвокатом, и эта профессия кажется мне наиболее престижной.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Каждая хорошо работающая женщина, я думаю, считает свою профессию престижной. Меня интересуют работа историка.

ДИАНА СТЕНТОН: Все профессия, все, что бы ни захотела делать женщина, должна быть ей доступной. В нашей стране женщина не имеет такой возможности. Но я считаю, что она должна ее иметь. А если конкретно, то женщина-судья и... конечно же, женщина-президент. Я — президент? Почему бы и нет?

Действительно, почему бы и нет? Хотя, возможно, у мужчин на этот счет другое мнение. Но поговорим о менее спорных вещах, например, о таких, как комфорт, вещи, материальное благополучие.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: За все это надо дорого платить. И мне, студентке, с трудом зарабатывающей себе на жизнь, нелегко говорить об удобствах. Собственно, сейчас мне все это не нужно. Однако, если бы все могли иметь возможность получить комфорт, материальное благополучие, то я бы тоже не отказалась. Я мечтаю жить с комфортом — это хорошо.

ЕКО ХОСОИ: Я считаю, комфорт нужен для нормальной жизни людей, хотя трудящиеся Япония лишены такой возможности.

ВИОЛЕТА ТЕЛЪО: Для меня комфорт, в общем, не имеет значения. Но такие вещи, как, скажем, автомобиль, телефон... они необходимы, и я не вижу в этом особого комфорта. Если, к примеру, мы открываем кампанию по расклеиванию листовок, автомобиль — просто незаменимая вещь. Телефон, мягкая мебель, хорошее освещение — все это даст мне возможность удобно заниматься и отдыхать — почему бы мне и не принять этого?

ДИАНА СТЕНТОН: Комфорт? По-моему, это хорошо. То есть то, что необходимо для нормального существования. Роскошества мне не нужны. Необходимы дом, машина, хорошая еда и хотя бы немного денег на развлечения.

ДЖИН КАЗИНС: У меня нет никаких особых желаний, например, купить телевизор или машину. Мне нужно место, где жить, деньги на еду (я люблю вкусно поесть, бифштекс, например), проигрыватель, чтобы слушать музыку, и немного одежды, чтобы иметь возможность делать разумные комбинации. Много денег? Если бы у меня появились деньги, я истратила бы их на путешествия и книги.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Комфорт, благополучие — это хорошо. Но... я очень люблю путешествия, маршруты по горам, выставки. После этого комфорт, вещи как-то теряют цену.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Разумеется, никто не хочет жить в нищете. Мои желания не простираются до роскошных замков с уникальной мебелью. Но я не откажусь от хороших условий. Вообще-то я из обеспеченной семьи, но сейчас, в силу обстоятельств — я живу с другом, — обитаю в комнате без горячей воды. Почему бы мне не желать горячей воды? Если бы у меня появилось много денег, я все равно пользовалась бы минимальными удобствами, а деньги отдавала движению коммунистической молодежи.

Как далеко вы решаетесь заглянуть в будущее? Можете ли вы представить себя, например, пятидесятилетним? Как относитесь к людям, которым сейчас пятьдесят?

ЕКО ХОСОИ: Пожалуй, не могу представить, какой буду через тридцать лет. Люди, которым сейчас пятьдесят, испытали войну, и мне хочется больше услышать от них об ужасах и бедствиях войны. Мы должны все это знать.

ДИАНА СТЕНТОН: Нет, не представляю себя пятидесятилетней!.. К людям, которым сейчас 50 лет, отношусь с почтением. В моей организации (я имею в виду коммунистическую партию) есть женщина, которой 72 года, но она так же активна, как и я.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Да, могу. Хотя мне вовсе не нравится стареть. Но я допускаю, что жизнь может быть интересна и в пятьдесят. У людей в этом возрасте больше жизненного опыта, и они в состоянии столь же активно участвовать в решении жизненных проблем, как и мы.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Пятидесятилетней?.. Мне даже трудно представить, что я в будущем году буду инженером. Впрочем... Я думаю, что в пятьдесят внешне я изменюсь, но, надеюсь, внутренне останусь такой же, разве что опыта будет больше. К людям, которым сейчас пятьдесят лет, я отношусь с большим уважением, они мои друзья. Возможно, в их возрасте я сумею достичь большего...

МАЛГОЖАТА ДОМИНИЧАК: Людям, которым пятьдесят... Для нас, поляков, очень важно, что они пережили войну, боролись за свободу, они рассказывают нам о том времени, и их рассказы мы должны запомнить... Я отношусь к ним с уважением. Но, с другой стороны, они должны понять молодых, уступать молодым, продолжающим их дело.

ДЖИН КАЗИНС: Не могу представить себя пятидесятилетней... Я отношусь с большим почтением к старшим, стараюсь перенять их опыт, и мне очень жаль, что часто к пятидесяти годам люди настолько устают от жизни, что практически сдаются. Но те, кто продолжает борьбу, их действительно можно уважать.

ВИОЛЕТА ТЕЛЪО: Да, могу. Надеюсь, к этому времени я сумею многое сделать и у меня будет четверо или пятеро детей. Людей, которым сейчас пятьдесят, я очень уважаю, но... В основном им непонятны современные проблемы, потому что они выросли в капиталистическом обществе и уже не могут перестроить свой образ мышления.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я живу настоящим... Люди, которым сейчас пятьдесят... Не могу не согласиться с тем, что они отстают. Но это естественно, потому что они получили образование и воспитание тридцать лет назад.

Мы очень много говорили об обязанностях, о долге современ-

ной молодой женщины... Но представьте, вам выпала совершенно свободная от обычных дел неделя. Как бы вы ее провели?

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Уехала бы куда-нибудь путешествовать.

ВИОЛЕТА ТЕЛЪО: Постаралась бы уехать куда-нибудь подальше от Лимы... Если бы у меня был парень — то вместе с ним.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Я бы забралась в деревню и рисовала. И непременно со своим другом. Но к концу недели я бы устала отдыхать. Я привыкла к активной жизни.

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Я бы поехала в Ленинград, в Эрмитаж... Наверное, одна.

ДИАНА СТЕНТОН: Может быть, я провела бы эту неделю на пляже, в лесу, где-нибудь, где очень тихо и красиво. Одна... Но, возможно, что через три дня я почувствовала бы себя одинокой и захотела вернуться.

ДЖИН КАЗИНС: Я бы поехала за город с друзьями. Я не люблю быть одна. Скорей всего, я бы поехала с друзьями, у которых маленькие дети.

Закрывая заседание клуба, я задаю девушкам последний вопрос: ваша самая большая мечта?

ВИОЛЕТА СТУКАЙТЕ: Найти счастье в работе и в семье.

ДОМИНИК КАРПАНТЬЕ: Я хотела бы быть багратиной, как Майя Плисецкая. И если бы не несчастный случай... А теперь я хочу стать хорошим борцом за дело, в которое верю.

ДЖИН КАЗИНС: Быть счастливой в личной жизни. И помогать осуществлению свободного социалистического мира для всех.

ЕКО ХОСОИ: Моя самая большая мечта — чтобы Япония стала социалистической страной.

ВИОЛЕТА ТЕЛЪО: Чтобы весь лезуанский народ стал по-настоящему счастливым и все народы тоже.

ФРАНСУАЗ КРОНЬЕ: Я хотела бы достичь очевидных результатов в своей борьбе за социализм и прогресс в положении женщин. Но надо, чтобы еще многие осознали смысл нашей борьбы.

ДИАНА СТЕНТОН: Я хотела бы, чтобы мое поколение в Социалистических Штатах увидело социализм. И не только в Штатах, но и во всем мире.

Наука на рубеже наук... Понятие, еще недавно столь необычное, теперь уже прочно укоренилось в психике и в быту исследователей. Но когда по этой тревожной границе соприкасаются сразу три научные державы и, по сути, в одной точке сходятся интересы трех весьма беспокойных и быстро растущих соседей, тогда «пограничникам» покоя нет.

Биология... География... Геология...

У каждой системы наук свой свод законов, свой устоявшийся уклад жизни, свои автономные области. Улаживание взаимоотношений между ними уже само по себе профессия, и притом довольно хлопотная. А здесь еще новая работа — палеопалинология, пограничное дитя, с юных лет заявившее о своей независимости и, что самое главное, подтвердившее свои права на существование внедрением экспериментально-теоретических открытий в практику. А от роду этому чаду всего несколько десятков лет...

В нашей стране сейчас около двухсот палеопалинологических лабораторий. Нет ни одного значительного научного центра, университета, производственного геологического объединения, где бы не работали специалисты этого нового направления. За рубежом крупные промышленные корпорации — такие, например, как «Стандард ойл» (а он весьма далеки от бескорыстного научного меценатства), — привлекают к сотрудничеству многих палинологов, создают крупные отделы и лаборатории, оснащают их самым современным и дорогостоящим оборудованием.

У колыбели этого дитяти стоит такое с виду капризное занятие, как наблюдение за пылью! И спорами современных растений, изучение микроскопических зерен — носителей жизни будущих поколений флоры.

Весенний животворный вихрь разносит эти мельчайшие одноклеточные частицы по белу свету. Сколько раз, наверно, от вапих прикосновений к цветам, ветвям, листьям вспархивали облака пыли и спор. А может быть, вы склонны к созерцанию и поэтому, не задумываясь о нервозничках, просто наслаждались прекрасным зрелищем — золотистым налетом на поверхности озер и рек...

«Палино» — по-гречески рассевать, разбрасывать. И великий сеятель Природа делает это щедро. К примеру, с одной серёжки

**Людмила
ПОРТНЯГИНА**

Людмила Александровна Портнягина — кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Уфринского научно-исследовательского геолого-разведочного института (УфНИИГРИ) в г. Львов. В литературном журнале печатается впервые.

СПОРЫ ВОКРУГ СПОР

Рисунок
Е. МАЦЕВСКОГО.

орешника таких пылинкок слетает более четырех миллионов...

Без палинологии — родительницы науки, о которой мы поведем речь, — уже сейчас не могут обойтись такие прикладные отрасли, как, скажем, пчеловодство (по пыльце в меде устанавливается, настоящий ли он и откуда он взят) и криминалистика (споры и пыльца, обнаруженные на обуви и одежде, могут определить местность, где был похороненный, и доказать таким неожиданным образом его причастность или непричастность к преступлению).

Но все-таки только с приставкой «палео» («древнее») новая наука — палеопалинология — обрела мощный размах в поистине стремительный темп развития.

Геологи уже давно обнаружили ископаемые остатки растений в горных породах. Сейчас, пожалуй, уже все знают, что уголь — это спрессованный в пластах Древний лес, что окаменевшие деревья когда-то были живыми и их кроны шумели над землей, когда еще и намека не было на разумное человеческое существование. Но многие годы никому и в голову не приходило, что в горных породах с долгой и сложной геологической биографией могли уцелеть мелкие и на первый взгляд такие нежные образования, как споры и пыльца.

Поэтому иначе, как сенсационным, не назовешь обнаружение этих микростатков растений в землях слоев, насчитывающих по возрасту многие миллионы лет. Можно представить, с каким волнением первооткрыватели следили в микроскоп за этими мельчайшими свидетелями жизни архидревных эпох. У спор и пылинок вскоре выяснился ряд достоинств и преимуществ перед другими палеонтологическими окаменелостями, позволяющими определять возраст геологических наслоений. Оказалось, что хрупкость и нежность оболочки пылинок и спор только кажущаяся, что на самом деле их скорлупа значительно более живуча и устойчива, чем крепкие панцири, различные скелеты и раковины ископаемых организмов.

Полностью исчезая с лица земли, разрушаясь, растворяясь грандиозные стволы, листья, стебли и плоды растений, а мельчайшие зерна спор и пылинки сопротивлялись и активному бактериальному воздействию, и сильным перегревам, и колоссальному сжатию в толщах горных пород, погруженных на большие глубины.

Если многие растительные и

животные сообщества прошлого сохранялись на месте своего существования (и это затрудняло сопоставление различных геологических слоев, возникших в разной физико-географической обстановке), то споры и пылы разносились на многие десятки, а то и сотни километров, проникали и в донные осадки различных акваторий (от малых озер до океанов) и в различные породы материкового, континентального происхождения. Это обстоятельство открывает совершенно новый аспект в палеогеографии, дает возможность восстанавливать и изучать климат и ландшафты очень далекого прошлого, причем в глобальном масштабе...

Геологи знают, какая это беда — «немая» толща. Сотни, а то и тысячи метров пластов горных пород лишены всяких остатков органической жизни; они безмолвны, «немые», молчат о своем происхождении, и, что самое плохое, возраст их подчас установить почти невозможно. А без датировки толщи заходят в тупик многие геологические исследования, в том числе и наиболее насущные для человечества — поиски полезных ископаемых. Но палинологи даже в самой безнадежной серии пород могут обнаружить невидимые простым глазом зернышки истины...

...И скрепля таких искр познания засылая в темных и беспросветных толщах Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Памира!

Я палинолог и пропущу читателя сделать поправку на мой заинтересованный взгляд на свое дело («изнутри»), а не «снаружи» и на мои возможные субъективные заблуждения. Но мне кажется, что энтузиазм и поисковая смелость, необходимые в любой, особенно в новой «пограничной», области являются в палинологии тем воздухом, без которого нельзя сделать ни одного самостоятельного шага...

Откуда бы ни приходил специалист в нашу отрасль — из геологии, географии или ботаники, — ему приходится сталкиваться с недоумением коллег по недавнему ремеслу. Обычны сентенции такого рода: «Была геолог (биолог, географ) как геолог (биолог, географ), а теперь? Ни то ни се!»

Когда же я, по образованию геолог-поисковик, пришла в палеопалинологию более 15 лет назад, то еще добавляла: «Да и дело-то какое-то сомнительное!»

А юмористы еще кааламбурили: «Брось это занятие. Вокруг пылы и спор один спор!»

Шутки шутками, но каждому из нас фактически приходилось приобретать и полностью осваивать еще одну профессию: ботаникам — геолого-географическую, геологам и географам — ботаническую. Сейчас, оглядываясь назад, видишь, что уже эти первые препятствия и трудности отсеяли многих начинающих.

В нашей отечественной палинологии большинство палинологов — женщины. Среди них такие выдающиеся ученые с мировым именем, как Л. А. Куприянова из Ботанического института АН СССР, плеяда «гитовцев» (сотрудников Геологического института АН СССР), пионер исследований самых древних — палеозойской и докембрийской — флор С. Н. Наумова и крупнейший специалист по кайнофите¹ профессор Е. Д. Заклянская.

Перечисл имен можно было бы и продолжать, но я не случайно остановилась на Елене Дмитриевне Заклянской. Ее я знаю лучше других. И если уж писать портрет современного палинолога, то лучшего образа не найду. Она относится к тем людям, с которыми, как принято сейчас говорить, «не соскучишься».

¹ Кайнофит — наиболее молодая эра развития растений.

В ней самой и в ее окружении мысль пульсирует непрерывно. Своим беспокойством она может заразить кого угодно. А сколько работоспособности в этой хрупкой и иззябшей женщине! Сколько в ней бескорыстного фанатизма, всегда какого-то своего, неселого и жизнеутверждающего! Сколько веры!

По-моему, ее бесчисленные идеи никогда бы не могли возникнуть без высокой общей культуры, без жадного интереса ко всему, что происходит в мире: к литературе (она сама пишет стихи), к музыке (только случайно поменяла ей стать профессиональный пианистский), к живописи (она великолепно рисует). Она неутомимый геолог-полевик в прошлом: Урал, Западная Сибирь, Казахстан, Сахалин — далеко не полная география ее многолетних маршрутов. В самые недавние дни она могла паразит своих товарищей по плаванию на «Витязе» нырянием с аквалангом за донными проблемами.

Ее портрет далеко не икона. Она живой человек в живой и любимой профессии.

Почему же женщины? Вероятно, то терпение, которым мы обладаем, та скрупулезность и упорство, та вера в успех дела, которое многим кажется безнадежным, не всегда по плечу сильному полу.

И в то же время палеопалинология — вполне мужское дело, требующее, кроме кропотливого эмпирического труда, еще и широты обобщения, строгой логики. Тому свидетельство — труды фундаментаторов этой отрасли, первые работы в этом направлении 30—40-х годов К. К. Маркова, В. П. Гринчука и других.

Как бы там ни было, а факт остается фактом: большинство ведущих палинологов за рубежом — мужчины. Нередко в наших крупных лабораториях можно наблюдать их — американцев, немцев, болгар, румын и других — за стажировкой у наших женщин-корифеев. Как жадно ловят они мудрые слова своих маститых наставниц, усваивают их рекомендации и, что скрывает, покорно носят их далеко не всегда ангельский характер.

Да и как тут оставаться ангелом, когда Маловеров и Скитников — особенно в смежных трех науках — Не занимаешь, когда все, что ни делаешь, все ново, а новому всегда приходится несладко.

У моих друзей самых миролюбивых сотоварищей поневоле вырабатывается воинственная защитная реакция. Отстаивать свои новые положения многим приходится в настоящих научных баталиях.

Я по своему характеру и поведению отношусь, как говорят, к «робкому десятку». Но друзья до сих пор с удовольствием рассказывают (и хочоту во все горло, вспоминая) эпизод на моей защите кандидатской диссертации. Сама подзащитная плохо это помнит по той простой причине, что соискатель перед лицом грозного научного совета и под напором оппонентов нередко выпадает в состояние, близкое к сомнамбулическому. Примерно то же самое происходило и со мной, когда я с указкой в руках начала наступать на одного из главных геологических академиков (кстати, выше меня ростом на две с половиной головы). Замы языки уверяют, что эта сцена напоминала сеанс фехтования. Скажу вам честно, что за меловым кругом науки «в миру» такой поступок был бы для меня попросту немислосым...

Было бы неверно думать, что если к нам постоянно обращаются за помощью при изучении материала из самых глубоких и сверхглубоких скважин, если, по сути, ни одна нефтегазовая провинция (в особенности открытые недавно) не обходится без палинологических определений, то вся наша наука сведена к чисто прикладной, утилитарной деятельности.

Отнюдь. Даже наоборот, никакого практического проку от нас бы не было, если бы палинологи постоянно и успешно не занимались экспериментальными и теоретическими изысканиями.

Палинология не чужда всем новым веяниям научно-технической революции и быстро берет на вооружение последние достижения современной техники. В электронных микроскопах с их громадными увеличениями пыльца и споры открывают неведомый доселе феерический рисунок своих оболочек. Широко применяются люминесцентная микроскопия, тончайшие геохимические методы уславляют связь палинологии с палеогеологией, эвриологией и биохимией.

Как же выглядели растения прошлого, каков был облик пыльных великодушных чап периодов расцвета флоры и во что превращались эти грандиозные леса во времена резкого иссушения климата или его общеземного похолодания? Ответить на этот вопрос оказалось далеко не просто. Что делать с теми страницами геологической летописи, где целыми лишь отдельные буквы — споры и пыльца, а целые слова и строки — стебли, древесина, листья, корни, плоды — отсутствуют полностью, вычеркнуты почти разрушительными силами? Ответ на этот вопрос без палеопалинологов дать нельзя.

Путь один: детальнейшие сопоставления, постепенное и непрерывное движение от известной нам флоры и ее спорово-пыльцевых продуктов к реконструкции загадочной Древней растительности по ископаемым спорам и пыльце, поиски всех соединительных звеньев в этом длиннейшем эволюционном ряду. Осилит эту тернистую дорогу идущий, и, так уж вышло, он должен быть палинологом.

В разрешении проблемы происхождения океанов — одной из самых животрепещущих проблем нынешнего естествознания — палинологам тоже принадлежит не последнее место. Поразившие всех находки спор и пыльца в донышках отложениях самых глубоководных впадин и на океаническом ложе еще раз подтверждали правоту палеопалинологического метода сопоставления морских и континентальных отложений, позволили более уверенно говорить о возрасте и происхождении осадков в холодных и темных пучинах Мирового океана.

А проблема миграции нефти — этой крови современного промышленного организма! Пути возникновения и движения ее по различным таинственным подземным каналам непрерывно волнуют нефтяную

науку и промышленность. Под микроскопом в этой маслянистой жидкости были также обнаружены споры и пыльца, причем из пластов и глубин, весьма удаленных от месторождения. Благодаря палинологам возникло новое и, быть может, одно из самых действенных средств изучения миграции из нефтематеринских истоков в те резервуары, откуда многочисленные скважины качают черные соки недр.

Вклад палинологов в промышленные достижения последних пятилеток невозможно выразить в цифрах и процентах, но за многими из осуществленных и выполненных пластов стоит их труд. В еще более широких масштабах поиски будут продолжены в стартовавшей десятой пятилетке. Невозможно себе представить изучение таких нефтепромышленных регионов страны, как Северо-Тыльский, Среднеобский, Тимано-Печорский, Мангышакский и другие, без применения спорово-пыльцевого анализа. Здесь не только прогнозирование больших территорий, но и собственно поиски и разведка конкретных нефтяных ловушек. Это нефть. А уголь, бокситы и многое другое?

Долгое время геологические процессы давностью в миллиарды лет считались азойскими, то есть безжизненными, лишенными органики в любом ее виде. Благодаря работам наших и зарубежных палинологов в докембрийских комплексах Земли были обнаружены спороводобные организмы, а в самых на древнейших кристаллических породах были найдены аморфные нерастворимые органические вещества, содержащие спорополленины.

Значит, зарождение жизни на Земле могло начинаться в условиях очень высоких температур и совершенно, казалось бы, невыносимых давлений. Этот начальный период в становлении земной коры сейчас многими учеными сопоставляется с термодинамическим режимом других планет, «недозрелых» до Земли — скажем, таких, как Венера. Значит, нельзя исключать, что возможность спорово-пыльцевого метода не ограничиваются только земным применением и, что уж совершенно точно, при исследовании первых инпланетных космических проб не обойтись без палинологов.

Это потом... А пока прав поэт: «Земля — наш прекрасный удел!» — и здесь нам и забот и волнений хватает... И споров, конечно, — какая же без них может быть истина!

г. Львов.

Наталия ТОДОРОВА

Ей 22 года.
Живет в Курске,
работает редактором
заводской радиогазеты.
Учится на отделении журналистики
филологического факультета
Воронежского университета.
В центральной прессе
публикуется впервые.

одна среди мальчишек

У нас в роду все равнодушно к автомобилям. Как-то, копаясь в семейном альбоме, я наткнулась на фотографию: за рулем старого «Делонз-Бельвиля» — черноволосый лихой парень. На боку машины лозунг: «На ней мы штурмовали Зимний дворец, сейчас на ней мы готовим кадры для социалистического строительства».

— А это кто? — спросила я у деда.

— А это я! — ответил он, — на праздничном параде в Ленинграде в двадцать седьмом году.

— А откуда такой допотопный автомобиль?
Тут дед рассказал мне, что на этом самом «допотопном» автомобиле ездил еще Григорий Распутин. Дед даже хранит архивный документ, в котором указано, что автомобиль «выделен из царского гаража в распоряжение Г. Распутина». После революции «Делонз-Бельвиля» перекочевал в гараж Ленинградского института инженеров путей сообщения и оказался в распоряжении моего деда, который преподавал студентам практическое вождение.

Деду было тринадцать лет, когда он уже ездил на «Фиате», а в девятнадцать он получил первый класс. Женясь, он научил водить машину мою будущую бабушку, а когда у них родился сын, мой отец, дед как раз написал книжку «Как управлять автомобилем».

Когда в сорок пятом году дед возвратился с фронта, он привез с собой трофейный мотоцикл «ДКВ-250». Это был первый мотоцикл моего отца. Позднее, всерьез занявшись мотоспортом, отец купил себе «Яву». И родился я.

Когда мне исполнилось девять лет, отец собрал микромотоцикл «Бакху». Однажды он подвел меня к нему и спросил: «Хочешь попробовать?» Пробовать мне не очень хотелось. Тем более, что накануне я видела, как на этой самой «Бакхе» один папин знакомый получил легкое сотрясение мозга. Но, чтобы утереть нос соседским мальчишкам, я села на мотоцикл и через минуту уже мчалась по дорожкам детского парка. Однако я забила от страха, где находится тормоз. Мой бедный папа бежал позади и

кричал, как нужно останавливаться. Когда я выбралась из-под мотоцикла с сиденьями на локтях и коленях, я еще не знала, что это только начало, что я стану гонимой. Стану картингисткой.

Картингом женщины почти не занимаются. Оговариваются: «почти». В разных страхах в соревнованиях по картингу на равных правах с мужчинами выступают, пожалуй, не более десяти женщин! А одна из них, итальянка Сюзанна Роганелли, в 1966 году в возрасте двадцати двух лет выиграла чемпионат мира, победы сорок мужчин.

Как выглядит карт? Представьте обыкновенный миниатюрный автомобиль. Мысленно снимите с него кузов. Двигатель находится с правой стороны от сиденья водителя, жесткая рама — без какой-либо подвески колес, рулевое управление — как у обычной машины.

Рассказывают, что после окончания войны на одном из американских аэродромов, чтобы не скучать в свободное от полетов время, летчики придумали такую забаву. Они взяли тележки, которых на каждом аэродроме полным-полно, поставили на них двигатели от газонокосилок и стали гоняться наперегонки. А уже в начале пятидесятих годов швейцарская газета «Аутомобиль рею», описывая повсеместное распространение в Европе нового вида автомобильных гонок на так называемых го-картах, то есть карликовых автомобилях, писала: «Подобно азиатскому гриппу, накатились на Европу волна нового спортивного увлечения. Она идет из Америки, захватывая сначала Англию и спорадически распространяется сейчас на континенте, достигнув Скандинавии».

Первые официальные соревнования по картингу назывались «Грай при» на газонокосилках. Они состоялись 17 мая 1956 года в студенческом городке университета Пурде в Соединенных Штатах. Студенты установили на карты полуторасильные моторы от газонокосилок, форсированные до 3,5 л. с. Победителем первого «Грай при» прошел восьмидесятидвухмилевую трассу за 2 часа 40 минут (средняя скорость 30 миль в час).

В нашей стране первые соревнования на самодельных картах были проведены в мае 1961 года на велотреке латышского города Вентспилса. На старт вышли пятнадцать гонщиков — больше машин тогда в стране не было.

В то же самое время первый карт был построен и в экспериментальной лаборатории микроавтомобилей курского Дворца пионеров. Руководителю этой лаборатории Льву Кононову суждено будет стать основоположником советского картинга.

Еще в студенческие годы в Харькове Кононов познакомился со знаменитым конструктором гоночных автомобилей — рекордсменом страны Владимиром Никитиным. В лаборатории Никитина Кононов участвует в создании автомобиля «ХАДИ-1» и устанавливает на нем два республиканских рекорда скорости на дистанциях один и пять километров.

По окончании института Кононов возвращается домой, в Курск, работает главным инженером автохозяйства, но однажды оставляет эту солидную должность ради того, чтобы руководить во Дворце пионеров экспериментальной лабораторией микроавтомобилей (ЭЛМА) — лабораторией, которой тогда еще не было, которую ему предстояло создать.

Вскоре журнал «За рулем» рассказал о картинге, и юные конструкторы из ЭЛМА решили немедленно строить такие машины. Но в то время карты делались только для взрослых. Поэтому курские школьники решили сконструировать карты, на которых могли бы ездить сами. В апреле 1961 года замовцы уже испытывали свой первый карт.

И в 1963 году, на первых всесоюзных соревнованиях среди школьников, гонщики из курского Дворца пионеров были первыми (Володя Лыткин в классе машин с объемом двигателя до 50 куб. см, Слава Кузнецов в классе машин с объемом двигателя до 125 куб. см). Через год семнадцатилетний Лыткин уже победил в чемпионате страны среди взрослых, а еще трое воспитанников Кононова вошли в сборную страны.

В шестьдесят пятом году, когда я училась в шестом классе, я впервые увидела гошки на картах. Мальчишки, чуть старше меня и мои ровесники, так лихо управляли этими маленькими автомобилями, что я тут же захотела сама ездить на них. Я пробралась в предстартовую зону, подошла к одному из гонщиков — он был рыжий, и тем мне понравился — и вежливо спросила:

— Мальчик, скажи, пожалуйста, где находится наша секция?

— А тебе зачем?

— Тоже ездить хочу.

Измерив меня надменным взглядом, он гордо надел шлем и проехал сквозь зубы:

— Иди играй в «дочки-матери». Баб нам еще не хватало!

На следующий день, едва дождавшись звонка с последнего урока, я помчалась во Дворец пионеров, в ЭЛМА. Ребята рассматривали меня с интересом. Пока я шла по мастерским, в мою сторону сыпались насмешки и шуточки. Ведь здесь было их мужское царство. Вся малиновка, я подошла к Льву Сергеевичу Кононову и попросила записать меня в секцию. Он тоже улыбнулся, но по-доброму, и записал меня в журнал. А мальчишки тут же придумали мне прозвище. С этого дня я стала Мухой.

Прежде чем сесть за руль спортивной машины, мы, новички, проходили своеобразные курсы. Лев Сергеевич читал нам лекции о строении двигателя, о принципе его работы, об устройстве карта. Потом учились ездить на «сучебке» — на специальном учебном карте. И, наконец, пришел на экзамен, чтобы получить лицензию — документ, разрешающий участвовать в соревнованиях. Я не сумела пройти трассу за положенное время и чувствовала себя самым несчастным человеком на свете. В тот день мне исполнилось тринадцать лет, и это был самый грустный мой день рождения.

На следующий день те, кто получил лицензию, соревновались между собой. Сначала я решила не ходить на эти соревнования. Но утром, когда все в доме еще спали, я встала, оделась и тихонько вышла скользя на дачу. И пошла на трассу. Выбрала самую далекую скамейку, села на нее и стала ждать. Подбежал наш рыжий ГАЗ-51 — наш «рыжуха» — из него высыпал ребята, вытащил «сучебку». Чтобы слезы не наворачивались на глаза, я жевала конфеты. Лев Сергеевич сразу заметил меня, подошел.

— Ну что? Пришла, Сюзанна?

Тут-то он рассказал мне, как недавно, оставив всех мужчин, чемпионат мира выиграла единственная в мире женщина-картингистка Сюзанна Роганелли.

Я в восторг помчалась к маме и в первой же гонке показала третий результат. Мальчишки, которым тоже было немножко жалко меня, радовались вместе со мной.

Теперь у меня появились свой «полтинник» — пятидесятикубовый карт, который я буду готовить к соревнованиям и ездить на нем. Целыми вечерами до

самого закрытия я буду пропадать в ЭЛМА, а мама будет говорить:

— Еще одна тройка, и ты забудешь про свои телешки.

Меня включили в состав команды для участия в чемпионате Советского Союза. Это впечатляло родителей, и отец взлезл помочь мне. Каждое утро ровно в пять мы вытаскивали из гаража мой маленький карт, цепляли его к «Москвичу» и уезжали на окраину Курска. Тренировались на асфальтированной площадке строящегося кладбища. До автоматизма отработывали старты. Я училась ездить и в дождь и в жару, пускать машину на «юз». По вечерам работали в лаборатории: я — с ходовой частью машины, отец — с двигателем.

На семейном совете было решено, что пускать меня одну в далекий Таллин небезопасно, и отец тоже поехал туда — в качестве моего механика.

Я ехала на свой первый «Союз» с Володей Лыткиным, Колей Гончаровым, Володицей Трубниковым. Тогда они уже были асами картинга и моими кумирами. Будучи намного старше меня, они выступали, естественно, среди взрослых. А вместе со мной в «полтинниках» тогда ездили Леся Червяков и Слава Чубаев. Как-то после гонок, когда я финишировала раньше Чубаева, он подошел ко мне и заявил:

— Думаешь, не обидно? Я сам все делаю, а тебе отец машину готовит. Вот ты и ездишь лучше.

Славик, который на два года старше меня, вскоре стал выступать в другой возрастной группе, и на трассе мы больше не встречались. Но он стал одним из сильнейших картингистов страны. Два раза завоевывал звание чемпиона Союза и России, выступал на международных соревнованиях в составе сборной страны. Я всегда с восхищением смотрела на него, когда он выезжал на трассу. Он не ездил по дорожке, а кружил вальс, красиво и точно «облизывая» каждый поворот. Его машина так стояла на дорожке, будто не существует силы инерции. Ни малейшего напряжения в посадке. Он легко и свободно вел свой карт по трассе на максимальной скорости.

Таллин встретил нас вудным дождем. Тогда, в шестьдесят шестом году, в самом младшем классе машин — пятидесятикубовках — разрешалось выступать юношам до 18 лет. Все мои соперники казались мне необыкновенно взрослыми, и мне было странно соревноваться с такими «большими дядями». После жеребьевки стартовых мест отец подвел меня к какому-то верзиле и сказал:

— Познакомься, кто Сама! Ты стартуешь со второго ряда, стоишь прямо за ним.

— А ты хорошо берешь старты? — поинтересовался я.

Он посмотрел на меня сверху вниз, засмеялся и сказал, чтобы я не беспокоилась, — все будет о'кей.

Как только дали старт, я сразу же оказалась «на голове» у Саши. Надеюсь на его «о'кей», я не смотрела на него. Мои глаза были устремлены только на светофор. Старт! Мгновенно отпустила сцепление, выжила газ, и мой карт взгромоздился на его карт. Оказалось, что у меня реакция лучше. Несколько метров мы ехали в таком положении, пока он не высвободился из-под меня.

Я выжила из своего «полтинника» все, что могла. На выражах меня заносило, я в кого-то врзалась, меня тоже толкали сзади. Ничего не соображая, я мчалась вперед. И только когда ребята, отец, тренер, зрители стали поздравлять меня, я узнала, что финишировала третьей. Впереди были еще два заезда.

Перед вторым стартом пошел сильный дождь. В

сухую погоду ездить легче, а в дождь все промахи обнажаются. Стоит только дотронуться до тормозной педали, как машину несет невесть куда. И меня понесло... Я заехала в глубокую лужу, вода залила свечу. И завести двигатель я уже не смогла. Но в последнем заезде я опять финишировала третьей и в итоге вошла в десятку сильнейших картингистов Союза.

Эстонский комитет ДОСААФ вручил мне диплом: «Единственной девочке-картингистке». А местные болельщики подарили мне большую куклу в национальном наряде. Я еще много раз буду приезжать в Таллин на всевозможные юношеские соревнования, и он станет для меня счастливым городом.

Все мои таллинские гонки были удивительно похожи одна на другую. Сразу после старта я уходила вперед и финишировала в «одиночестве», почти без борьбы. Многих обходила на круг. Правда, однажды местные болельщики решили «помочь» своему гонщику. Приблизясь к одному из виражей, я увидела, что в меня летит увесистый морской булыжник. Соревнования проходили на одном из участков заменной трассы «Пирита», прямо на берегу моря. Я резко затормозила, и камень ударился о правое колесо. Несколько юнцов, стоявших недалеко, что-то кричали мне. Когда я остановилась, еще двое наклонились за такими же камнями. Оглянувшись, меня довговя таллинский гонщик. Я специально подождала, когда он поравняется со мной, чтобы защитить себя от каменного града. Мы вместе вошли в вираж: я по внутренней борювке, он по внешней. Увидев, что я совсем рядом, он решил по тому бы то и стало обогнать меня, развил скорость большую, чем позволял поворот, и «улетел» с трассы. Больше никто меня не преследовал. У старт-финиша я еще раз позволила себе остановиться и крикнула нашим ребятам, что на дальнем вираже бросаются булыжниками. Они побежали туда, а я через несколько кругов благополучно пересекла первой финишную линию.

А отец после первой поездки в Таллин совсем «заразился» картингом. Он тоже решил гоняться. Я сначала обрадовалась решению отца. Тогда я еще не знала, что с появлением нового картингиста в семье у меня не станет механика. На «колесе» у отца не пошла дела, он попробовал себя на льду и, дебютируя на чемпионате Советского Союза, сразу же ездил «серебряно». Вот тут-то и начались мои горести. С каждой новой медалью отец все больше уходил в работу над «ледовым» двигателем, все меньше и меньше помогал мне.

У картинга, как и у всех технических видов спорта, есть одна особенность. Выигрывает только тот спортсмен, который не только умеет хорошо управлять машиной, но и хорошо подготовить свой карт, сделать мощный двигатель. Наверное, поэтому женщины практически и не занимаются картингом.

Я тоже не могла подготовить свою машину самостоятельно — так, чтобы можно было претендовать на победу. Поэтому, когда отец стал выступать в соревнованиях, а делать две машины он был просто не в состоянии, я стала сама учиться работать зубилом, ножовкой, молотком.

Летом шестьдесят седьмого года у нас в Курске проходила мужской чемпионат России. Я была «на подхвате»: между заездами помогала заправлять машины бензином, подавала гаечные ключи. А во время заездов смотрела гонку. Мне всегда нравилось смотреть, как ездят другие. Особенно нравился мне Володя Лыткин. Втайне я его даже боготворила и на трассе старалась во всем ему подражать. В шестом классе мы писали о нем сочинение. Он тогда был у нас знаменитостью. Все мальчишки в городе знали, что

такой Лыткин. Я в своей тетрадке написала: «Если бы я была взрослой, я бы влюбилась только в него». После сочинения учительница подзвала меня к себе и таинственным шепотом спросила, показывая на тетрадь:

— Наташа, что это значит?..

У Лыткина ярко сложилась спортивная судьба. Знаете, как в семнадцать лет он стал чемпионом страны среди взрослых? Шесть третий, последний, репашующий заезд. Сразу после старта Лыткин возглавил гонку лидеров, а к концу первого круга уже значительно оторвался от своих преследователей — опытного эстонского спортсмена Отто Кутсара и москвича Бориса Фалькевича. Неожиданно у машины Лыткина отвалился бензобак — продолжал везти лишь на одном болте. Остановиться, сойти с трассы — значит проиграть. И Володя продолжает гонку, держа бак одной рукой, а другой управляет картом. Представляете, как трудно было сохранить его взятый темп! Кутсар и Фалькевич «сели на хвост» Лыткину, пытались обогнать его. Но Володя все-таки финишировал первым. Никто не мог сохранять такое завидное спокойствие во время гонки. А на трассе его боялись даже те, у кого двигатели были намного мощнее.

Я веда глазами Лыткина по трассе, когда мое внимание вдруг привлек один гонщик. Его карт заглох, но он не убрал его с трассы, а пытался завести прямо на дорожке, чем грубо нарушал правила соревнований, создавая аварийную обстановку. Кононов в тех соревнованиях был главным судьей. Он тоже заметил нарушение и побежал к гонщику, чтобы убрать его с трассы. Но вдруг тот завел двигатель, в пылу гонки бросился в сиденье и поехал. Кононов не успел отскочить с дорожки...

Через несколько минут «Скорая помощь» увезла нашего тренера. А соревнования продолжались.

Круглые сутки, сменяя друг друга, дежурили около постели Льва Сергеевича замовцы. Наконец, миновал кризис, здоровье его стало улучшаться. И все немного успокоилось. Через несколько дней мы выехали на соревнования в Москву, где совместно с международным этапом на «Кубок Дружбы» социалистических стран проводились и юношеские соревнования. Для Лыткина это была не самая удачная гонка — он занял на «Кубке Дружбы» лишь третье место.

А я в двух первых заездах лидировала. Я тогда хорошо брала старты. Лев Сергеевич говорил, что хороший старт — залог победы. Если проиграть старт, то догнать гораздо сложнее, особенно если у твоих соперников двигатели не хуже. И в той гонке я сразу вырывалась старт, а потом мои соперники уже ничего не могли сделать, хотя все время везли у меня «на хвост». А в третьем заезде я все-таки пропала старт и попала в завал. Какой-то «гаприк» умудрился правыми колесами проехать не только по моему двигателю, сбив со свечи колпачок, но и оставить след даже на моем шлеме. Пока я заводила заглохший двигатель, лидер заезда Ильмар Егорович обошел меня на целый круг. В итоге по сумме трех заездов я получила третье место.

И в Курске, да и во всех других городах у меня всегда было очень много болельщиков. Очевидно, всем нравились, что девочка не хочет уступать ребятам. А на этот раз болельщики бросались ко мне, даря цветы, тормошили... Но подошел отец и сказал:

— Отойдите, у нас несчастье.

А мне сказал тихо:

— Пришла телеграмма. Умер Кононов.

На кладбище я впервые увидела, как плачет отец. Да и никто не мог сдержать слез. Казалось, что вместе со Львом Сергеевичем мы хороним наш картинг,

что без него не будет больше нашей ЭЛМА. Когда о крышку гроба ударились первые копыта земли, я не выдержала и убежала с кладбища.

Каждый год в Курске проводится мемориал Кононова. На одном из лучших наших картодромов, построенном по его чертежам, сильнейшие картингисты страны демонстрируют свое мастерство.

Самая дорогая, самая священная моя награда — это шлем с серебряной надписью: «Приз имени А. С. Кононова». Этот приз впервые разыгрывался в семидесятом году, тогда я его и выиграла.

Еще до начала заездов я настроила себя, что этот приз должен быть моим. Я уносила со старта вперед и не видела, кто был зади и что там происходило. В той гонке куряне просто не могли, не имели права проиграть, и мы не проиграли. Володя Иванченко стал победителем в «шотландиках», а в «стодвадцатипятиках».

Вскоре отец мне сказал: «Больше я тебе помогать не буду, сама ты форсировать двигатели не умеешь, поэтому картинг придется бросить». Той весной я заканчивала десятый класс. Предстояло поступать в институт, надо было серьезно готовиться к экзаменам. Отец говорил: «Если мужчина сломает ногу или свернет нос, он еще сможет устроить свою жизнь, женщины это сделать гораздо труднее». Я поняла, что он просто боится за меня. Из юношеского картинга я уже переходила в мужской, а там скорости выше и больше опасности. Он, будучи сам спортсменом, не мог мне просто сказать: «Брось картинг, я тебе запрещаю ездить». Он хотел, чтобы я ушла сама...

Но вместо того, чтобы готовиться к экзаменам в университет — а я уже давно решила поступать в Воронежский университет на отделение журналистики филофака, — я стала готовиться... к чемпионату Российской Федерации. Ходовую часть машины перебрала сама, а форсированием движка занимался мой новый тренер — Олег Иванович Шаев.

И вот мы в Краснодаре. Первое знакомство с трассой, на тренировочных заездах, не обрадовалось. Сложная, крученая дорожка («аппендицит») сама по себе требовала немало умения, а тут еще плохо очищенный от песка и пыли асфальт и невыносимая жара. Термометр показывал тридцать два градуса в тени.

В контрольных заездах я показала лучшее время и немного успокоилась. Ближайшим моим соперником был Владимир Виноградов из Краснодара.

— На старт — юноши класса сто двадцать пять кубических сантиметров! — объявляет судья на выпуск.

Я — одна из этих юношей. Я привыкла, что в картинге ко мне обращаются в мужском роде. А в моих дипломах написано: «Наталье Тодоровой, занявшей...»

Натягиваю на себя кожаную куртку, застегиваю шлем, надеваю перчатки. Ребята подкапывают мою машину к предстартовой зоне. Хлопают меня по плечу. Я знаю, они сейчас будут болеть за меня, а между заездами даже не подпустят к машине — сами заправят бензином, устранят любую неисправность.

Судья подает команду, и я выезжаю на старт.

— В полуфинале не топи на полную, береги силы для финала, — успевает крикнуть мой новый тренер.

Справа, слева, зади меня становятся еще два десятка машин, но я не вижу, кто это. Я смотрю только на светофор. Старт!

На первом же круге чувствую, что с движком Олег Иванович действительно постарался. Чуть догнаться до неваля газа, машина как из пушки стреляет. Тренировок было мало, и я не успела привыкнуть к новому двигателю. Теперь чувствую, что «мотает». Трудно удерживать карт, чтобы не выносило из виража. Но я не тороплюсь. Иду третий. Впереди еще

одинадцать кругов. Задача-максимум — прийти второй, чтобы в финале занять место на старте в первом ряду. И я ее выполняю.

В закрытом парке встречаются наши. Первым подбегает Лыткин.

— Ну, как — пашет?

— Еще бы! Думаю, как бы не «улететь».

— Держись, Муха, чай, за команду идешь. — Колоуха Гончаров раскрыл ящик с инструментом. — Шас сделаем — все на мази будет. Володя, давай-ка с твоей машины «дангло».

Они меняют мне резину, чтобы машина лучше держала дорожку. Делая, так мы зовем нашего шофера и сварщика Гену Диденко, заливая бензин в бак.

Но вот все готово, и я опять на старте. Слева от меня Виноградов — один из претендентов на победу. Его лицо наполовину закрыто платком, но руки, лихорадочно сжимающие руль, я вижу. Володя нервничает. А я, как никогда, спокойна. Даже сама удивляюсь. Зажигается табло: До старта 30 секунд. Включаю передачу и с ужасом замечаю, что машина ползет вперед. Ведет сцепление. До старта 10 секунд. Леевой рукой упираться в асфальт, удерживая карт на месте. Мотор ревет на самой высокой ноте... Старт!

Лавина ревущих машин сорвалась с места и потекла по трассе. Мне сразу не повезло: на третьем выраже почувствовала сильный толчок в левый бок, и мой карт встал на два колеса. Выручила привычка автоматически выжимать сцепление. Двигатель не заглох, я оттолкнулась рукой от земли, встала на четыре колеса, но несколько человек уже пронеслись мимо.

На следующем круге судья показала мне черный флаг. Значит, я нестыкнул, сделал фалстарт и теперь, по правилам соревнований, останавливаюсь, и лишь после этого продолжаю гонку. Опять потеряю драгоценное время. Теперь нужно «топнуть». Обхожу одного, второго, третьего. Выраж. Еще один. Еще двое позади, потом еще. Чувствую превосходство моего двигателя. Выхожу из выража на длинную прямую. Впереди меня краснодарец. Тренер показывает на пальцах, что я четвертая, — значит, он третий. До конца заезда полтора круга. Нужно брать бронзу. И я выжимаю педаль газа до упора. Наши машины идут колесо в колесо, моторы поют на одной ноте. Впереди крутой вираж. Кто-то из нас в него не впишется. Я иду по внешней бровке, и у меня больше шансов «улететь». До выража считанные метры, но я не убираю ногу с газа. Или бронза, или ничего. Первый затормозит тот, у кого слабее нервы. И он затормозил. Я на помашини вырвалась вперед и первой вошла в вираж. Мой соперник все-таки не вписался в поворот и «улетел» в кусты.

Впереди еще двое. Так легко обогнала одного, словно это был «чайник», отстаивший на круг. Приближаюсь к машине под номером «15». Не понимаю, почему так неистово кричат и машут руками болельщики. Да ведь это же Виноградов, лидер гонки и их земляк! Я догоняю его. Виноградов пытается делать раскачивающиеся движения телом, как бы помогая своему мотору. Судья на финише выбрасывает флаг: «Лидер пошел на последний круг». Лидер теперь уже я.

Следующий вираж, за ним еще один — самый коварный, который из-за кустарника совсем не просматривается. И вдруг... Прямо на середине дорожки около карта стоит барьер. Видно, его машина заглохла, и он только вылез из нее. Увидев меня, он бросил карт и побежал к газону. Все случилось в считанные секунды. Он оказался как раз в той «дырке» между картом и газонном, через которую я хотела проскочить. Меня несло прямо на него. Крутой рывок рулем вправо — и я в колючем кустарнике. Через не-

сколько мгновений я опять была на дорожке, но Виноградов успел проскочить прямо перед моим носом. Этим мгновением ему было достаточно, чтобы оторваться от меня на несколько десятков метров.

Я плохо видела финишную линию, флаг в клеточку, судью — revealed от обиды и досады. Что мне это «серебро»? Ведь я хотела уйти из картинга чемпионкой. Сразу из Краснодара мне нужно было ехать в Воронеж, сдавать вступительные экзамены. В случае поступления это моя последняя гонка — там, в Воронеже, нет картинга.

Поехала в Воронеж. Мне так не хотелось расставаться с нашей ЭАМА, пропахшей железом и бензином, с мальчишками, немножко грубыми, но добрыми. Я написала сочинение, получала за него 4 балла, испугалась, что поступлю, и остальные экзамены решила не сдавать. Родителям на курорт дала телеграмму: «По английскому шайба, поехала домой».

Только через несколько месяцев, когда мама, расстроенная моим «провалом», решила найти мне репетитора по английскому языку, я призналась, что на экзамен просто не пошла и никакой двойки не было.

Спортивный сезон уже закончился. А следующим летом семейные обстоятельства сложились так, что в карт я больше не села. Я уехала вскоре на Дальний Восток. Жила в небольшом городке на озере Ханка — в Спасске-Дальнем. О картинге там знали только понаслышке. И никто из моих новых знакомых ни разу не видел ни карта, ни наших соревнований.

Потом я снова вернулась в Курск. Прошло три года с тех пор, как я выступила в последней своей гонке. Занималась было судьейством... Но весной этого года я опять решила сесть в карт. Шаев встретил мое решение скептически, но машину все-таки дал. Правда, на двоих с девятиклассницей Таней, которая была новичком в картинге, участвовала только в одних соревнованиях. Мы должны были вместе подготовить машину и вместе выступать на ней: она среди ювешей, я среди мужчин.

К моему удивлению и костору, мама поддержала мое возвращение в картинг. Она тут же «по-спутужески» поговорила с отцом, и он пообещал мне помочь подготовить машину. Но прошел день, другой — у него «не хватало времени»...

Мы с Таней взялись за дело сами. Поставили на карт недостающие детали. Ребята помогли вырубить крошечный для бензонасоса, выточили патрубок под карбюратор, заварили выхлопную трубу.

Мы поставили на карт совершенно стандартный двигатель. Он был безусловно слаб, и о победе не могло быть и речи. Я хотела поехать просто для себя. Тем более что это было мое первое выступление среди мужчин. Когда до гонок осталось один день, машина была готова. Отец пришел в ЭАМА, осмотрел ее, и наше упорство сломило его. Весь вечер он провозился у карта, устрояя наши «опли», отрегулировал двигатель.

Вместе со мной на старт вышли новые асы, которые выросли в картинге уже без меня: Анатолий Порожский, Петр Бушланов, Владимир Иванченко.

Как изменилась картинг! Значительно увеличилась мощность двигателей, возросли скорости, изменились сами машины. Глядя, как на огромной скорости мимо проносилась Бушланов, Иванченко и Порожский, как легко и красиво, почти не отрываясь друг от друга, входили они в вираж, я подумала, что если раньше картинг считали первой ступенькой перед большим автомобильным спортом, то сегодняшний картинг — уже большой спорт.

Я шла плохо. Просыпалась старты. Пожалуй, у всех участников двигатели были сильнее, и мне на моей

«лохматке» трудно было тягаться с ними. Сразу после старта первая пятёрка оторвалась далеко от основной группы, а к концу заезда даже «достала» всех на круг. Я была среди отставших «чайников».

Как только я «садилась кому-то на хвост», выходила на прямую, этот гонщик легко уходил от меня, пользуясь преимуществами двигателя. Я ничего не могла сделать, и это меня ужасно злило. И решила выкручиваться на виражах. Подходя к повороту, я, например, замечала, что мои соперники начинают тормозить слишком рано, значит, на тормозном пути можно выиграть. Потихоньку продвигалась вперёд. Вот гонщик, которого я не могу обойти уже два круга. Терять мне уже нечего — можно riskнуть. На вираже подхожу к нему с внешней стороны и «режу». Моя машина становится почти поперек дорожки, он не успевает затормозить, ударяет о переднее колесо и, самортизовав, перескакивает через меня, раз-

вернувшись на 180 градусов. Ого! Вот и ещё один сади. Хотя и не ас, но все-таки мужчина. Тамюха, она сегодня мой механик, показывает, что я иду седьмой. Не ожидала такой прыти от своей «лохматки». Может быть, везу в десятку?

До финиша оставалось всего два круга, когда мой двигатель безнадежно заглох...

Судья-комментатор объявил победителя. Им стал восемнадцатилетний Владимир Иванченко. А для меня он навсегда останется Воничком, которого я учила ездить на нашей коноводской «учебке». Пока меня не было в катинге, он стал мастером спорта. Четыре года подряд ему не было равных среди юношей республики. В 1973 и 1974 годах он побеждал в чемпионатах страны, причем в одном из них — сразу в двух классах машин.

Я смотрела, как его качают зрители, и завидовала — мне предстоит начинать все сначала.

Людмила ТИТОВА

ТАМ, В ИНСБРУКЕ

Вже второй раз за последние двенадцать лет альпийский Инсбрук принимает Белую Олимпиаду. Тогда, в 1964-м, лед Инсбрука оказался счастливым для Лидии Скобликовой, собравшей небывалую коллекцию из четырех золотых медалей. И, вспоминая об этом рекорде, который можно только повторить, но превзойти невозможно, спрашиваешь себя: «А как теперь выступим мы, спортсмены 70-х годов? Что нас ждет там, в Инсбруке?»

Я собиралась на свою третью Олимпиаду и, естественно, очень волнуюсь. Мне говорят: «Ты опытная, что тебе беспокоиться. Ты все знаешь». Но ведь чем опытные спортсмены, тем больше они волнуются. У него просто-напросто остается все меньше попыток...

Сравниваю ощущения перед Греноблем, Саппоро и Инсбруком. В 1968 году я мало волновалась. С меня, дебютантки, спрос был невелик. Вместе со мной выступали великие спортсменки — Скобликова, Стенина, на спринтерском небосклоне сверкала ярчайшая звезда Татьяны Сидоровой, выигравшей перед Олимпиадой 19 стартов подряд и не оставившей, казалось, нам никаких шансов на победу... И все напоминала Сидоровой: «Ты должна победить! Обязана!» Тане надо бы на борьбу настроиваться, а она думала: «А вдруг проиграю?». И проиграла... Ругать ее особенно не рутали, ибо золотая медаль все равно в нашу страну уехала — я ее завоевала. После пятисотки мне еще одну награду удалось выиграть — серебряную на дистанции 1000 метров. Итак, дебют и победа.

Через четыре года мы летели в Саппоро в хорошем настроении — команда у нас была отличная. Два последних года я уверенно побеждала в спринте, а Нина Статкевич в многоборье и на стайерских дистанциях. Один из тренеров сборной даже посчитал, что мы завоеваем все четыре золотые медали... Лед «Макамана» оказался горьким: в спринте серебро досталось Вере Красновой, а я, как написали в одной га-

зете, «довольствовалась» бронзовой медалью (я не могла, конечно, этим довольствоваться, но, увы, так случилось). На тысячеметровке я заняла четвертое место... Странная закономерность наметилась в четырех моих олимпийских стартах: в первом — золото, во втором — серебро, в третьем — бронза, в четвертом — четвертое место...

Но я не хочу смиряться с этой закономерностью и надеюсь в Инсбруке нарушить ее. Иначе не стоило возвращаться на лед после рождения сына. Листаю свой дневник: «19 января 1973 года. В Давосе американка Шейла Янг пробежала 500 метров за 41,8 секунды. Еще в 1950 году она могла быть рекордсменкой мира... среди мужчин». Тогда я готовилась стать матерью и говорила себе: «Твой лучший результат на пятисотке 43,85, на две секунды хуже рекорда Янг... А как ты победишь после рождения сына?» (Почему-то я была твердо уверена, что родится сын!)

Но я начертила десятки графиков, все проанализировала, все посчитала и решила: могу, сумею выйти на скорости, подвластные американке. Возвращаюсь!

На спринтерском чемпионате СССР в марте 1975 года я установила личные рекорды — 42,35 на пятисотке и 1:24,59 на дистанции тысячи метров (к слову, это второй результат за всю историю конькобежного спорта). И все же это еще не те скорости, которые мне нужны сейчас. Обращаюсь вновь к математике: 1:24,59 делю на два, тысячу раскладываю на две пятисотки — и что же получается? 42,295! Это результат лучше моего абсолютного рекорда на пятисотке. Значит, у меня есть резерв, запас, неиспользованные возможности. Следовательно, есть на что надеяться. И на отборочных состязаниях и там, в Инсбруке... если пробьешь в команду...

Три последние года у советских конькобежцев есть безусловный лидер — Татьяна Аверина. 25-летняя горьковчанка — обладательница пяти мировых рекордов. Однако она не завоевала пока что ни одной золотой медали на чемпионатах мира. Но в Инсбруке Аверина готовится выступить на всех четырех дистанциях и полна решимости взять на олимпийском льду убедительный реванш за все осечки.

Состав олимпийской команды будет назван в конце января, а сейчас все мы называемся «кандидатками в сборную»: и Татьяна Аверина, и Нина Статкевич, и Вера Краснова, и Люба Садчикова, и Валентина Комарова, и Людмила Елисеева, и я.

Там, в Инсбруке, согласно логике, математике и высшей справедливости, кого-то из нас ждет победа. Кого? Если бы знали...

Рисунок В. РОЖНЕВА.

Что такое Мышкин? А мы и сами не знали. Пока не связались с этим музеем. Правда, мы всегда были твердо уверены, что город наш исключительен.

Почему так? А где еще вы найдете такую чистую Воугу и такую серебряную Юхоть? Где так близко к городку подошел сосновый бор? Где пряменькие улицы так запросто высились в холмы, ручейки и овражки? Где еще есть город, где все знают всех? Да-да, по имени-отчеству, со всеми привычками, смешными и серьезными, с родословной до седьмого колена, и в общем «от и до». А? Ну вот то-то...

Да ведь, наконец, мы все родились в этом самом Мышкине, а стало быть, любим свой маленький город верной любовью. А от такой любви до деятельности, до познания всерьез рукой подать.

Вернувшись домой после армии и комсомольской стройки, я словно заново увидел Мышкин и остро почувствовал, как хорош и

Владимир
ГРЕЧУХИН

СЛАВНЫЙ ГОРОД МЫШКИН

своеобразен городок и как он на редкость нем. И я решил, что ему не хватает музея, чтобы к нему и не спешно рассказать о себе.

Музей делать труднее, чем вести кирпичную кладку,— это я сознавал. Но еще яснее сознавал, что отказаться от этой затеи уже не могу.

Но с чего начать? Как с чего? Армия и комсомольская стройка толково учили: с кадрового вопроса. Кадры эти гоняли мяч по дворам, торчали у танцплощадки — в общем, были под руками.

Я два раза пронес по Мышкину найденное старинное ружье, не заворачивая его ни в бумагу, ни в матерю. Кадры примечали. С значительным видом извлекал из кармана медаль красной меди с ладонь величиной и спрашивал, не используются ли у них для разных «хозяйственных» дел такие штуки. Кадры вдумывались. Предлагал собрать надежных людей, чтобы поискать клад. Кадры реагировали.

Так, летом 1966 года мне уда-

лось собрать ребят, готовых делать музеев для города. Райсполком заметил нашу «серьезную» организацию и признал ее «деи-юре». Мы приняли это как должное. Мы с самого начала не сомневались, что делаем самое что ни на есть государственное дело. Ведь надо было узнать наконец, что же такое наш Мышкин! Ну и рассказать об этом.

Выяснив, что под могучими лопухами и береговыми осыпаниями на улице Фурманова в земле скрываются не все, как все, мы с ребятами, рзцами, наконечниками и рубилами, мы ведали две ходили гордые и счастливые. Еще бы! Мы теперь знали, что Мышкин-то как населенное место не моложе Углича, Ярославля, а то и самой Москвы. И были первооткрывателями, колунами мышкинскими. А вы когда-либо чувствовали, как неплохо быть Колумбом?

И отдел древнего прошлого, занявший целую комнату в музее, мы единогласно окрестили «Каменные метрики Мышкина». Солидно? Против таких «документов» не погреш! Ну, а весь музей — это «паспорт» Мышкина.

Музей делает постройку и увещаний народ, которому в основном лет пятнадцать-шестнадцать. Есть и такие, что уже окончили школу и эту увещанность, восторженность зряпят погубе. Но она сохраняется и заставляет по-прежнему проводить в музее часы и дни, запоная очередную страницу Мышкинского «паспорта».

Наша вера в особенность и исключительность Мышкина полностью подтвердилась. Когда Ленка Мясников принес с Юхоти два листовидных изыщных копы, это была первая заявка Юхотского княжества на достойное место в экспозиции. В XV—XVII веках Мышкин был столицей. И какой! Последнего удельного княжества на Московской Руси, Юхотчины, владения князей Мстиславских. Всевластные царские фавориты крепко помнили о своем «государстве» и даже на грамотах польскому королю подносились: «Князь на Юхотин», а то и «Державец Юхотский».

А с ликвидацией княжества для описи его земель в Мышкин прибыл из Москвы дьяк Кошкин (!) Этот серьезный администратор, не тратя времени полусту, счел селом и деревни, а «лугу покосного, да лесу поверстного напригляд» (на глазок!). Так он определил местные «границы».

И скажите мне, какой еще русский город своим покровителем и основателем считал не льва, не

медведя, не орла, а скромнейшую мышку? Да и отразил это в гербе! И у нас с почтением переложивают из века в век, как мышка разбудила князя Мстиславского и уберегла его этим от змеи. А он пошел это место первой часовней. Так или не так, а мышка сотня лет гордо сидит на гербе нашего города. Она мала, но и город-то невелик, едва пять тысяч жителей.

Однако в 1609 году именно в Мышкине встречались представители шведов и правительства Василия Шуйского, договариваясь о совместной борьбе против польско-литовской интервенции. Попалтаки городок-малыш на страницу истории Государства Российского. Это кроха имеет свое место в неопытной книжке. И он Россия, стало быть! Не был ни бездельником, ни ротозем. Не-ет! Делом занимался.

Когда Гена Крещев, фотокорреспондент мышкинской газеты «Волжские зори» (каково название!), представил музею... стол своей квартирной хозяйки, то на неделю стал для всех героем. Именно этот стол оказался первым музейным экспонатом, рассказывающим о старом лоднянском быте. И мы по крупицам восстанавливали то давнее время, когда в Мышкине брали лоднян на всю Волгу.

Интересное должно быть, было дельце! Лихое, опасное и веселое. Должно быть, наши предки в него влюблялись крепко и навсегда, потому что даже те, кто всерьез разбогател, все равно его не бросали. Даже городские головы ходили по привычке лоднянами. А сторож городской думы во всю мочь горанил с Верхнего бульвара проходящему каравану: «Никаких дел нету-у-у!»

Много видели наши лодняны на Волге, Маринянке, в Питере. И отсюда несли в свою крохотную «столицу» и новости, и моды, и всякие дива. Даже площадь городка замостили по-питерски — в крупную клетку с диагоналями из заметных камней. Строить все лучшее предлагали заезжим Манфрания и Панькову, а расписал здания соборов крепостной художник Медведев с артелью вольных живописцев.

Находя старинные проекты, зарисовки, описания, мы видим городок уже в старину франтоватым, изыщным, крохотным, но уютным и по-столичному построенным. Аксаков писал из Мышкина, что город тихий, спокойный, не казующий. Всякий ли малый российский город имел такую аттестацию?

Или вот еще. Задешние древо-

звотцы, мужики Петров и Полтев, привезли в Питер мебель из березовых напалов. На Всероссийскую кустарную выставку. И эта мебель была удостоена медали и признана самой художественной. Как не закружится простой мужичкой головешке! А тут и предположение последовало: продать издальца для царской фамилии. Батюшки-святые, как устоять! Но отказали, отказали мужички нахосто: не для продажи, для своей утехи делаем. А денги мы заработаем, руки-то у нас свои, не купленные!

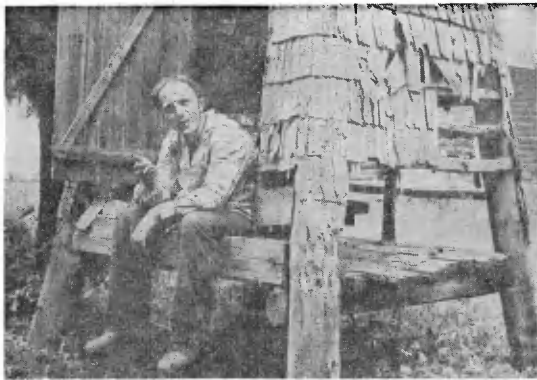
У диковинной «медвежьей» мебели, видно, судьба была такая — остаться в родных местах и прописаться в нашем музее. Правда, собирали мы ее долго. Однажды поисковая группа привезла на попытке два столка; потом целый седьмой класс, меняясь, таща лесом и болотом крышку стола из деревянных Осинок; как-то в старом сарае в Соколове нашли стул-гриб. Все осталось в родных местах. Ах, эта распрестрасная мужичья непрактичность..!

Да, непрактичность. Лоднянами наши папалы, от щедрых царских рублей отказывались. Гончарами еще были отменными, а делали что? Чуть не половина всего произвоства в потешных курительных трубах выражалась. И уж так потешны были эти трубочки: то солдатык в фуражке наберется с трубочки укмыкается, то приказчик сытый выставлял, то мужичок простовато поглядывает..!

Какой только славы нет у нашего Мышкина! Хотите — и по части спорта похвастаемся. Первая в губернии международная футбольная встреча была в Мышкине. И ярославы в кинте о местном спорте это отмечают. Куда тут податься? Было-дело!

А среди первых советских спортивных клубов — мышкинский «Гладиатор». И флаг, и герб, и гимн — все славало дела и дни «Гладиатора». Ветераны спорта Углича, Рыбинска, Калезина, Весеюгояска и даже Кирм помнят мышкинских гладиаторов, которыми предводительствовал сам Бутусов — тот Бутусов, который стоял у колыбели советского футбола.

Бывало, вечером, растопив в музее печку, я садился против дверцы и, вороша угли, начинал рассказывать о Мышкине. Ребята постепенно поднигаются ближе к огню. А за дверями нашей комнаты — пустые коридоры, лестницы и этажи старинного жилищного дома, в котором по ночам неведомо от чего скрипят половицы. О, что это был за дом, где сперва

Владимиру Гречухину, общественному директору Мышкинского музея, 34 года. Он работает в редакции районной газеты «Волжские зори». В центральной прессе выступает впервые. Этот снимок сделан во дворе созданного Гречухиным музея.
Внизу — эмблема футбольной команды славного города Мышкина.

разместили музей! Мы знали, что в его стенах проложены дымоходы, какие-то дуплиники, что под нами — полузатопленные сводчатые подвалы, где когда-то жили люди, а сейчас, возможно, живут призраки. В таком доме волгоотцу рассказывать про те прекрасные страхи, что насобирала ты в свою котомку по разным дорогам.

Город и мы...
Интересно было катить с веселым криком по его улицам только что откопанный старинный жернов. Интересно лазать в подвалах собора, замирая от жуткой темноты и касания паутины. Или вечером, заперев дверь музея, лезть на чердак. Рука касается старых, сухих перил, вот еще ступенька, еще одна самая крутая лесенка, и, тихо загрепев железом, рассаживаемся на крыше. Звезды... Волга... Бакены... Где еще есть места красивее и родней?

Листаем страницы нашего «паспорта»: и имена Тучковых, Волковских, Кутузова, связанные с нашим краем, и мощная здешняя торговля с хлебным низом Волги, и попытка местной интеллигенции сто лет назад открыть в Мышкине журнал — сколь неповторимые приметы местной истории, близкой отныне каждому из нас.

Кстати, о журнале, который должен был называться «Мышкинская библиотека». Почему библиотека? А потому, что наша библиотека была одной из ранних в губернии (1875 г.) и даже основала филиал в Угличе, не имевшем сво-

его «очага знания», а также несколько сельских библиотек, потому что по своему уставу она была «хранилищем книг редких», а начиналась с книг М. И. Кутузова.

И к тому же Мышкинская библиотека в местной типографии Анисимова вела переиздание древних книг («дабы совсем не изредчались»). Где еще, в каком уездовом городке, вслед за Новиковым раньше нас переиздавали «Правду русскую» и «Судебник»?

Наш славный Мышкин — это и ополченцы 1812 года (Мышкин дал третицу по губернии цифру), и первые красногвардейцы (они сражались с белыми и с «зелеными» и не пропустили их бронепоезд к Рыбинску), и первые коммунары (коммуна была основана в поповских домах против Никольского собора), и первые советские орденосцы (среди них, например, С. А. Мистрюков, отличившийся в боях с колчаковцами).

Все пишу — мы да мы. А если конкретнее?

Леня Мясников в синеньком пальтишке и нарядных рукавичках, глядя то снизу вверх, то в землю, говорил с отчаянной решимостью: «Учусь во втором классе. Хочу работать с вами. Готов на любое дело». Его приняли и поручили вымыть пол.

С тех пор... С тех пор он окончил школу и учинился, работает монтажником, и с тех пор он всегда с нами. Широкие плечи, усмешечка, и все то же: «Ну чо?

Готов на любое дело». И не было ни одного большого похода или трудного дела без него.

Коля Смирнов изычно хрупок. Мягкий голос и большие очки. Знакомился с нами он так: «Я думаю, вам нужен человек, любящий книги. Таскать кипарисы, доски и железо тоже смогу». И хотя сейчас он уже закончил Литературный институт и обзавелся семьей, по-прежнему помогает нам.

Александр Широков вошел в нашу «республику» сразу как свой. Да все, казалось, его давно ждало место. Взрослое имя хорошо шло ему, уже пятикласснику.

Добыть машину, уговорить всех на субботник, достать мешок цемента — такое всегда поручается Александру Широкову. Прямой и резкий, рыцарь суровой мужской справедливости, он всегда за смелые решения, трудные дела. Сейчас он уже работает шофером, заочно учится в институте.

У нас мало девочек, компания большие мужская. Мужчины от двенадцати до тридцати лет. Эх, не могу не сказать хотя бы несколько слов о Саньке Шадринкове. Теперь он уже окончил школу, учится на тракториста. По-русски, по-деревенски красив. Слова говорить не торопится, а говорит — так уж откровенно. Любю работу делает без рыка, словно рассчитав ее надолго и всерьез. Нашему делу предан без слов и жестов, просто и надежно. Если собираемся в поход и людей нехватка, то наличие Саньки — это уже залог успеха. В шутку говорят: «Он, как трактор, его только не торопи. И все будет!»

Окажешься в наших краях, читатель, завери в Мышкина — не пожалеешь. А заберешься в наш музей, мы тебе такое покажем, что на всю жизнь запомнишь.

КОФЕ КОСАДОВО

Рисунок К. БОРИСОВА.

— **П**ослушайте, вам нужен уж?

Я поперхнулся горячим кофе и поднял голову. У моего стола стоял симпатичного вида блондин с короткими ушами и подбитым глазом. Ласково улыбаясь, он протягивал мне руку с намотанным на палец ужом.

— Рубль, — проникновенно глядя мне прямо в глаза, сказал он. — Берите, хороший уж, не пожалеете.

Через плечо блондина была перекинута спортивная сумка, в которой что-то копошилось. Я с удивлением посмотрел по сторонам. Место, где я находился, даже отдаленно не напоминало зоомагазин. За ровными рядами столиков располагались небольшие компании. Радиола, отравлявшая скорлупенный ей штак, весело обещала увезти кого-то в тундру. В углу, сбившись в стайку, следили за порядком официантки. Это было обыкновенное молодежное кафе.

— Так что, берете? — спросил молодой человек, и его короткие уши нетерпеливо пошевелились.

Чувствуя себя не очень уверенно, я объяснил, что змеи как предмет первой необходимости меня сейчас мало интересуют.

— А что нужно? — оглянувшись по сторонам, почти шепотом спросил блондин.

За соседними столиками насторожились. Я, все еще смущаясь, растолковал молодому человеку, что ничего конкретного не имею в виду.

— Сам не знаешь, чего хочешь? — обиделся ужегороводец и, бормоча себе что-то под нос, отошел к другому столику. Там уже купила.

Облегченно вздохнув, я потянулся за своей чашкой, но мой кофе был довольно бесцеремонно отодвинут на край стола шахматной доской, владелец которой,

заводя шахматные часы, произнес угрожающей скороговоркой:

— Блиц! Две — пять! По полтинничку? Идет?

Передо мной сидела давно не чсаная личность в очках. Запало мускатным орехом.

— Ну? — рывкнул он, нажимая на кнопку часов. — Ходи!

— Я не играю в шахматы, — сказала я.

Личность с минуту молча глядела на меня, затем сложная шахматы и, отходя от стола, мрачно бросила:

— Богу — богово, а слесарю — слесарево.

Пока я переживал случившееся, две очень милые девушки успели занять у меня «до завтра» 17 копеек. Кроме того, мне было предложено купить наборы ручек «Паркер» или «Баллограф», зажигалки всех систем — от бензиновых до электрических, бритвенных, паяльную лампу и массу других, очень нужных в хозяйстве вещей, в том числе живую лису с родословной доберман-пинчера.

Курчавый парень небрежно держал лису под мышкой и долго убеждал меня, что, сколько бы я ни старался, лучше этого экземпляра ни добермана, ни пинчера мне не сыскать. Когда же я попытался возражать, он обвинил меня в слабом понимании сущности проблемы защиты животных и отошел в сторону.

Его друг, терпеливо ждавший своей очереди, не присаживаясь, медленно разжал руку.

— Я понимаю, что вам не надо, но для подарка, знаете, незаменимая вещь. — На потной ладони очередного собеседника мирно поттикнул механизм от часов. — Это «Докса», — сообщил мне он. — Корпус был золотой. Сдал я его. Золотой, знаете, не всякому по карману, но механизм стоящий.

Я почувствовал, что начинаю плохо понимать, что, собственно,

происходит. Вдруг мое внимание привлекла беседа двух парней и разноцветного вида девушек за соседним столиком.

— Эмбриональное состояние философского предиката,— прикрываясь пиджаком и разливая водку в чашки из-под кофе, убеждал один из них своего соседа по столику,— не позволяет пока ещеординарному субъекту, пусть даже способному, абстрагированно мыслить...

— Ты прав,— грустно перебил его собеседник.— В наш век технического прогресса, когда каждый мыслящий индивидум стремится популяризировать свои знания, а пресса лаконично излагает факты, бросая ретроспективный взгляд и подводя конъюнктурную основу, я предлагаю выпить за то, что данный субъект не является доминирующей субстанцией в комплексе наших ощущений.— При последних словах он покосился на меня и чокнулся с девушкой.

Приняв обращение «данный субъект» на свой счет и не желая никому доставлять неприятностей, я стал пробираться к выходу. Уже переступив порог кафе, я почувствовал, что кто-то настойчиво дергает меня за пиджак. В проходе между дверями стоял длинный худой парень. Он поманил меня пальцем и доверительно наклонился, сказал:

— Продаю вайтовые трузеры на зипсерах с фановым лейблом на ленточке покетке.

— Что? Что?!

Видя мое замешательство, он сникзшел до пояснения:

— Серость, английского не знаешь. Джинсы белые с клевой этикеткой на левом кармане нужные!

Я вышел на улицу и внимательно прочитал вывеску над входом. «Кафе молодежное. Открыто с 8 до 23. Перерыв с 18 до 19 часов». Филлалы зоомагазина и магазина «Тысяча мелочей» не упоминались.

Нервный тик и головная боль к вечеру прошли, зато ночью мне приснились леса в белых джинсах. Улыбаясь, она держала в зубах шахматные часы.

Сейчас я состою на учете у районного психиатра и надеюсь вскоре за это получить однокомнатную квартиру. Заблаговременно покупая всякую хозяйственную утварь. В частности, нигу египетскую кофенарку. Достать ее очень трудно, и я начинаю подумывать, не сходить ли мне еще разок в молодежное кафе.

Надо будет посоветоваться с психиатром.

А. ЮШКОВ

Я—
Федя!

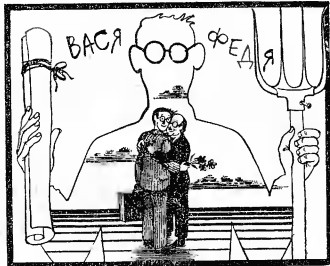

Рисунок И. МАКАРОВА.

После окончания института меня распределили на работу в НИИ. Мой ректор, прощаясь, рыдал у меня на груди.

— Ах, у меня никогда больше не будет такого выдающегося студента! Ну, ничего,— наконец успокоился он,— встретимся когда-нибудь на научном конгрессе где-нибудь в Женеве. Я уверен! И мы расстались.

На второй день работы в НИИ меня вызвал начальник отдела.

— Такие дела,— сказал он.— На овощной базе завал. Надо вырывать. Продукт гниет, понимаешь?

— Понимаю,— ответил я,— но...

— Надо, Федя,— мягко сказал он,— надо.

— Вася,— поправил я.

— Ну да, ну да,— согласился он,— конечно. Счастливо поработал Федя...

Через две недели, когда я вернулся с базы, меня снова вызвал начальник отдела.

— Такие, Федя, дела,— сказал он,— наши подшефные строят больницу. Помочь надо, а кого пошлешь? Петров в летах, у Сидорова дети, сам понимаешь...

— Понимаю,— вздохнула я.

— Ну и прекрасно,— сказал он.— Через две недели ждем тебя обратно.

После стройки меня не трогали два дня. На третий вызвал начальник отдела.

— Газеты читаешь?— спросил начальник.— В курсе? Какая пора сейчас?

— В курсе,— уныло ответил я.— Уборочная.

— Умница,— похвалил он.— В общем, получай спецдежду и жми, Федя...

«Вася»,— хотел было поправить его я, но молча поехал в колхоз. Женева не пахла. Пахло картошкой. Надо было что-то предпринимать.

И я решил не возвращаться из колхоза. Устроился там на постоянную работу и впервые почувствовал себя спокойно. Во всяком случае, нигуда не пошлют и можно сосредоточиться на чем-нибудь одном.

Месяца через два меня вызвал к себе председатель колхоза.

— У тебя сколько классов?— спросил он.

— Восемь,— не моргнув, соврал я.

— Это хорошо,— обрадовался он,— это что надо! Тут, понял, такие дела— у шэфов совещание такое... научное. Требуют от нас делегата, так сказать, представителя от села... А кого пошлешь? Иванов в летах, у Козлова дети, сам понимаешь...

Через неделю я был на межинститутском совещании по науке и технике, через две— на слете ученых в Москве, а через месяц меня снова вызвал председатель колхоза.

— Ты это...— сказал он,— газеты читаешь? В курсе? Что у нас на носу?

— В курсе!— бодро ответил я.— Женеvский научный конгресс!

— Во! Никак город не мог за-помнить... В общем, получай визу и жми, Вася.

— Федя,— поправил я и вышел.

— Я был уверен! Я был уверен!— приговаривал мой бывший ректор, тиская меня в объятиях на перроне Женеvского вокзала. Я кивал головой и улыбаясь.

Б. ГУРЕЕВ

Два рассказика

1. Скука

— Хотите, сигарету об язык потушу? — предложил Андрей. — Спокойно! На червонец.

У одного нашелся лишний червонец... Сигарета вспыхнула и погасла, встретившись с богатырским языком Андрея. Прогоревший поблелел и полез в карман за десяткой.

— Оставь ее себе, — сказал Андрей. — Я ж не из-за денег.

— Андрюша — человек принципа. Да, Андрей? — торопливо заговорил приятель Андрея, худой, нескладный парень. Острый кадык проворно перекачивался по длинной шее. Глаза подернулись дымкой воспоминаний.

— На фантомном столе два часа на спор просидел! На банконе одинадцатого этажа отжимался... Стакан тряс... Вазелин ел... Подбороды на себе выпрастил. За пятярку волосы в розовый цвет покрасил, потом ту пятярку за

рубль сжег, а рубль за две копейки лбы в зоопарке сжорил. Другия копейками и Академию наук позвонил и сказал, что снежного человека поймал...

Кадык влюбленно посмотрел на Андрея. Тому было скучно.

— А слабо, стоя на руках, стакан водки выпить? — вдруг сказал Андрей и с надеждой посмотрел вокруг.

Все отводили глаза. Было слабо. Кадык засуетился: зрела новая сенсация.

— Давай, Андрюха, покажи им!

Андрей встал на руки, с натугой глотая, выпил водку. Стало шумно. Компания повеселедела. Кадык хлопал ладошками и светился от счастья. Андрей тоскливо оглядывался по сторонам, ища новую жертву...

Шел он домой один. Погода стояла мерзкая, моросил мелкий дождик. Ему было скучно. Могучие силы бродили в нем. Они искали точки приложения. Но на обед из динозавра он опоздал родиться, а машину времени еще не изобрели... Сама тоска висела над ним серой сеткой холодного дождя. Андрей встал на руки, но идти почему-то не хотелось. Вокруг не было ни души...

Постояв еще немного вверх ногами, Андрей вернулся в нормальное положение, тяжело вздохнул и, сторбившись, побрел к дому, тогда перед собой смичный корбок.

2. Копеечное дело

Н едодали мне копейку. Мелочь, конечно, пустяк. Мне она что? Стакан газировки. Без сиропа. Выпил и забыл. А начини просить копейку — засмеют. Обойдусь. Пожертвую копейку. С каждого по копейке — голому рубашка. Носите на здоровье! Подумаешь, копейечка! Ведь не гривенник же...

Недодали гривенник. А, думаю, ерунда! Пирожок с капустой. Съел и забыл. А сдачу будешь требовать, потом к этому прилавку век не подходи. Гривенник!.. Стану я из-за такой чепухи нервы портить. И себе и людям. Ведь не рубль же...

Недодали рубль. Неприятно, конечно. Это уже третья обед. С первым, со вторым и с третьим. С процентами за обслуживание. Жалко. Но не идти же скандалить из-за несчастного

рубля. Что я, бедный, что ли? А человеку радость. Рубль к рублю, — глядишь, гарнитур приобретет, телевизор цветной... Ему надо, зарплата то маленькая, да и семья, дети... Подумаешь, рубль! Нет, если, конечно, как следует потренироваться, отдадут, кинут его тебе в лицо, но уж потом... Себе дорожко... Черт с ним, с рублем!.. Даже говорить об этом смешно. Ведь не червонец же...

Недодали червонец. Вот это уже нехорошо, думаю. Два обеда. С ангелами, с салата-

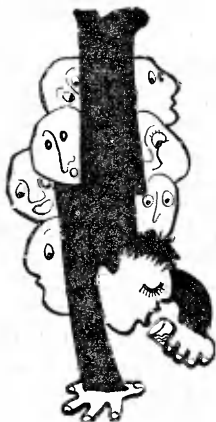
ми, с вином, с девушкой. Официанты суетятся, оркестр играет. Икорки можно взять, шампанского... Такое степь — не забудешь. А человек, который тебе недодает, уже явно на машину метит, не меньше. Черт те что! Хамство какое!.. А с другой стороны, шум поднимать тоже неудобно. Нужно было сразу, а то теперь вон сколько времени прошло. Пришел сдачу требовать. Что же, скажут, раньше молчал?.. Ладно, бог с ним, с червонцем! Ведь не...

Вдруг смотрю, мне сотню хотят недодать.

Э, нет, говорю, так не пойдет. Это же грабеж, говорю, посреди бела дня. У меня оклад всего сто тридцать. Что же вы в самом деле!

Ах, простите, говорят, промашка вышла. Обсчитались. Вот вам ваша сто рублей. И дают. Все как есть. Чин чинарем. Только копейки не хватает. Мелочь, конечно, пустяк. Мне она что? Стакан газировки. Без сиропа. Выпил и забыл. Да и начини просить — засмеют... Себе дорожко!

г. Ереван.

Рисунки К. КОРНИЛОВИЧ.

Лауреаты конкурса «Зеленого листка»

Жюри конкурса «Зеленого листка», в состав которого вошли члены редколлегии журнала «Юность», под председательством главного редактора журнала В. Н. Полевого рассмотрело опубликованные в 1975 году произведения молодых авторов в области прозы, поэзии, публицистики, живописи и при- судило:

первую премию (500 руб.) —
Анатолию Тобольку
за повесть «История одной любви»
в № 1;

вторые премии (по 250 рублей) —
Анатолию Трофимову
за корреспонденцию
«Я — токарь» в № 1;

Борису Кузнецову
за статью «Последний бой» в № 1;

третью премию (200 руб.) —
художнику Борису Котляру
за серию обложек журнала;

еще одну третью премию поделили:

Сергей Борисов (стихи в № 1),

Владимир Сидоров (стихи в № 1),

Булат Судейменов (стихи в № 1).

Лауреаты конкурса

«Зеленого листка»

награждаются Почетными

дипломами.

Редакция сердечно

поздравляет лауреатов

«Зеленого листка»

и желает им новых творческих успехов.

К ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО САТИРИКА

Сегодня вы впервые встречаетесь на страницах «Юности» с работами молодого москвича Евгения Мадиевского. Я уверен, что она будет интересна и радости для вас — эта первая встреча с художником. И для него тоже. Евгений Олегович Мадиевский родился в 1945 году, и, стало быть, ему чуть-чуть больше тридцати. Десять из них отданы любимому ремеслу, тайны которого постигал он сперва в Московском высшем художественно-промышленном училище (знаменитая «Строгановка»), а потом, окончательно определив свои привязанности, — в офортной мастерской имени И. И. Нивинского.

Но это, так сказать, анкетные данные. Главное в работах Евгения — офорты, рисунки, акварели. Диапазон его творчества широк. Мы убедились в этом, когда, придя в редакцию, развезал он свои огромные папки. В них оказались... веселые московские улицы и переулочки, пестрые толпы людей. Крутилось в парке «чертов колесо», солнечные блики слепили глаза. Но вдруг краски похолодели. Тончайшая паутина изысканных линий на офортах сплеталась в причудливые узоры — романтические юноши играли на экзотических музыкальных инструментах, неслись в хороводе звери и птицы.

А из папок появлялись все новые и новые листы. Те, на которых запечатлены образы, навеянные художнику произведениями великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, показались особенно интересными. Евгений Мадиевский по-своему увидел давно знакомые нам щедринские типы. Он не просто иллюстрировал знаменитые книги, а, увлеченный остротой и яркостью слова, преподнес его в острой, гротескно-выпуклые гравюры, где профессиональное мастерство и полет фантазии соединились органично.

Щедрина иллюстрировали многие большие художники. Трудно представить иные его произведения, скажем, без рисунков Никитышев, Евгений Мадиевский, с уважением относился к традициям, сложившимся в иллюстрировании книг замечательного сатирика, ищет новые средства для изображения щедринских героев. И эти поиски во многом удачны, если судить по станковым иллюстрациям и «Сказкам». «Истории одного города», «За рубежом». Некоторые из них мы воспроизводим на третьих страницах обложки этого номера. Здесь как бы миниатюрная выставка работ молодого художника в честь 150-летия со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Алексей ПЯНОВ

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

- Твоя пятилетка. Передовая 2
- Алексей МАРЧУК. Приснился мне город... Документальная повесть 4
- Сергей ОВсянников. Звезды. На пороге. Рассказы 37
- Василий КОНДРАШОВ. Рыжий — не рыжий... Повесть 44
- Валерий ДАШЕВСКИЙ. Инцидент. Рассказ 66

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ.

ПОЭЗИЯ

- Маргарита КИРИЛЛОВА. Военкор. Зависть. Баба. Парус на ветру. Песня. Тони 36
- Сергей НОВИКОВ. Плотник. Письма к друзьям. Бима в Ялте. В начале осени 43
- Галина БУКАЛОВА. Камчатка — Ленинград. Баллада о моей фотографии. Баллада о синей чашке 86
- Николай ПОНОМАРЕВ. Роба. Голубятник. Пастуший рожок. «Волна морская зелена...» 87
- Сергей АЛЕКСАНДРОВ. «Забывши тишину, из боя в бой...». «Рыбит тельняшковой полосатой...». «Тягуча осенняя нега...» 88
- Даниил ЧКОНЯ. Воспоминание. «А что тебе ночью приснится...». «Я знаю, что придет и это...». Ночной поезд. Домик перевозчика 88
- Оне БАЛЮКОНИТЕ. «И вдруг создать Вселенную. И там...». Цирк. «Веселых подсолнухов нету давно...». Перевел с литовского Е. Храмов 89

- Редакционная коллегия:
А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. Н. ГОРЯЕВ,
А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),
Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),
К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,
В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.

КРИТИКА

- Анна ДЕХТЯРЬ. Сенеж-75. (К нашей вкладке) 65
- Марина КНЯЗЕВА. С чем приходят в страну Поэзию. (Дневник критика) 73
- Владимир ОГНЕВ. Необходимые дополнения 77
- Т. ПИСКУНОВА. Нам, не знавшим войны (Поговорим о прочитанном) 79

- Художественный редактор
Ю. А. Цищеский.
Технический редактор
Л. К. Зябкина.

ПИСЬМО ЯНВАРЯ

- Любимое дело 80

ПУБЛИЦИСТИКА

- Виталий ШАРИЯ. Мастер и мастерок 82
- Девушки мира и мир девушек. (Клуб двадцатилетних) 90

- Адрес редакции:
101524, ГСП, Москва, К-6.
Улица Горького, 19-321.
Телефон редакции: 251-32-83.
- Рукописи
не возвращаются.

НАУКА И ТЕХНИКА

- Людмила ПОРТНЯГИНА. Споры вокруг спор 96

СПОРТ

- Наталья ТОДОРОВА. Одна среди мальчишек 99
- Людмила ТИТОВА. Там, в Инсбруке 104

- Сдано в набор 28/X—1975 г.
А 13125.
Подп. к печ. 17/XII 1975 г.
Формат 84x108^{1/8}.
Объем 12,18 усл. печ. л.
17,62 учетно-изд. л.
Тираж 2 655 000 экз.
Изд. № 217. Заказ № 1323.

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

- Владимир ГРЕЧУХИН. Славный город Мышкин 105
- Денис СПИРИН. Кофе с осадком 108
- А. ЮШКОВ. Я — Федя! 109
- Б. ГУРЕЕВ. Два рассказика 110
- Лауреаты конкурса «Зеленого листка» 111
- Алексей ПЯНОВ. К юбилею великого сатирика 111

- Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография газет «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Портрет
М. Е. Салтыкова-Щедрина. 60-е годы.

Из новых иллюстраций
молодого художника
Е. Мациевского
к произведениям
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

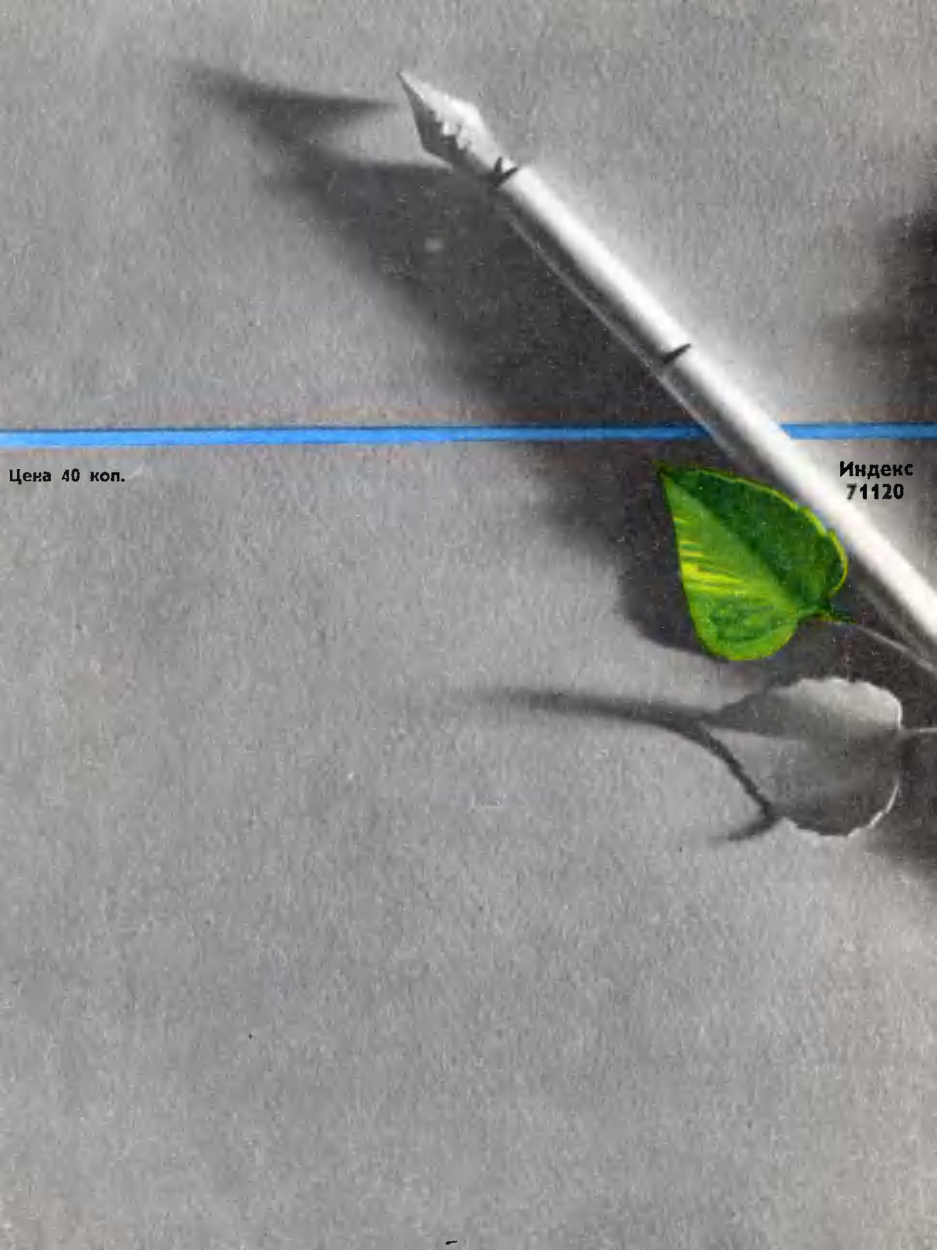

Иллюстрация к сказке
«Игрушечного дела людшики».

Иллюстрация
к «Истории
одного города».

Путешествие
Фердыщенко.

A fountain pen with a silver barrel and a green leaf are resting on a grey surface. The pen is positioned diagonally from the top right towards the center. A single green leaf is placed near the bottom of the pen. A horizontal blue line runs across the middle of the image. The background is a textured grey surface.

Цена 40 коп.

Индекс
71120